

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
АПРѢЛЬ, 1899



РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.



О РАСПОРЯЖЕНІЮ покойнаго туркестанскаго генераль-губернатора, К. П. фонъ-Кауфмана, въ 1871—1872 годахъ, «въ видахъ удовлетворенія общаго интереса и для скорѣйшаго ознакомленія читающей публики со вновь занятою нами страной», составленъ былъ фотографическій «Туркестанскій альбомъ». Альбому этому поставлено было задачею представить наглядно: 1) прошедшую жизнь края въ сохранившихся древнихъ памятникахъ (археологическая часть); 2) современную жизнь населенія—типы вѣрованія, обряды, обычаи, жилища, костюмы и виды болѣе населенныхъ мѣстностей края (этнографическая часть); 3) культуру страны въ промышленномъ и техническомъ отношеніяхъ (промьсловая часть) и 4) движеніе русскихъ въ эти страны, сгруппировавъ въ одномъ цѣломъ виды мѣстностей, гдѣ приходилось отличаться русскому оружію, и портреты тѣхъ дѣятелей, которые были первыми, открывшими путь въ Среднюю Азію (историческая часть). Каждой изъ четырехъ частей альбома предполагалось предпослать соотвѣтственный объяснительный текстъ. Но программа эта, столь широко задуманная, по неизвѣстнымъ причинамъ, осуществлена не была. Фотографическій альбомъ былъ изданъ всего въ шести экземплярахъ¹⁾, а текстъ къ нему никогда не былъ напечатанъ. Изъ собранныхъ же для него матеріаловъ, насколько извѣстно, появился въ свѣтъ лишь трудъ М. И. Бродовскаго «Техническія производства въ Туркестанскомъ краѣ» (Спб., 1876). Между тѣмъ, «альбомъ», по авторитетному отзыву Вл. В. Стасова, «долженъ быть признанъ изданіемъ истинно-монументальнымъ, ибо въ такой систематической полнотѣ не была у насъ представлена, въ вѣрныхъ снимкахъ съ натуры, ни одна часть нашего государства, даже и Великобританія во всей ея совокупности»²⁾.

¹⁾ Экземпляры эти были представлены генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ: императору Александру II, наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу, великому князю Владиміру Александровичу, академіи наукъ, императорской публичной библіотекѣ и русскому географическому обществу.

²⁾ В. В. Стасовъ: «Фотографическія и фототипическія коллекціи императорской публичной библіотеки», Спб., 1885.

Въ надеждѣ, что когда либо трудъ этотъ, по сохранившимся въ императорской публичной бібліотекѣ негативамъ, будетъ изданъ вновь и сдѣлается достояніемъ публики, и желая облегчить издателю составленіе объяснительнаго текста, я воспользовался найденными въ бумагахъ К. П. фонъ-Кауфмана нѣсколькими черновыми статьями, съ описаніемъ главныхъ эпизодовъ поступательнаго движенія нашихъ войскъ въ Среднюю Азію, со взятія Акъ-Мечети въ 1853 году по 1871 годъ, чтобы ознакомить интересующихся исторіей нашихъ окраинъ со многими, неизвѣстными доселѣ, подробностями событій, укрѣпившихъ русское знамя на Востокѣ, и повѣдать о подвигахъ не только прославленныхъ уже дѣятелей, но и тѣхъ скромныхъ героевъ, имена которыхъ упоминались, въ свое время, въ реляціяхъ, но нынѣ мало кому памяты.

Особенная цѣнность упомянутыхъ статей, въ значительной части принадлежащихъ, въ первоначальномъ видѣ, перу М. А. Терентьева, — заключается въ томъ, что написаны онѣ на мѣстѣ, по подлиннымъ документамъ; въ описаніяхъ событій царствованія императора Александра II изложены по показаніямъ живыхъ свидѣтелей и проверены самимъ Константиномъ Петровичемъ, взявшимъ на себя и редакцію ихъ, судя по множеству его собственноручныхъ исправленій и вставокъ, и той тщательности, съ которой въ повѣствованіи о событіяхъ его времени исключено, гдѣ только возможно, все, что указывало бы на его личную инициативу и руководящую роль. Подробность — характерная и свидѣтельствующая всѣмъ, близко знавшимъ покойнаго устроителя Туркестана, что рукопись готовилась не только для справокъ, но и для печати.

Поэтому, придавъ сему драгоцѣнному для будущаго историка матеріалу форму послѣдовательнаго очерка и помѣщая его на страницахъ «Историческаго Вѣстника», я думаю лишь исполнить намѣреніе К. П. и послужить исторической правдѣ.

П. К.

I.

Движеніе въ глубь Азіи до 1853 года.

Кошмаръ Англіи — поглощеніе Россіей Азіи — представляющій насъ въ воображеніи англійскаго народа и его государственныхъ дѣятелей въ видѣ коварныхъ и ненасытныхъ завоевателей и приписывающій намъ ихъ собственный девизъ: «tout prendre, ne rien rendre et toujours prétendre», объясняется, однако, не одною мнительностью. Страшить ихъ тотъ неуправляемый потокъ, который, подхвativъ Русь еще въ XV столѣтіи, съ завоеваніемъ Перми, Вятки и Югорской земли, влечетъ Россію на Востокъ, неуклонно приближая къ британской сокровищницѣ. Задержанная на время въ этомъ движеніи татарскимъ нашествіемъ — поработенная, угнетенная Азіей слабая удѣльная Русь, кровью своею затушившая угрожавшій Европѣ монгольскій пожаръ, свергнувъ съ себя иго, воспряла мощнымъ государствомъ, и ставъ твердою ногою на развалинахъ азіатской Золотой орды, двинулась сама на Азію, какъ рѣка, прорвавшая плотину, возвращается въ свое русло.

Съ завоеваніемъ царствъ Казанскаго (1552) и Астраханскаго (1556), съ покореніемъ Сибири (1581), Россія приобрѣла новыхъ со-сѣдей—и мирныхъ, и безпокойныхъ. Мирныхъ пришлось защищать, отъ враговъ защищаться. Возникли на восточной границѣ укрѣпленія, явилась необходимость занимать стратегическіе пункты. Съ теченіемъ времени, замиренныя народы, оказавшіеся между Россіей и дикими азіатскими племенами, въ огражденіе себя отъ напавшихъ на нихъ изъ Азіи ордъ, стали вступать въ русское подданство и постепенно сливаться съ коренною Русью: башкиры, калмыки, киргизы, поочередно, подчинились русской державѣ. Граница Россіи перевалила за Уралъ. Но все это движеніе на Востокъ, всё эти мирныя приобретенія и завоеванія азіатскихъ пространствъ совершались съ единственною цѣлью, вызванною нападеніемъ самозащиты или защиты слабыхъ, просившихъ у Россіи противъ сильныхъ покровительства. Если же взоры русскихъ государей и обращались иногда на Азію съ болѣе широкими видами, то лишь для развитія великаго средне-азіатскаго торговаго пути, но попытки въ этомъ направленіи, несмотря на посылавшихся еще царемъ Иваномъ Грознымъ, а затѣмъ и государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, гонцовъ къ закаспійскимъ владыкамъ для развѣдокъ и мирныхъ соглашеній,— не имѣли успѣха, и средняя Азія долго оставалась для русскихъ полусказочною страной.

Такимъ образомъ, не завоевательные замыслы нашихъ государей, не корысть и не жажда славы влекли нашихъ воиновъ въ теченіе вѣковъ къ столицѣ Тамерлана, а случай и необходимость—эти два двигателя, для которыхъ нѣтъ преградъ.

Болѣе сознательное отношеніе къ Востоку и желаніе ближе ознакомиться съ средне-азіатскими народами и ихъ бытомъ стали проявляться у насъ лишь съ начала прошлаго столѣтія.

Императоръ Петръ Великій, наслышавшись о возможности, при помощи великой средне-азіатской рѣки, связать Россію съ Азіей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ свѣдѣнія, что хивинцы преградили русло, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, рѣшилъ какъ для исправленія этого русла, такъ и для повѣрки слуховъ о золотоносности Аму-Дарьинскихъ водъ, снарядить двѣ экспедиціи: одну со стороны Сибири, подъ начальствомъ подполковника Бухгольца, другую, подъ предлогомъ поздравленія хивинскаго хана со вступленіемъ на ханство, подъ начальствомъ гвардіи капитанъ-поручика князя Бековича-Черкаскаго. Бухголецъ долженъ былъ идти долиною Иртыша, заложить по дорогѣ нѣсколько крѣпостей и овладѣть Эркетомъ (Яркендомъ). Бековичъ долженъ былъ проникнуть въ Хиву, а затѣмъ и въ Бухару и соединиться съ Бухгольцомъ у Яркенда. Походъ со стороны Сибири повелъ къ тому, что мы, позабывъ объ Эркетѣ, заняли въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1715 по 1720 годъ) всю долину Иртыша на протяженіи слишкомъ 1.000

верстѣ, устроивъ здѣсь рядъ крѣпостей. Бековичъ же погибъ, не достигнувъ цѣли. Снарядившись въ Астрахани и выступивъ въ Хиву въ февралѣ 1717 года, черезъ степь, отъ Красноводскаго залива, съ отрядомъ, имѣвшимъ до 3.000 человекъ, Бековичъ встрѣтилъ хивинцевъ на рѣкѣ Карагачъ. Несмотря на завѣренія князя Черкаскаго, что онъ идетъ въ Хиву съ мирными предложеніями, хивинцы на него напали вооруженною силою, но послѣ трехдневнаго боя вынуждены были отступить. Путь въ Хиву былъ, такимъ образомъ, открытъ, чѣмъ и слѣдовало воспользоваться, чтобы проникнуть въ столицу ханства и на мѣстѣ объяснить цѣль экспедиціи; вмѣсто того, Бековичъ вступилъ вновь въ переговоры съ ханомъ Ширгазы, принявъ приглашеніе прибыть въ его лагерь и поддался его увѣщаніямъ раздѣлить отрядъ, для удобства, будто бы, продовольствія, на нѣсколько партій. Какъ только это было исполнено, хивинцы уничтожили весь отрядъ по частямъ. Первою жертвою своей неосторожности палъ самъ князь Черкасскій. Онъ былъ обезглавленъ въ ханской ставкѣ. Неудача экспедиціи 1717 года повлекла за собою и очищеніе восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ оставленные въ заложенныхъ крѣпостяхъ гарнизоны понесли громадную потерю въ людяхъ, вслѣдствіе недостатка здоровой воды. На Красноводскую крѣпость произведено было нѣсколько нападений туркменами по наущенію хивинцевъ, и хотя эти нападенія были отбиты, начальники гарнизоновъ, видя невозможность удержаться въ укрѣпленіяхъ, рѣшили ихъ покинуть и весною 1718 года отплыли въ Астрахань съ оставшимися въ живыхъ людьми.

Гибель Черкаскаго не разстроила, однако, виды великаго императора на Аму-Дарью и не охладила Петра въ розысканіи торговаго пути на Востокъ, для каковой цѣли туда постоянно посылались послы: князь Урусовъ, Лихаревъ, Артемій Волинскій, Флоріо Беневскій. Изъ нихъ послѣдній три года ѣхалъ въ Бухару, задерживаемый то въ Шемахѣ, то въ Тегеранѣ. Недружелюбіе бухарцевъ заставило его спасаться бѣгствомъ въ Хиву, гдѣ онъ былъ принятъ лучше, но и оттуда долженъ былъ все-таки выѣхать тайно. Беневскій подтвердилъ слухи о золотѣ и старомъ теченіи Аму-Дарьи въ Каспій, но, возвратясь въ Россію, уже не засталъ въ живыхъ государя, который, незадолго до своей кончины, отнявъ у Персіи, лично предводительствуя войсками, прикаспійскія области, избралъ другой путь въ сердце Азіи: черезъ Киргизскія степи и Сыръ-Дарью.

Усилія посланнаго къ киргизамъ мурзы Тевкелева увѣнчались успѣхомъ, и въ 1732 году народное киргизское собраніе Малой и Средней орды подписало запись о поступленіи своемъ въ подданство Россіи. Съ этого времени, началась борьба русской цивилизаціи съ пастушескими и дикими племенами азіатскихъ степей. Много было испытано способовъ привить дикарямъ, если не гражданское устройство, то какія нибудь понятія о правѣ и справедливости, но всѣ попытки

оказывались бесплодными: дикари уважали только одно право — право силы, и тогда уже, негласно поощряемые англійскимъ золотомъ¹⁾, упорно уклонялись отъ мирныхъ сосѣдскихъ отношеній. Грабежи, убійства, увозъ плѣнныхъ для продажи въ Хивѣ повторялись на линіи ежегодно. Отряды наши тщетно гонялись за разбойничьими шайками по безводнымъ степямъ — было очевидно, что необходимо возвести рядъ укрѣплений, которыя прорѣзали бы степь вдоль и поперекъ, лишивъ разбойниковъ возможности проскользнуть мимо съ добычею. Въ этихъ цѣляхъ, въ 1754 году, былъ занятъ небольшой участокъ илецкихъ соляныхъ копей для устройства тамъ крѣпости и поселенія, а на сѣверѣ урало-уйская линія была соединена съ иртышскою, и проведена новая пограничная черта отъ Звѣриноголовскаго укрѣпленія до Омска. Но вообще правительство наше всячески избѣгало наступательныхъ дѣйствій и долгое время отклоняло всякія предположенія объ исправленіи нашихъ восточныхъ границъ, путемъ вооруженнаго занятія сосѣднихъ безпокойныхъ ханствъ. Даже императоръ Павелъ, мечтавшій сначала совместно съ Франціей, а затѣмъ и собственными силами, умѣрить корыстолюбіе и эгоизмъ Англіи, выразившіеся въ притязаніяхъ ея на Мальту и Іоническіе острова, походомъ въ Индію, — отказался отъ мысли занять Хивинское ханство, несмотря на представлявшіяся къ тому удобства. Когда русской службы майоръ Бланкеннагель, пробывшій въ Хивѣ долгое время въ качествѣ врача при ханѣ и изучившій ее во всѣхъ подробностяхъ, по возвращеніи въ Россію въ 1797 году, подтверждая старыя слухи о минеральныхъ богатствахъ страны и возможности исправленія русла Аму-Дарьи, представилъ государю планъ завоеванія ханства, съ маршрутомъ для экспедиціоннаго отряда, и планъ этотъ, по разсмотрѣніи его въ «совѣтѣ при высочайшемъ дворѣ»²⁾, не былъ одобренъ къ исполненію лишь потому, что походъ въ Хиву привлекъ бы «разныхъ другихъ державъ вниманіе и усугубилъ бы ихъ зависть» и могъ бы «вывести Россію изъ настоящаго ея мирнаго положенія»³⁾, — императоръ, на протоколѣ совѣта, съ своей стороны, добавилъ, что «совѣтъ, исчисляя причины, препятствующія овладѣть Хивою, позабылъ одну изъ главнѣйшихъ, т. е. неимѣніе къ тому никакого повода справедливости»⁴⁾.

¹⁾ Англійское правительство, между прочимъ, уже во время персидскаго похода заявляло турецкому султану, что «русскій государь хочетъ непремѣнно обладать всею восточною торговлею, вслѣдствіе чего товары Азіи пойдутъ въ Европу чрезъ Россію. Порта должна оружіемъ остановить усѣхи русскихъ на Востокъ, и если она объявитъ Россіи войну, то получить денежную помощь не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго». Лобисевичъ. Описаніе хивинскаго похода. Гл. I. Спб. 1898.

²⁾ Нынѣ государственный совѣтъ.

³⁾ Журналъ совѣта 23-го іюля 1797 года (Архивъ Госуд. Сов., т. II, Спб., 1888).

⁴⁾ Журн. сов. 13-го августа 1797 года (тамъ же).

Между тѣмъ, отношенія наши къ Хивѣ все ухудшались, хивинцы продолжали вторгаться въ наши предѣлы, уводить въ плѣн мирныхъ жителей, мутить киргизовъ и грабить караваны. Англичане, съ своей стороны, стали принимать энергичныя мѣры для защиты своей сѣверо-западной границы. Наконецъ, и мы убѣдились, что нѣтъ другихъ средствъ образумить Хиву, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Въ октябрѣ 1839 года изъ Оренбурга выступилъ, подъ командою генералъ-адъютанта Перовскаго, отрядъ въ составѣ 4.250 человекъ, при 18 орудіяхъ и 2.000 киргизскихъ возчиковъ и верблюдовожатыхъ, но цѣли своей этотъ отрядъ не достигъ; и не хивинскія скопища, а суровая зима и болѣзни остановили его движеніе въ февралѣ 1840 года. Щадя людей, Перовскій, скрѣпя сердце, рѣшился вернуться на Эмбенскій постъ. Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе Перовскаго о неуспѣшномъ исходѣ экспедиціи, повелѣлъ приступить къ приготовленіямъ для новаго похода, но и эта вторая попытка не удалась и по той же причинѣ: отрядъ дошелъ до Чушкакуля, но развившаяся цынга и другія болѣзни унесли изъ него болѣе 1.000 человекъ, 10.000 верблюдовъ и 8.000 лошадей. Перовскій вторично долженъ былъ вернуться въ Эмбенское укрѣпленіе. Неудача этого второго похода вселила во многихъ убѣжденіе въ невозможности дойти отрядомъ до Хивы, и лишь 23 года спустя на долю К. П. фонъ-Кауфмана выпало доказать противное. Но самый неуспѣхъ экспедиціи Перовскаго принесъ свою пользу. Она окончательно доказала, что дѣйствовать набѣгами, вдали отъ опорныхъ пунктовъ, мѣра рискованная, и что къ цѣли надо было подходить, хотя и медленно, но вѣрными шагами, оцѣпивъ степь рядомъ укрѣпленій. Основаніе этой цѣпи положено было въ 1845 году: возникли укрѣпленія Оренбургское, Уральское, затѣмъ Раимское, Карабутахъ, Косъ-аралъ. Съ возведеніемъ Раима совершилось занятіе устьевъ Сыръ-Дарьи. На Аральскомъ морѣ заведены суда, въ февралѣ 1853 года спущенъ на воду первый пароходъ, доставленный въ разобранномъ видѣ изъ Швеціи. Занятіе Сыръ-Дарьи давало, съ одной стороны, возможность приготовить для Хивы серьезный ударъ, а съ другой—соединить оренбургскую линію съ сибирскою. Тѣмъ временемъ, назначенный вновь, вмѣсто Обручева, оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Перовскій предпринялъ движеніе вверхъ по Сыру, но посланный для этого въ 1852 году полковникъ Бларамбергъ потерпѣлъ подъ стѣнами Акъ-Мечети неудачу, и экспедиція была отложена до слѣдующаго года.

II.

Взятіе Акъ-Мечети въ 1853 году.

Въ 1853 году, генераль-адъютантъ Перовскій, наученный уже опытомъ 1839 года и неудачею Бларамберга, принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію войскъ для дальнаго степного похода. Первая колонна выступила изъ Оренбурга 25-го апрѣля. Весь отрядъ, по присоединеніи къ первой второй колонны изъ Карабутака, состоялъ изъ 2.168 человекъ, при 12 орудіяхъ и 150 киргизъ-охотниковъ. Перевозочныя средства заключались въ 2.038 верблюдахъ, 228 волахъ и 494 телѣгахъ.

Въ началѣ іюля, отрядъ прибылъ въ Аральское укрѣпленіе. По дорогѣ заложены были два укрѣпленія: фортъ № 1 при истокѣ изъ Сыра рукава Казалы и фортъ № 2 при урочищѣ Кармакчи. 2-го іюля, Перовскій подступилъ съ легкимъ отрядомъ къ Акъ-Мечети и расположился лагеремъ въ 600 саженьяхъ отъ укрѣпленія. Коменданту крѣпости было послано предложеніе сдаться, но кокандцы, подпустивъ парламентаревъ къ крѣпостному валу, встрѣтили ихъ выстрѣлами.

Рекогносцировка указала, что умудренные прошлогоднимъ опытомъ кокандцы значительно усилили свои верки: наружный валъ былъ срытъ, строенія вокругъ цитадели уничтожены, толщина стѣнъ крѣпости увеличена. Два рва вокругъ цитадели соединены были въ одинъ, шириною въ двѣ сажени. Лазутчики сообщили еще, что на стѣнахъ были заготовлены штурмовыя бревна и киякъ¹⁾ для пораженія штурмующихъ.

Ни калибръ отрядной артиллеріи, ни количество взятыхъ снарядовъ не позволяли бить брешь въ глиняной стѣнѣ четырехсаженной толщины; атака же открытою силою на стѣну, въ пять сажень (считая отъ дна рва) вышиною, казалась также рискованною. По этимъ причинамъ, было рѣшено бомбардировать крѣпость, а въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія сдѣлать брешь миною, взорвавъ одну изъ башенъ, и затѣмъ штурмовать обвалъ.

5-го іюля, построена была первая наша батарея въ 250 саженьяхъ отъ крѣпости, а 6-го, когда прибыли послѣдніе эшелоны отряда, устроена и другая на лѣвомъ берегу Сыра, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ до 318 сажень ширины. Къ 8-му числу дѣйствовало уже 5 батарей, состоявшихъ изъ двухъ 6-ти-фунтовыхъ пушекъ, одной 12-ти-фунтовой, двухъ полупудовыхъ и четырехъ единороговъ, пяти мортиръ и одного ракетнаго станка.

¹⁾ Комья глины.

Къ 9-му іюля часть батарей была выдвинута на разстояніе 150 сажень отъ крѣпости, а съ 10-го началось веденіе подступовъ. Въ размѣщеніи батарей принималъ дѣятельное участіе генераль-майоръ С. А. Хрулевъ, присланный въ отрядъ по высочайшему повелѣнію. Въ донесеніи отъ 9-го іюля Перовскій отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ: «въ лицѣ этого отличнаго офицера его императорское величество изволилъ дать мнѣ помощника и совѣтника, какого въ настоящемъ дѣлѣ только могъ я желать, но имѣть не надѣялся». Впослѣдствіи всю честь взятія Акъ-Мечети Перовскій приписалъ Хрулеву.

Непріятель, между тѣмъ, отвѣчалъ весьма энергично, несмотря на совершенное убожество артиллерійскихъ средствъ своихъ, сравнительно съ нашими; за неимѣніемъ чугунныхъ гранатъ, кокандцы надѣлали кожаныхъ, которыя обвивались бичевкою или струнами и затѣмъ снаружи осмаливались. 13-го, съ захваченнымъ кокандскимъ лазутчикомъ послано было въ крѣпость генераломъ Перовскимъ слѣдующее предложеніе о сдачѣ: «По приказанію государя моего императора всероссійскаго, пришелъ я взять Акъ-Мечеть, построенную кокандцами на русской землѣ, для притѣсненія киргизъ, нашихъ подданныхъ. Акъ-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до единаго. Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена; назадъ они не пойдутъ. Хотите остаться живы—просите пощады; хотите умереть въ Акъ-Мечети—и это въ вашей волѣ; мнѣ не къ спѣху; я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться, а бить, покуда не отворите ворота. Все это сказалъ бы вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подѣзжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, если бы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не дѣлается между честными воинами».

Отвѣтъ требовался къ вечеру.

Огонь былъ прекращенъ съ обѣихъ сторонъ, а вечеромъ посланный возвратился съ письмомъ коменданта, который увѣрялъ, что теперешнее кокандское правительство не обязано отвѣчать за несправедливости прежнихъ владѣтелей страны — кипчаковъ; что русскій отрядъ подошелъ къ крѣпости безъ объявленія войны, а это и послужило поводомъ къ недружелюбной встрѣчѣ парламентаровъ, что, наконецъ, комендантъ готовъ сдать крѣпость, но съ тѣмъ, чтобы русскіе дали ему 15 дней сроку и отошли на это время отъ крѣпости; въ противномъ же случаѣ, гарнизонъ будетъ защищаться, пока еще дѣло оружіе и не истощился кисякъ.

Вслѣдствіе этого, осадныя работы возобновлены были на другой же день, и къ вечеру 14-го числа апроши были доведены уже на двѣ сажени отъ рва.

Медленность осадныхъ работъ, видимо, не нравилась войскамъ, предпочитавшимъ неотложный штурмъ, но, кромѣ землекопныхъ работъ въ жаркую лѣтнюю пору, отрядъ терпѣлъ еще нѣкоторый недостатокъ въ мясѣ, такъ какъ киргизы, боясь, что русскіе, взявъ и разоривъ Акъ-Мечеть, уйдутъ назадъ и оставятъ ихъ мщенію кокандцевъ, упорно отказывались доставлять войскамъ скотъ. Только когда увидѣли, что отрядъ заготовляетъ запасы сѣна и топлива и, слѣдовательно, намѣревается остаться въ Акъ-Мечети, — киргизы успокоились и не только стали доставлять скотъ, но 150 человекъ изъ нихъ нанялись даже на работы госпиталя и магазина.

Скучая однообразіемъ, солдаты нерѣдко продѣлывали разные шутки: такъ, когда окончено было занятіе траншеей края рва, солдаты сами спустились въ ровъ и преспокойно расположились на отдыхъ на уступѣ крутаго эскарпа, въ совершенной безопасности отъ выстрѣловъ. Одинъ изъ рядовыхъ 4-го баталіона, Григорьевъ, работавшій постоянно съ саперами, по собственной охотѣ, замѣтивъ, что на обвалѣ башни лежатъ набитые землею мѣшки, свалившіеся изъ ложементъ, устроеннаго кокандцами на верху обвала, взобрался среди бѣлаго дня, на обвалъ, высыпалъ изъ мѣшковъ землю и спокойно возвратился на мѣсто подъ выстрѣлами непріятеля, оправдываясь впоследствии тѣмъ, что мѣшки ему понадобились для исподняго платья, которое совсѣмъ износилось.

Башкиры также отличались полнымъ пренебреженіемъ къ жизни и презрѣніемъ къ непріятельскимъ выстрѣламъ, отъ которыхъ никогда не укрывались ни за турами, ни за повозками, а наскучивъ ходить по траншеѣ, выбирались зачастую на открытое мѣсто, а не то украдкою фуражировали арбузы и дыни въ кокандскихъ огородахъ подъ самою крѣпостью. Показывая другимъ, какъ слѣдуетъ закрываться отъ пуль лопатами, они желѣзную держали передъ лицомъ плашмя, а деревянную ребромъ, чтобы «казенную вещь не испортило пуль».

Непріятель освѣщалъ наши ночныя работы факелами изъ шестовъ, обмотанныхъ насаленными тряпками. Впослѣдствіи и мы воспользовались этимъ средствомъ, освѣщая факелами и плашками крѣпостныя стѣны, въ видахъ противодѣйствія вылазкамъ, на которыя кокандцы оказались великими мастерами. Первую вылазку, силою въ 20 человекъ, они сдѣлали днемъ, 19-го іюля, въ 3 часа по полудни. Спустившись по веревкамъ со стѣнъ, они бросились съ саблями на голову траншей; наши приняли ихъ сначала за башкиръ и не стрѣляли. Кокандцы изрубили двухъ солдатъ и успѣли бѣжать.

Между тѣмъ, разнесся слухъ, что изъ Ташкента идетъ въ Акъ-Мечеть подкрѣпленіе; поэтому рѣшено было произвести поискъ по дорогѣ въ Ташкентъ до ближайшаго укрѣпленія Джулекъ, куда и выступилъ 21-го іюля отрядъ изъ двухъ сотенъ казаковъ и

50 башкиръ при одномъ орудіи. 23-го числа, покинутый гарнизономъ Джулекъ былъ занятъ и разоренъ, а 27-го отрядъ уже вернулся въ лагерь съ трофеями.

Къ этому же времени окончены были минныя работы и заряжены два горна. Работы эти ведены подпоручикомъ учебнаго сапернаго батальона Орловскимъ ¹⁾. Непріятель пытался было вести контръ-мину, но она была открыта нами и обрушена ручными гранатами.

Диспозиція къ штурму была слѣдующая: 27-го числа, въ 10 часовъ вечера, въ крѣпостную стѣну должны были быть пущены конгревовыя ракеты съ двухъ пунктовъ. Въ 11 часовъ выстрѣлъ съ одной изъ батарей; въ 12 часовъ фальшивая тревога, послѣ которой войска, занимавшія траншеи, начинали отступление; въ 1 часъ утра 28-го числа, выстрѣлъ съ другой батареи, въ 2 часа вторая фальшивая тревога въ траншеяхъ, въ 3 часа 3 ракеты; по третьей отступали послѣднія части, оставленныя въ крѣпостномъ рвѣ, а одна рота размѣщалась въ крытыхъ траншеяхъ; въ 3 1/2 часа три ракеты одна за другою; пять минутъ спустя послѣ послѣдней — взрывъ, а затѣмъ штурмъ.

При этомъ имѣлось въ виду: утомить кокандцевъ выстрѣлами и ракетами, а фальшивыми тревогами убѣдить ихъ, что штурма въ эту ночь не будетъ.

Диспозиція была исполнена въ точности, но кокандцы тотчасъ же послѣ взрыва заняли проломъ и, несмотря на градъ нашей картечи, открыли сильный ружейный огонь по батареямъ и штурмовымъ колоннамъ. Первая колонна изъ 1-й роты 4-го линейнаго батальона, съ командою штурцеровъ ²⁾ во главѣ, два раза ходила на штурмъ, но оба раза была отбита и только когда подоспѣла еще одна рота, брешь была занята. Роты эти тотчасъ же разсыпались по стѣнамъ и башнямъ и открыли огонь во внутренности крѣпости. Въ 4 1/2 часа крѣпость уже была въ нашихъ рукахъ.

Комендантъ крѣпости, Мухамедъ-Вали, былъ убитъ въ самомъ началѣ штурма; ближайшіе его сподвижники легли, какъ обѣщались, всѣ до единаго; насчитано 230 труповъ; въ плѣнъ взято 74 человѣкъ, въ томъ числѣ 35 раненыхъ.

Наша потеря на штурмъ состояла: изъ 5 нижнихъ чиновъ убитыми и 49 ранеными. Въ теченіе же осады ранено было: 2 штабъ и 6 оберъ-офицеровъ и 71 нижній чинъ; убито нижнихъ чиновъ 8, умерло отъ ранъ 13, безъ вѣсти пропалъ 1. Всего вышло изъ строя 106 человѣкъ. Трофеями нашими были: 2 бунчука, 8 знач-

¹⁾ Умеръ въ 1895 г. членомъ военнаго совѣта.

²⁾ Изъ 12 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 матросовъ съ парохода «Перовскій» (остановившагося въ 2-хъ верстахъ выше Акъ-Мечети) и 6 солдатъ изъ числа лучшихъ стрѣлковъ, конны и даны были штурцера.

ковъ, 2 мѣдныя орудія, нѣсколько фальконетовъ, 66 крѣпостныхъ ружей, 150 пашекъ, 1.000 ядеръ и 120 лошадей.

Паденіе Акъ-Мечети, считавшейся оплотомъ кокандскаго владычества въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, должно было произвести сильное впечатлѣніе на кокандцевъ, и слѣдовало ожидать, что они не замедлятъ попытаться взять крѣпость обратно.

Такъ и случилось. 14-го декабря того же 1853 года, 13.000 кокандцевъ, при 17 орудіяхъ напали на фортъ Перовскій, но часть гарнизона (550 человекъ при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ) сдѣлала на разсвѣтѣ 18-го числа вылазку подъ начальствомъ капитана Шкунъ и совершенно разсѣяла кокандскія скопища, захвативъ всѣ 17 орудій, 4 бунчука и 7 знаменъ. Наша потеря состояла изъ 18 убитыхъ и 49 раненыхъ.

Движеніе впередъ со стороны Западной Сибири, какъ бы встрѣчу со стороны Оренбурга, началось годомъ позже.

Въ 1854 году, занята была Заилійская долина, гдѣ и возведено укрѣпленіе Вѣрное.

Оренбургская степь представляла въ это время театръ полного безпорядка — тамъ безчинствовали извѣстный разбойникъ Исетъ-Кутебаровъ (съ 1853 по 1858 годъ). Неуловимый, дерзкій, онъ покорился только тогда, когда мы сами отказались отъ надежды захватить его и даровали амнистію.

Восточная война задержала нѣсколько выполненіе плана соединенія границъ оренбургской и сибирской; вопросъ этотъ возникъ снова только въ 1859 году. Приготовленія къ экспедиціи взволновали кокандцевъ, которые, сосредоточивъ, по совѣту англійскихъ эmissаровъ, подбивавшихъ ихъ объявить священную войну — газавать, — значительныя скопища у Пишпека, перешли въ наступленіе и напали на наше укрѣпленіе Кастекъ (9-го іюля 1860 года); нападеніе было отбито, но возможность его повторенія и дальнѣйшихъ вторженій въ наши предѣлы кокандцевъ заставила насъ поспѣшить занятіемъ верховьевъ рѣки Чу.

Поэтому, въ августъ того же года, отрядъ изъ 1.044 человекъ пѣхоты и 3 сотенъ казаковъ, при 8 орудіяхъ, 7 мортирахъ и 4 ракетныхъ станкахъ, подъ командою полковника Циммермана, взялъ крѣпость Токмакъ, а 3-го сентября и Пишпекъ послѣ пятидневной осады.

Разрушивъ главные верки этихъ укрѣпленій, отрядъ возвратился на линію. Циммерманъ произведенъ въ генералы.

III.

Нападеніе кокандцевъ на новую линію. Бой при Узунъ-Агачъ.

Кокандцы послѣ взятія Пишпека стали еще энергичнѣе пропагандировать газаватъ и тѣмъ возмущать подданныхъ намъ киргизъ. Вскорѣ по отбѣздѣ изъ Вѣрнаго генераль-майора Циммермана, кокандцы начали стягивать свои регулярныя и иррегулярныя войска къ Ауліе-ата и Меркэ, присоединивъ къ себѣ волей и неволей скопище изъ киргизъ, на пространствѣ между Ауліе-ата и Пишпекомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, непріятель, въ числѣ болѣе 20-ти тысячъ, съ 10-ю орудіями, подъ начальствомъ сераскира и правителя Ташкента Канаатъ-ша, двинулся на общій сборный пунктъ къ развалинамъ Пишпека. Изъ прокламаціи кокандцевъ было видно, что на этотъ разъ они имѣли намѣреніе дѣйствовать сначала на наши сообщенія, а потомъ приступить къ уничтоженію нашихъ поселеній и укрѣпленій. И дѣйствительно, перейдя Курдай, кокандцы направились окольными дорогами къ западу отъ Кастека и отрѣзали его отъ Узунъ-агача. Къ нимъ присоединились кочевавшіе по близости киргизы наши.

Военныя силы Заилійскаго края въ это время (начало октября 1860 г.) состояли изъ 9 ротъ, 8 сотенъ, 7 орудій и 4 ракетныхъ станковъ. Всего до 2.440 человекъ. Войска эти раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ Кастекѣ, передовомъ нашемъ укрѣпленіи, — одна рота, одна сотня, три орудія (безъ лошадей) и два ракетныхъ станка, въ Вѣрномъ: 5 ротъ, 4 сотни, 4 орудія и два ракетныхъ станка; въ укрѣпленіи Илійскомъ — одна рота; на пути изъ Вѣрнаго въ Копаль — 2 роты, сотня, прислуга и лошади батарейнаго взвода ¹⁾).

Увѣренность наша въ полной безопасности послѣ урока, даннаго кокандцамъ, была такова, что кастекскій воинскій начальникъ не придалъ никакого значенія извѣстію о сборѣ кокандскихъ скопищъ, доставленному перебѣжавшимъ къ намъ киргизомъ.

Слухи, однако же, упорно повторялись, хотя и не давали ничего опредѣленнаго. Опасаясь за передовое укрѣпленіе, отстоявшее отъ Вѣрнаго всего на 80 верстъ, а также и за промежуточные высылки — зерно будущей колонизаціи, начальникъ Алатавскаго округа подполковникъ Колпаковскій ²⁾ тотчасъ усилилъ отрядъ въ Кастекѣ и выслалъ изъ Вѣрнаго въ Узунъ-агачъ и Каскеленъ небольшіе гарнизоны, но, получивъ извѣстіе о прибытіи на р. Чу главной части

¹⁾ Лошадей вели на продажу въ Копаль, вслѣдствіе предписанія привести дивизіонъ на мирное положеніе.

²⁾ Впослѣдствіи степной генераль-губернаторъ.

непріятельскихъ скопищъ, онъ передвинулъ Узунъ-агачскій отрядъ къ Кастеку, оставивъ на Узунъ-агачъ одну роту пѣхоты, сотню казаковъ и два легкихъ орудія, а къ западу отъ Узунъ-агача—въ Саурукъ-курганъ (на рѣкѣ Кара-Кастекѣ): роту пѣхоты, 25 казаковъ и ракетный станокъ. 15-го октября, Колпаковский равослалъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ киргизамъ письма съ приглашеніемъ присоединиться къ нашимъ отрядамъ. Но киргизы выжидали, чья возьметъ, и не торопились съ услугами. Они уклонялись даже отъ сообщенія извѣстій о движеніи непріятеля. Поэтому наши двигались на авось и, не подозрѣвая серьезной опасности, разгуливали небольшими командами. 16 числа, отрядъ, назначенный на Саурукъ-курганъ, дойдя почти до мѣста, былъ охваченъ партіею киргизовъ, но отбился безъ потери. Кастекскій воинскій начальникъ майоръ Экебладъ, казалось, все еще сомнѣвался: «не знаю, писать онъ Колпаковскому 17 числа, могу ли навѣрное сказать, что непріятель тутъ; но всѣ признаки даютъ право думать это». 18-го въ Кастекъ прибылъ самъ Колпаковский, едва не попавшись въ плѣнъ на пути: онъ также ѣхалъ съ небольшимъ конвоемъ и попалъ на засаду, устроенную киргизами верстахъ въ десяти за Кескеленомъ. Киргизы, къ счастью, не разобрали въ сумеркахъ, много ли, мало ли ѣдетъ нашихъ, и, окруживъ немного, исчезли.

Войска наши къ этому числу были расположены слѣдующимъ образомъ: въ Кастекѣ,—4 роты, 4 сотни и 7 орудій; въ Саурукъ-курганѣ—одна рота и одинъ ракетный станокъ; на Узунъ-агачѣ—рота, сотня и два орудія; въ Кескеленѣ—полъ-сотни водворенныхъ казаковъ; въ Вѣрномъ—двѣ роты и полторы сотни водворенныхъ казаковъ; въ Илійскомъ укрѣпленіи и Зайлійскомъ пикетѣ—рота, сотня и два горныхъ орудія.

18-го октября, передовыя непріятельскія партіи появились, почти одновременно, въ виду Кастека, Узунъ-агача, Саурукъ-кургана. Показавшійся на высотахъ Кастека непріятельскій разѣздъ былъ разсѣянъ сотнею казаковъ, захватившею при этомъ трехъ плѣнныхъ.

Посланы были изъ Кастека небольшіе разѣзды къ сторонѣ Узунъ-агача (27 верстъ) и Саурукъ-кургана (13 верстъ) съ цѣлію притянуть стоявшія тамъ войска въ Кастекъ, къ главнымъ силамъ. Но отряды эти были отрѣзаны, и для соединенія съ ними пришлось двинуться самимъ главнымъ силамъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о находчивости хорунжаго Ростовцева, посланнаго съ 60 казаками въ Узунъ-агачъ съ приказаніемъ. Не доходя пяти верстъ до пикета, команда была окружена толпами киргизъ, только что отхлынувшихъ отъ пикета, на который они тщетно нападали весь день 19 октября. У казаковъ была простая телѣга, которую Ростовцевъ вдумалъ выдать за пушку: какъ только киргизы насядутъ, онъ зычнымъ голосомъ командуетъ: «орудіе съ передковъ»—казаки раздвигаются, снимаютъ телѣгу съ передка, и

киргизы спасаются. Команда потеряла только трехъ ранеными и благополучно добралась до Узунъ-агача, откуда на встрѣчу ей пробилась сотня Жеребятъева съ однимъ орудіемъ.

На разсвѣтъ, 20-го числа, въ виду Узунъ-агача показались новыя толпы, но отбитыя картечью ограничились джигитовкой на дальней дистанціи, чѣмъ и занимались до вечера. Въ четыре часа, по кастекской дорогѣ, затрещала перестрѣлка; Жеребятъевъ снова полетѣлъ на выручку. Оказалось, что это сотня Усова съ ракетнымъ станкомъ, посланная Колпаковскимъ узнать, почему вчерашнее приказаніе не исполнено.

Около полудня получены были записки изъ Саурукъ-кургана, и тогда Колпаковскій съ ротой, двумя сотнями, пятью орудіями и двумя ракетными станками выступилъ изъ Кастека, а къ вечеру прибылъ на Узунъ-агачъ, присоединивъ, по пути, роту подпоручика Сялковскаго изъ Саурукъ-кургана. Непріятель, послѣ безуспѣшныхъ нападеній на Узунъ-агачскій пикетъ, въ теченіе 19 и 20 чиселъ, отошелъ къ западу отъ этого пикета и расположился на ночлегъ въ пяти верстахъ за возвышенностями. Ночью на 21 число Колпаковскій съ отрядомъ изъ 3 ротъ, 4 сотенъ, 6 орудій и двухъ ракетныхъ станковъ, выступилъ противъ кокандцевъ, оставивъ на пикетѣ небольшую часть войскъ (75 человекъ пѣхоты и 25 казаковъ) съ однимъ орудіемъ. Непріятель, какъ оказалось, не имѣлъ при себѣ артиллеріи, которую долженъ былъ оставить по затруднительности сообщеній, частію за хребтомъ, въ особомъ лагерѣ, частію (6 орудій съ сломанными лафетами) на хребтѣ, откуда онѣ были впослѣдствіи спущены назадъ.

Мѣстность, занятая непріятельскимъ расположеніемъ, находится къ сѣверу отъ дороги въ укрѣпленіе Вѣрное по обѣимъ сторонамъ р. Кара-Кастека; рядъ возвышенностей и сопокъ, раздѣляемыхъ широкими логами, дѣлали эту мѣстность весьма пересѣченною. Рѣка Кара-Кастекъ, раздѣляясь здѣсь на нѣсколько рукавовъ, течетъ въ обрывистыхъ берегахъ, но по незначительной глубинѣ вездѣ переходима въ бродъ.

По приближеніи нашего отряда, кокандскіе наблюдательные посты очистили впереди лежащія высоты.

Какъ только наши войска подошли къ непріятельской позиціи на пушечный выстрѣлъ, артиллерія подъ начальствомъ штабсъ-капитана Обуха была выдвинута впередъ и открыла огонь. Казаки, составлявшіе прикрытіе, отстали, и потому артиллерія пустилась по берегу Кара-су одна. Непріятель думалъ, было, этимъ воспользоваться: слѣшившись онъ бросился на орудія, но, осыпанный картечью, отхлынулъ назадъ. Тутъ подоспѣли казаки и прибѣжала стрѣлковая рота. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи и нарѣзныхъ ружей, съ которыми тщетно пробовали состязаться фальконеты и

турки ¹⁾), заставило непріятеля отойти за р. Кара-Кастекъ. Во время этого отступленія, Обухъ приказалъ втащить одно орудіе и одинъ ракетный станокъ на крутую сопку, откуда и дѣйствовать по отступавшимъ въблизи толпамъ, нанося имъ жестокое пораженіе. Вслѣдъ за отступавшими кокандцами, отрядъ перешелъ на лѣвый берегъ Кара-Кастека и двинулся вверхъ по рѣкѣ.

Между тѣмъ, къ кокандцамъ, которыхъ въ началѣ боя было только до 5 т., стали подходить подкрѣпленія, и отрядъ нашъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами непріятеля.

Пройдя пять верстъ по рѣкѣ и миновавъ широкую лощину, впадающую съ сѣвера въ долину рѣчки, отрядъ пріостановился. Впереди была стрѣлковая рота съ артиллеріею и сотня казаковъ; ракетная команда съ сотнею казаковъ стояла на флангѣ, за ними остановилась еще одна рота и двѣ сотни, въ арьергардѣ шель Сяровскій со своею ротою. Ближайшая высота была занята колонною сарбазовъ (регулярной непріятельской пѣхоты), остальные высоты пестрѣли густыми толпами пѣшихъ и конныхъ кокандцевъ. Пока отрядъ нашъ ожидалъ присоединенія арьергарда, — изъ поперечной лощины высыпала густая толпа пѣшихъ кокандцевъ, которая и напала на роту Сяровскаго. Разсыпавъ всю роту въ цѣпь и, не оставивъ резерва, Сяровскій сталъ отступать къ рѣкѣ. Пѣшіе кокандцы раздались, и густая толпа конныхъ врѣзалась въ цѣпь. Частью въ кучкахъ, частью въ одиночку отбивались наши молодцы. Юнкеръ Шороховъ ободрялъ людей своимъ примѣромъ. Тутъ подоспѣлъ поручикъ Вроченскій съ ракетною командою и Обухъ съ сотнею казаковъ и однимъ орудіемъ: кокандцы были отбиты. Такъ какъ непріятельская позиція тянулась параллельно нашему движенію, то отрядъ перемѣнилъ фронтъ и выстроился боевымъ порядкомъ: стрѣлковая рота составила лѣвый флангъ, шесть орудій и три сотни стали въ центрѣ, линейная рота стала на правомъ флангѣ. Рота Сяровскаго и сотня Вроченскаго пристроились подъ угломъ противъ лощины. Обстрѣлявъ высоту огнемъ артиллеріи, подполковникъ Колпаковскій двинулъ войска впередъ. Сарбазы были сбиты; артиллерія наша съ большими усиліями взобралась на гору, оставивъ у подошвы, завязшими въ грязи, два орудія. Кокандцы быстро спустились съ сосѣднихъ возвышенностей и бросились на крайнюю линейную роту. Офицеры, бывшіе въ цѣпи, одушевляя нижнихъ чиновъ собственнымъ примѣромъ, въ упоръ били кокандцевъ изъ револьверовъ. Выстроившаяся на горѣ артиллерія наша довершила пораженіе этой толпы. Подобной же участи подверглась и другая колонна сарбазовъ, наступавшая смѣло и торжественно съ барабанами, трубами и распущенными значками. Кокандцы стали поспѣшно отступать на всѣхъ пунктахъ. Поразивъ,

¹⁾ Турки—длинное (до 1½ сажени) ружье.

такимъ образомъ, непріятеля, отрядъ нашъ, утомленный продолжительнымъ, девяти-часовымъ боемъ съ противникомъ, въ 20 разъ сильнѣйшимъ, долженъ былъ отказаться отъ преслѣдованія. Отдохнувъ немного, войска продолжали движеніе къ Кастеку для пополненія патроновъ и запасовъ продовольствія. Пройдя еще до Саурукъ-кургана, подполковникъ Колпаковскій выслалъ сотню казаковъ отвезти раненыхъ въ Кастекъ и доставить оттуда патроновъ. Киргизы зажгли скирды заготовленнаго здѣсь сѣна и пустили палъ, но вѣтеръ погналъ его въ другую сторону. Дождавшись патроновъ, отрядъ пошелъ опять на Узунъ-агачъ, куда и прибылъ поздно ночью, сдѣлавъ въ теченіе дня 44 версты и выдержавъ 9-ти-часовой бой.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла: изъ 1 убитого и 26 раненыхъ, въ томъ числѣ 1 оберъ-офицеръ; контужены были: штабъ-офицеръ 1 (самъ подполковникъ Колпаковскій) и нижнихъ чиновъ 5. Потеря непріятеля неизвѣстна, но въ одной пѣхотѣ считалось до 350 человекъ убитыхъ, въ томъ числѣ 6 пятисотенныхъ начальниковъ (пансатовъ). Лазутчики увѣряли, что вся потеря убитыми и ранеными доходила до 1.500 человекъ, что весьма возможно, такъ какъ въ этомъ славномъ для нашего оружія дѣлѣ непріятель, сверхъ ожиданія, выказалъ большую настойчивость, атаки его были смѣлы, и онъ неоднократно бросался въ рукопашную.

Во время Узунъ-агачскаго дѣла, кокандскія скопища нѣсколько разъ подступали и къ Кастеку, но гарнизонъ каждый разъ отражалъ нападенія.

Сераскиръ Канаатъ-Ша, въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, увѣрялъ хана, что русскихъ убито 200 человекъ, въ томъ числѣ подполковникъ Шайтановъ и есаулъ Бутаковъ, а Колпаковскій смертельно раненъ.

Впослѣдствіи, когда слухи эти достаточно распространились и приобрѣли въ глазахъ киргизъ значеніе достовѣрнаго факта, дико-каменные киргизы были чрезвычайно поражены, увидя одного изъ убитыхъ (есаула Бутакова) во главѣ летучаго отряда, громившаго ихъ аулы. Кокандцы, потерпѣвъ неудачу, ушли восвояси, оставивъ часть регулярныхъ своихъ войскъ въ курганахъ между Меркѣ и Ауліеата и распустивъ большую часть киргизскихъ скопищъ на кочевья. Часть непріятельскихъ войскъ, возвращавшаяся съ Узунъ-агача чрезъ горный проходъ Кара-Бура, была тамъ застигнута сильнымъ бураномъ, и такъ какъ люди были одѣты по-лѣтнему, то ихъ и погибло до 300 человекъ.

Такъ плачевно окончилось предпріятіе кокандцевъ, задуманное въ широкихъ размѣрахъ и разбившееся о двѣ неодолимыхъ препоны: невозможность провести артиллерію и невозможность бороться съ войсками, которыя даже и порознь дѣйствуютъ въ одномъ общемъ направленіи, поддерживая другъ друга и не заботясь о числѣ непріятеля.

На реляціи корпуснаго командира о дѣлѣ 21 октября императоръ Александръ II собственноручно написалъ:

«Славное дѣло. Подполковника Колпаковского произвести въ полковники и дать св. Георгія 4 степени».

Штабсъ-капитанъ Обухъ получилъ золотую саблю.

Со стороны Оренбурга мы также подвинулись вверхъ по Сыръ-Дарьѣ около ста верстъ, занявъ и укрѣпивъ Джулекъ (1861 г.) и разрушивъ строившіяся въ 90 верстахъ выше крѣпостцы Яны-курганъ и Динь-курганъ.

Смерть кокандскаго хана Меллябека, погибшаго подъ ударами убійцъ кипчаковъ, послужила сигналомъ долголѣтнимъ безпорядкамъ, раздиравшимъ ханство. Всѣ подвластные Коканду киргизы возмутились, а дикокаменные, кочевавшіе и въ нашихъ предѣлахъ, а потомъ признававшіе и нашу власть, простерли свою дерзость до того, что взяли крѣпость Токмакъ и осадили Пипшекъ. Чтобы не дать Пипшека въ руки дикокаменныхъ, у насъ рѣшено было самимъ взять его, чтó и исполнено генераль-майоромъ Циммерманомъ 24 октября 1862 г. послѣ 11-ти дней осады, съ потерей 7 офицеровъ ранеными и контуженными и 13 убитыми и 44 ранеными и контуженными нижнихъ чиновъ. Такая убыль произошла, главнымъ образомъ, вслѣдствіе взрыва пороховаго погреба.

Въ 1863 г. предприняты были рекогносцировки вверхъ по Сыру на пароходахъ «Аралъ» и «Сыръ-Дарья», подъ начальствомъ флигель-адъютанта Бутакова; въ то же время сухопутный отрядъ дошелъ до самаго Туркестана и занялъ Сузакъ. Сибирскіе отряды доходили до Аулиеата. Рѣшено было связать линіи рядомъ форпостовъ по хребту Каратау, не трогая ни Туркестана, ни Чимкента.

Весною 1864 г. началось движеніе отрядовъ: сибирскій подъ начальствомъ полковника Черняева взялъ штурмомъ крѣпость Аулиеата (4 іюня), потерявъ при томъ только 3 человекъ ранеными, а сыръ-дарьинскій, подъ начальствомъ полковника Веревкина, занялъ г. Туркестанъ, сдавшійся на 4-й день осады, во время которой мы потеряли 5 человекъ убитыми и 33 ранеными и контуженными. Оба полковника произведены въ генералы. Въ видахъ приданія дальнѣйшимъ нашимъ дѣйствіямъ большаго единства, учреждена была ново-кокандская линія, въ которую вошли вновь занятая территорія. Начальникомъ линіи назначенъ былъ генераль-майоръ Черняевъ. На соединеніе съ сибирскимъ отрядомъ изъ Туркестана посланъ былъ небольшой отрядъ (405 человекъ) подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Мейера. Отрядъ этотъ былъ окруженъ кокандцами на весьма неудачной позиціи подъ Акъ-Булакомъ. Мейеръ вступилъ въ переговоры, обѣщая кокандцамъ возвратить Туркестанъ и Аулиеата и на этихъ условіяхъ былъ выпущенъ изъ западни. Между тѣмъ Черняевъ, узнавъ о критическомъ положеніи оренбургскаго отряда, двинулся къ нему

на помощь и, отразивъ нападенія непріятельскихъ шаекъ, успѣлъ притянуть къ себѣ отступавшаго уже Мейера. Затѣмъ предпринята была атака на Чимкентъ, но она не удалась по недостатку артиллерійскихъ снарядовъ—все дѣло кончилось рекогносцировкой, а кокандцы, по отступленіи нашихъ войскъ, торжествовали побѣду пушечной пальбой и трубными звуками. Отряды наши возвратились на квартиры въ Аулиеата и Туркестанъ.

IV.

Взятіе крѣпости Чимкента.

Послѣ паденія Туркестана и Аулиеата, взятыхъ въ началѣ іюня нашими войсками, кокандцы, собравъ огромное скопище, намѣревались дѣйствовать наступательно. Задержанные, однако, на Акъ-Булакѣ ничтожнымъ отрядомъ русскихъ и потерпѣвъ значительный уронъ при рекогносцировкѣ Чимкента, они отказались отъ предпріятія и приступили къ работамъ по укрѣпленію и вооруженію Чимкента.

Получивъ свѣдѣніе, что главныя кокандскія силы отошли отъ Чимкента, въ которомъ оставленъ только десятитысячный гарнизонъ, Черняевъ рѣшилъ овладѣть городомъ, прежде нежели непріятель успѣетъ въ немъ окончательно утвердиться.

Съ этою цѣлью, въ концѣ августа 1864 г., Черняевъ выступилъ съ двумя ротами и 4 орудіями къ Туркестану, присоединивъ здѣсь къ себѣ еще 4^{1/2} роты пѣхоты, 1^{1/2} сотни казаковъ, 4 орудія, 2 мортиры и 2 ракетныхъ станка, и двинулся къ Чимкенту, куда направилъ въ то же время изъ Аулиеата 4 роты пѣхоты, 1 сотню конныхъ стрѣлковъ, 1 сотню казаковъ и 1000 человѣкъ киргизъ милиціонеровъ, изъ новыхъ подданныхъ, при 5 орудіяхъ, 4 мортирахъ и 2 ракетныхъ станкахъ. Отряды взяли продовольствія на мѣсяцъ, по 200 патроновъ на ружье, двойной комплектъ зарядовъ для батарейныхъ и полуторный для легкихъ орудій, 100 бомбъ для двухпудовой мортиры и по 300 гранатъ на каждую полупудовую.

19 сентября, оба отряда соединились подъ Чимкентомъ и немедленно произвели рекогносцировку цитадели и укрѣпленій города. Въ ту же ночь, заложена батарея на 4 батарейныхъ орудія, съ разсвѣтомъ открывшая огонь, на который кокандцы отвѣчали изъ семи орудій и двухъ мортиръ. Видя, что кокандская артиллерія значительно усовершенствовалась и бьетъ на болѣе дальнюю дистанцію, чѣмъ наша, Черняевъ приказалъ заложить новую батарею на 6 орудій и 4 мортиры въ 300 саж. отъ крѣпости, чтобы съ близкой дистанціи и болѣе частой пальбой взять верхъ надъ артиллеріей противника.

Необыкновенно твердый грунтъ и вылазки непріятеля воспрепятствовали окончить эту батарею, но траншей-майоръ, подполковникъ Лерхе, воспользовался этими вылазками и 22 числа, въ 10 часовъ утра, двинулъ противъ выдавшейся кокандской пѣхоты большую часть войскъ, находившихся въ траншеѣ. По первому донесенію Лерхе о его наступленіи, къ нему были посланы изъ лагеря на подкрѣпленіе двѣ роты со взводомъ артиллеріи.

Несмотря на сильный огонь непріятельскихъ орудій, расположенныхъ на восточной сторонѣ крѣпости и цитадели, роты подполковника Лерхе стремительно атаковали непріятеля, опрокинули его и на плечахъ кокандцевъ добѣжали до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ штыками проложили дорогу и черезъ непріятельскіе трупы ворвались въ городъ. Подоспѣвшій въ это время съ двумя ротами при двухъ орудіяхъ Черняевъ безпрепятственно вошелъ въ цитадель черезъ ровъ по деревянному жолобу водопровода.

Черезъ часъ послѣ начатія приступа городъ съ цитаделью и десяти-тысячнымъ гарнизономъ былъ въ нашихъ рукахъ.

Потеря наша во время этого штурма состояла изъ 2-хъ убитыхъ, 17 раненныхъ и 19 контуженныхъ нижнихъ чиновъ, а за все время осады изъ 6 убитыхъ и 41 раненныхъ и контуженныхъ.

Героею дня, подполковнику Лерхе, пожалованъ слѣдующій чинъ и орденъ св. Георгія 4-й степени, а генералу Черняеву св. Георгія 3-й степени.

Чтобы воспользоваться впечатлѣніемъ послѣднихъ нашихъ успѣховъ, генералъ Черняевъ двинулся къ Ташкенту съ отрядомъ въ 1550 человекъ при 12 орудіяхъ. 2-го октября, по стѣнамъ цитадели (со стороны кокандской дороги) открытъ былъ огонь изъ двухъ батарей. Командиръ одной изъ нихъ, извѣстный уже по своей отвагѣ, подполковникъ Обухъ вскорѣ донесъ Черняеву, что стѣна обрушена, и что можно ручаться за успѣхъ. Черняевъ разрѣшилъ начать штурмъ и самъ двинулся съ резервомъ. Обухъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать предварительную рекогносцировку съ нѣсколькими охотниками, двинулъ впередъ всю свою колонну и только подъ самой стѣной созналъ свою ошибку: бреши не было; сбита была только верхняя, видная съ поля, часть стѣны. Роты, однако же, спустились въ ровъ, но выбраться оттуда безъ лѣстницъ не могли. Чтобы выручить ихъ, Черняевъ поставилъ здѣсь всѣ 12 орудій, обстрѣлялъ стѣны картечью, сбилъ непріятельскихъ стрѣлковъ и тѣмъ далъ возможность выбраться, застѣвшимъ во рву, людямъ. Потеря наша простиралась до 16 убитыми и до 62-хъ ранеными, въ томъ числѣ 4 офицера, изъ коихъ подполковникъ Обухъ и поручикъ Рейхардъ вскорѣ умерли. Отрядъ безъ преслѣдованія отступилъ къ Чимкенту.

Между тѣмъ, регентъ Кокандскаго ханства мулла Алимъ-Куль рѣшился перейти въ наступленіе и въ началѣ декабря двинулся лѣвымъ берегомъ Сыра, съ цѣлью занять Туркестанъ, гдѣ тогда

было только 2^{1/2} роты пѣхоты и 1^{1/2} сотни казаковъ. Командиръ Туркестана подполковникъ Жемчужниковъ выслалъ по дорогѣ въ Чимкентъ уральскую сотню есаула Сѣрова, при одномъ горномъ единорогѣ для развѣдокъ. Сотня эта была окружена подъ Иканомъ скопищами Алимъ-Кула (до 15.000 человѣкъ), спѣшилась, залегла въ неглубокую канаву, устроивъ съ открытыхъ сторонъ завалы изъ мѣшковъ съ провіантомъ, и продержалась здѣсь три дня съ 4 по 6 декабря! Видя всѣ свои попытки безуспѣшными, кокандцы стали подкатывать къ сотнѣ арбы (двухколесныя телѣги) съ сѣномъ и подъ прикрытіемъ этихъ импровизированныхъ мантелетовъ приблизились наконецъ настолько, что положеніе сотни стало безвыходнымъ. Изъ Туркестана высланъ былъ отрядъ изъ 150 человѣкъ пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ, но начальникъ отряда подпоручикъ Сухорко, не дойдя до мѣста, по недоразумѣнію, возвратился въ Туркестанъ.

Кокандцы, въ виду столь упорнаго сопротивленія горсти людей, выслали парламентаровъ, но предложеніе ихъ о сдачѣ было рѣшительно отвергнуто есауломъ Сѣровымъ, который, потерявъ надежду на помощь изъ Туркестана, рѣшился пробиться. Бросивъ убитыхъ и тяжело раненныхъ и заклепавъ подбитое орудіе, казаки съ пашками наголо врѣзались въ кокандцевъ... Геройское усиліе увѣнчалось успѣхомъ: казаки, почти всѣ израненные, пробились, потерявъ за все время 57 человѣкъ убитыми. Весь отрядъ состоялъ изъ 109 человѣкъ (въ томъ числѣ 2 офицера); осталось не раненныхъ только 7 человѣкъ. Сѣровъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и слѣдующимъ чиномъ.

Въ концѣ апрѣля 1865 года, генералъ Черняевъ снова двинулся къ Ташкенту, занялъ крѣпость Ніязбекъ, чтобы овладѣть плотиною, поднимающею воду до уровня ташкентскихъ водопроводовъ, разбилъ, 9-го мая, подъ Ташкентомъ самого Алимъ-Кула, который при этомъ былъ убитъ, и затѣмъ обложилъ городъ. Извѣстія, что на помощь къ Ташкенту спѣшать бухарскія войска, и надежда на содѣйствіе нашей партіи въ городѣ заставили Черняева предпринять штурмъ въ ночь на 7-е іюня, но главныя силы наткнулись ночью на глубокій оврагъ, задержавшій артиллерію, и штурмъ обратился въ рекогносцировку.

V.

Штурмъ Ташкента.

Значительное протяженіе городскихъ стѣнъ, большое количество воротъ и множество дорогъ, сходящихся къ городу, дѣлали для нашего, слабаго числомъ, отряда совершенно невозможнымъ обложеніе города. Поэтому 15 іюня генералъ Черняевъ, получивъ новыя

свѣдѣнія о движеніи эмира и не желая очутиться между двухъ огней, рѣшился, несмотря на несоразмѣрность силъ противника, штурмовать Ташкентъ, по богатству и многолюдности значительнѣйшій городъ въ Кокандскомъ ханствѣ.

Окруженный непрерывною стѣною въ 24 версты, городъ имѣлъ видъ неправильнаго овала, вытянутаго съ сѣвера на югъ. Будучи перерѣзанъ почти на двѣ равныя части съ сѣвера на югъ каналомъ Босъ-су, городъ состоялъ изъ лабиринта извилистыхъ и довольно узкихъ улицъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянулись почти исключительно миняные дома. Въ центрѣ города и на юго-восточной его части находились обширные базары. На сѣверо-восточной оконечности города имѣлась цитадель, съ ханскимъ дворцомъ. Городская стѣна была усилена рвомъ и во многихъ мѣстахъ приспособлена къ артиллерійской оборонѣ. Въ стѣнѣ, окружающей Ташкентъ, устроены 12 воротъ и 2 прохода.

Населеніе Ташкента размѣщалось въ городѣ довольно определенными группами: въ западной половинѣ города, а также въ центрѣ его сосредоточено было промышленное и торговое населеніе, а юго-восточная половина была занята бывшими приближенными хана, т. е. служилымъ сословіемъ: военными и аристократіей, намъ по преимуществу враждебными. Ближайшія окрестности Ташкента, на разстояніи 2—5 верстъ, покрыты сплошь огороженными садами, между которыми проходятъ дороги, ведущія къ разнымъ городскимъ воротамъ. Общая окружность этого зеленого ложа садовъ простирается до 70 верстъ.

Численность непріятеля въ точности извѣстна не была. У насъ же было всего 1951 человекъ (9½ ротъ) при 12 орудіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, Черняевъ рѣшился взять городъ открытою силою.

Рядъ рекогносцировокъ, произведенныхъ инженеръ-поручикомъ Макаровымъ, въ время блокады крѣпости, показали, что атака Ташкента могла быть поведена на однѣ изъ воротъ юго-восточной части; при томъ атака этой части города представляла еще ту выгоду, что, овладѣвъ ею, мы уже овладѣвали и всѣмъ городомъ, такъ какъ здѣсь только и держалась партія, намъ враждебная.

Главный отрядъ нашъ, послѣ покушенія 7 іюня, расположился въ городскихъ садахъ и приступилъ къ приготовленію штурмовыхъ лѣстницъ. Для облегченія же перехода черезъ ровъ, инженеръ-капитанъ Яблонскій устроилъ нѣсколько арбъ съ небольшими откидными лѣстницами. Войска главнаго отряда должны были выступить 14 іюня въ 11 часовъ вечера и тихо подкрасться къ Камеланскимъ воротамъ, обернувъ для этого колеса орудій войлокомъ. Сады, прилежавшіе къ городской стѣнѣ, облегчали скрытное приближеніе войскъ. Штурмъ долженъ былъ начаться съ разсвѣтомъ 15 числа.

Одновременно съ атакой главнаго отряда, полковнику Краевскому, стоявшему въ селеніи Куйлюкъ, у переправы черезъ Чир-

чикъ, на ходжентской дорогѣ, предписано было сдѣлать демонстрацію со стороны кокандскихъ воротъ (въ 6 верстахъ отъ комеланскихъ) и, ограничиваясь бомбардированіемъ города, поддерживать тѣмъ атаку главныхъ силъ.

По занятіи наружной ограды, передовыя войска главной колонны должны были немедленно двинуться вправо, по улицѣ, идущей кругомъ городской стѣны, овладѣть кокандскими воротами, соединиться здѣсь съ отрядомъ полковника Краевского и затѣмъ овладѣть цитаделью.

Главный отрядъ, въ составѣ 7 ротъ и 6 орудій (2 легкихъ и 4 батарейныхъ), выступилъ тремя эшелонами. Впереди шла штурмовая колонна, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Абрамова, изъ охотниковъ и $2\frac{1}{2}$ ротъ пѣхоты. Охотниками командовали: ротмистръ Вульфертъ, поручики: Шороховъ и Лалинъ. Въ верстѣ за штурмовой колонной шелъ резервъ изъ двухъ ротъ съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ майора де ла-Кроа, а еще въ верстѣ за нимъ второй резервъ изъ $2\frac{1}{2}$ ротъ, съ 4 батарейными орудіями, подъ начальствомъ подполковника Жемчужникова.

Въ два съ половиной часа штурмовая колонна, подойдя къ воротамъ на полторы версты, сняла съ верблюдовъ штурмовыя лѣстницы и, неся ихъ на рукахъ, двинулась впередъ садами; впереди шла небольшая цѣнь стрѣлковъ, которая, пользуясь темнотою ночи и пересѣченною мѣстностью, подкралась къ самой стѣнѣ, мимо спавшаго непріятельскаго караула, часовой котораго, поздно увидавъ русскихъ, бросилъ ружье и, не разбудивъ товарищей, бѣжалъ. Присутствіе караула впереди воротъ, которыя были завалены, заставляло думать, что гдѣ нибудь въ стѣнѣ есть лазейка, потому охотники рѣшились воспользоваться оплошностію врага и заставить его самого указать имъ дорогу.

Для этого, часть охотниковъ, какъ еказано, подкралась къ стѣнѣ, а другая, выждавъ нѣсколько, принялась будить оплошныхъ караульныхъ штыками. Въ переполохѣ кокандцы и не думали защищаться, а прямо бросились къ лазейкѣ, завѣшанной кошмою и потому незамѣтной съ поля—этого только и было надо: переколовъ оплошныхъ, охотники пролѣзли въ лазейку и тотчасъ же забрались на барбетъ, куда съ громкими «ура!» взбиралась уже и другая часть охотниковъ по лѣстницамъ. Это обстоятельство сильно помогло дѣлу: ворота съ двумя башнями и артиллеріей были взяты, безъ всякой, съ нашей стороны, потери.

Занявъ стѣны, часть охотниковъ немедленно стала отваливать и разбивать ворота, остальные заняли близъ лежавшіе сакли и сады. Священникъ Маловъ, ѣхавшій съ крестомъ впереди штурмовой колонны, по крику «ура», бросился впередъ и первый пролѣзъ въ пробитую охотниками щель городскихъ воротъ.

Ротмистръ Вульфертъ, взойдя на стѣну съ нѣсколькими охот-

никами, тотчасъ же кинулся вдоль стѣны занять ближайшій барбетъ и овладѣлъ тутъ однимъ орудіемъ, но самъ былъ раненъ пулею въ руку.

Между тѣмъ, штурмовая колонна Абрамова въ числѣ 250 человекъ, пробѣжавъ въ открытыя уже ворота, тотчасъ же двинулась вправо вдоль по улицѣ, чтобы овладѣть кокандскими воротами и впустить отрядъ Краевского.

Пройдя до карасарайскихъ воротъ, гдѣ уже начиналось мирное населеніе, Абрамовъ повернулъ къ базару, чтобы жители могли убѣдиться во взятіи нами города. На первой же улицѣ встрѣчены были барикады, защищаемыя сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Барикады были взяты, и отрядъ подошелъ къ главному базару. Здѣсь сопротивленіе оказалось еще сильнѣе: кромѣ барикадъ, расположенныхъ на каждомъ поворотѣ, всѣ прилегающія сакли были заняты стрѣлками. Выйдя съ базара, отрядъ на каждой улицѣ встрѣчалъ уже по нѣскольку защищаемыхъ барикадъ, такъ что каждую изъ нихъ приходилось брать штыками. Прорѣзавъ, такимъ образомъ, почти всю сѣверную половину города, Абрамовъ вошелъ въ цитадель, которую засталъ уже занятою войсками де-ла-Кроа и Жемчужникова.

Скоро по началіи штурма, когда Абрамовъ двинулся вправо вдоль стѣны, непріятель, нѣсколько опомнившись отъ испуга, сталъ сосредоточиваться у Камеланскихъ воротъ противъ войскъ нашей главной колонны и занять ближайшіе сакли и сады. Пока войска выбивали непріятеля изъ этихъ закрытій, значительныя массы непріятельской пѣхоты, собравшись на двухъ ближайшихъ улицахъ, съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «Аллахъ» бросились на войска. Двѣ удачно пущенныя поручикомъ Макаровымъ пудовыя фугасныя ракеты, а вслѣдъ за ними ударъ въ штыки, опрокинули кокандцевъ и заставили ихъ, въ совершенномъ безпорядкѣ и съ большою потерей, очистить улицы. Съ этого момента, нашъ лѣвый флангъ сталъ твердою ногою въ городѣ, хотя на занятой части городской стѣны перестрѣлка съ деревьевъ и дальнихъ домовъ продолжалась еще до вечера.

Вслѣдъ за колонною Абрамова, была направлена колонна майора де-ла-Кроа (двѣ роты съ однимъ орудіемъ), а за нею колонна подполковника Жемчужникова (двѣ роты при 2 орудіяхъ).

Несмотря на то, что де-ла-Кроа шелъ слѣдомъ за Абрамовымъ, онъ встрѣтилъ новыя барикады, весьма скоро устроенныя изъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ. Пока де-ла-Кроа выбивалъ непріятеля изъ барикадъ, подоспѣлъ и Жемчужниковъ; соединившись вмѣстѣ, колонны ихъ двинулись къ цитадели, которую и заняли, въ 7^{1/2} часовъ утра, почти одновременно съ Макаровымъ. Немедленно и здѣсь была выдвинута артиллерія, открывшая огонь по городу. Между тѣмъ, священникъ Маловъ, отдѣлившись случайно уже на базарѣ,

отъ колонны Абрамова, съ 45 человѣками и нѣсколькими офицерами, тщетно подавалъ сигналы трубой, отвѣта не было слышно: пришлось идти наугадъ улицами незнакомаго города, ориентирюясь только по выстрѣламъ. Выйдя на главную улицу, горсть эта была осыпана сзади градомъ пуль. Потерявъ сразу нѣсколько убитыми и ранеными, люди прибавили шагу, но почтенный Маловъ ободрилъ ихъ и посовѣтовалъ лучше дать отпоръ, а не то на широкой и прямой улицѣ все равно всѣхъ перестрѣляютъ. Солдаты послушались совѣта, легли на землю и открыли огонь по густой толпѣ почти въ упоръ,—ни одна пуля не пропала даромъ; передніе ряды сартовъ повалились, а остальные бросились бѣжать. Это дало возможность оставшимся въ живыхъ вынести своихъ раненыхъ и безъ дальнѣйшей потери присоединиться къ войскамъ, занявшимъ цитадель.

Но цитадель оказалась плохой защитой отъ выстрѣловъ съ деревьевъ сосѣднихъ садовъ. Кромѣ того, кокандцы еще подожгли службы ханскаго дворца, и огонь, распространяясь довольно быстро, угрожалъ уже пороховому складу (въ 2 тысячи пудовъ) и нѣсколькимъ тысячамъ чиненыхъ гранатъ. Приходилось очистить цитадель.

Выйти, однако, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ войти: непріятель занялъ лавки и сакли у самыхъ воротъ и рѣшительно не пропускалъ никого безнаказанно. Тогда отецъ Маловъ, крикнувъ: «за мной, братцы», бросился, съ крестомъ въ рукѣ, впередъ и въ мигъ очистилъ прилежащій берегъ Босъ-су отъ непріятеля, едва не поплатившись при этомъ жизнью: сартъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, но фитильное ружье дало только вспышку. Благодаря такому самоотверженію безоружнаго священника, войска благополучно выбрались изъ цитадели.

Между тѣмъ, согласно диспозиціи, отрядъ полковника Краевского двинулся въ полночь отъ Куйлюка къ Ташкенту. Чтобы не обнаружить своихъ намѣреній и не дать непріятелю времени собраться на стѣнахъ, онъ долженъ былъ не открывать огня до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ обнаруженъ или пока не услышитъ выстрѣловъ главнаго отряда. Непріятель, замѣтивъ отрядъ полковника Краевского, открылъ по немъ огонь изъ девяти орудій, на который тотъ отвѣчалъ четырьмя орудіями, но скоро за стѣною послышалось «ура» отряда Абрамова. Вслѣдъ за тѣмъ, пѣхота Краевского, съ помощью людей Абрамова, подававшихъ лямки и ружья, стала взбираться на стѣну. Въ это время Краевскій получилъ извѣстіе о появленіи, на правомъ его флангѣ, идущаго изъ города непріятеля. Тотчасъ же съ казаками и четырьмя конными орудіями онъ поскакалъ на перерѣзъ имъ. Удачные выстрѣлы картечью на самую близкую дистанцію заставили толпы кокандцевъ бѣжать. Горсть казаковъ (39 человѣкъ) бросилась ихъ преслѣдовать. Появившіяся,

вслѣдъ за тѣмъ, толпы кокандской кавалеріи были встрѣчены не менѣе удачно и также обращены въ бѣгство. Преслѣдуемая горстью храбрыхъ, конница эта разбросала по дорогѣ свои знамена и, доскакавъ до Чирчика, въ безпорядкѣ бросилась къ броду, топя другъ друга.

Между тѣмъ, поднимаясь на стѣну пѣхота Краевского, соединившись съ Абрамовыхъ, продолжала дальнѣйшее движеніе вдоль стѣнъ. Самъ Краевскій съ остальными войсками своего отряда, по вступленіи въ городъ, соединился съ Жемчужниковымъ, уже оставившимъ въ это время цитадель, и вмѣстѣ съ нимъ, расположился на позиціи между Кокандскими и Кашгарскими воротами, на мѣстѣ ханской ставки.

Съ очищеніемъ половины города и прекращеніемъ перестрѣлки главный отрядъ расположился у Камеланскихъ воротъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ лагерь отряда прибыли аксакалы преданныхъ намъ частей города, съ изъявленіемъ совершенной покорности и обѣщаніемъ назавтра явиться въ лагерь со старшинами и почетными лицами всего города. Но къ вечеру непріятель снова засѣлъ въ ближайшихъ сакляхъ и открылъ огонь по нашей цѣпи. Соединеніе между главнымъ отрядомъ и отрядомъ Краевского почти прекратилось. Барикады появились на всѣхъ улицахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Сопровиженіе сдѣлалось еще упорнѣе: были случаи, что одинъ, два человѣка кокандцевъ съ айбалтами (топоръ на длинной рукояткѣ) кидались на цѣлую роту и умирали на штыкахъ, не прося пощады.

Посланные по смежнымъ улицамъ небольшіе отряды встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе; приходилось брать сакли штыками.

Общими усиліями нашихъ войскъ улицы были очищены вторично. Артиллерія, выдвинутая отъ воротъ на версту внутрь города, открыла огонь. Отъ нашихъ гранатъ еще съ вечера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорѣлись сакли, и пожаръ, распространившійся въ ближайшей части города, продолжался до слѣдующаго дня. Къ ночи всѣ войска стянулись къ Камеланскимъ воротамъ.

16 іюня, утромъ, полковникъ Краевскій, съ тремя ротами и двумя орудіями, былъ посланъ для сбора непріятельскихъ орудій и взрыва цитадели. По всей дорогѣ встрѣчены были имъ тѣ же барикады и тотъ же огонь изъ смежныхъ домовъ, какъ наканунѣ. Барикады снова были уничтожены, сакли взяты, и отрядъ вступилъ въ цитадель, гдѣ также встрѣтилъ новое сопротивленіе, но, благодаря распорядительности Краевского, отрядъ, исполнивъ порученіе, возвратился въ лагерь безъ большой потери.

Къ вечеру улицы были совершенно очищены. Передъ закатомъ солнца прибыли наконецъ посланные отъ аксакаловъ, прося позволенія всѣмъ старшинамъ города явиться на другой день.

17 числа, всѣ аксакалы и почетные жители города, явившись къ генералу Черняеву, изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству.

Городъ сдался и обязался выдать оружіе. Всѣ аксакалы, а также многіе изъ жителей приняли самыя энергичныя мѣры къ отысканію орудій, находившихся въ самомъ городѣ, и къ вечеру было доставлено самими жителями до 20 мѣдныхъ орудій и до 300 ружей. Вслѣдъ затѣмъ въ городѣ водворилось спокойствіе. Ташкентъ былъ покоренъ окончательно.

Трофеями нашими были: 16 знаменъ (въ томъ числѣ одно бухарское), множество значковъ, 63 орудія разнаго калибра и множество ружей.

Потеря наша: оберъ-офицеровъ раненыхъ—3, контуженныхъ—4; нижнихъ чиновъ убитыхъ—25, раненныхъ—86, контуженныхъ—24.

Непріятельскій гарнизонъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, состоялъ изъ 5.000 сарбазовъ и 10.000 сипаевъ, которые большею частью убѣжали во время штурма.

Вскорѣ по занятіи Ташкента, Черняеву было предъявлено требованіе со стороны бухарскаго эмира—объ очищеніи этого города. Черняевъ отвѣчалъ на это арестованіемъ всѣхъ бухарскихъ подданныхъ, торговавшихъ въ занятыхъ нами городахъ. Мѣра его распространена была оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Крыжановскимъ и на Сыръ-Дарьинскую линію и на Оренбургъ. Между тѣмъ, эмиръ просилъ пропустить къ высочайшему двору своего посла, прибывшаго въ фортъ № 1, къ пріѣзду туда оренбургскаго генералъ-губернатора, но такъ какъ послѣдній былъ снабженъ полномочіемъ вести всѣ дипломатическія сношенія въ Средней Азіи, то послу былъ возбраненъ дальнѣйшій путь и предложено вступить въ переговоры на мѣстѣ. Эмиръ на это не согласился и возбудилъ въ окрестностяхъ Ташкента партизанскіе набѣги, вынудившіе насъ занять долину за Чирчикомъ. Генералъ Крыжановскій далъ, тѣмъ временемъ, полномочіе Черняеву вести переговоры о мирѣ. Къ этому присоединилось предложеніе эмира прислать въ Бухару русское посольство. Черняевъ, не подозрѣвая ловушки, хотя въ виду арестованія бухарскихъ купцовъ можно было опасаться со стороны эмира отвѣтной репрессаліи,—послалъ въ Бухару миссію изъ нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ (Струве, Татаринова, Глуховскаго и Колесникова). Миссія эта въ Бухарѣ, какъ и слѣдовало ожидать, была задержана, и Черняеву объявлено, что ея не выпустятъ до тѣхъ поръ, пока бухарскій посолъ не будетъ допущенъ къ императору. Узнавъ объ этой новой дерзости эмира, Черняевъ немедленно двинулся къ Джизаку (30 января 1866 г.), переправясь съ большими затрудненіями черезъ Сыръ-Дарью, у Чиназа. Но зимній походъ безъ дровъ, безъ фуража и безъ достаточныхъ запасовъ былъ крайне тяжелъ и неудаченъ.

Простоявъ напрасно подъ Джизакомъ до 11 февраля, Черняевъ рѣшился отступить къ Дарьѣ, гдѣ и сталъ лагеремъ у Чиназа.

Вслѣдъ за симъ Черняевъ былъ смѣненъ и на его мѣсто прибылъ новый губернаторъ, генераль-майоръ Романовскій.

Между тѣмъ, въ окрестностяхъ лагеря и на сообщеніяхъ его съ Ташкентомъ появились партизанскія партіи, грабившія нашихъ подданныхъ и нападавшія на одиночныхъ людей и почталіоновъ. Для укрощенія этихъ разбойниковъ организована была изъ туземцевъ милиція, которая, опираясь на легкіе отряды наши, скоро очистила край отъ хищниковъ.

5 апрѣля, была произведена рекогносцировка вверхъ по Сыру, причемъ у непріятеля было отбито до 14.000 барановъ. Кромѣ того, рекогносцировка эта убѣдила насъ въ справедливости извѣстій о наступленіи эмира, вследствие чего генераль Романовскій рѣшился предупредить его. Выступивъ со всѣми войсками изъ-подъ Чиназа, Романовскій встрѣтилъ эмира съ 40.000 войскомъ, близъ урочища Иръ-Джаръ, на берегу Дарьи. То была первая встрѣча нашихъ войскъ съ бухарцами.

Громадное скопище эмира было на голову разбито и разсѣяно, и самъ владыка Бухары и глава мусульманства на Востокъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ.

Значеніе этой побѣды для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи очевидно.

Послѣ Иръ-Джарскаго боя народъ, считавшійся дотолѣ непобѣдимымъ, долженъ былъ уступить первенство въ Средней Азіи новой великой силѣ. Только послѣ Иръ-Джарскаго боя вселился среди азіатцевъ тотъ страхъ передъ нашимъ оружіемъ и убѣжденіе въ нашей непобѣдимости, которые до сихъ поръ держатся между азіатскими народами и даютъ намъ нравственный перевѣсъ, ведущій къ побѣдамъ.

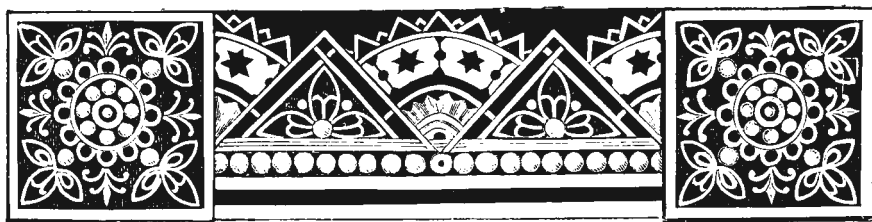
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
ІЮНЬ, 1899



РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹⁾.

VI.

Взятіе Ходжента.



ТОБЫ воспользоваться успѣхомъ нашимъ на Ирѣ-Джарѣ и достигнуть цѣлей, съ которыми была предпринята въ январѣ 1866 года столь необдуманно затѣянная экспедиція Черняева на правый берегъ Сыръ-Дарьи, т. е. возвратить наше посольство и наказать эмира за его коварство и вызывающій образъ дѣйствій, намъ представлялись два способа: или, неотступно преслѣдуя разбитаго непріятеля, двинуться на Ура-Тюбе, или направиться на Нау и Ходжентъ. Генераль Романовскій рѣшилъ двинуться на Ход-

жентъ, такъ какъ городъ этотъ лежалъ на главномъ пути изъ Коканда въ Бухару. Этимъ способомъ Кокандъ разобидался съ Бухарою, и кокандское правительство ставилось въ невозможность мѣшать въ предстоящихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ эмира.

Давъ на Ирѣ-Джарѣ необходимый отдыхъ войскамъ, приведя тамъ въ порядокъ свой обозъ и отправивъ оттуда на пароходѣ въ Чиназъ всѣ излишнія тяжести и всѣ трофеи, генераль Романовскій 14 мая 1866 года направился къ укрѣпленію Нау и занялъ его безъ выстрѣла; 15 и 16 числа, верки этого укрѣпленія приведены были въ нѣкоторый порядокъ, и тамъ оставлено двѣ роты, два орудія и

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. LXXVI, стр. 96.

команда казаковъ; 17 числа, остальная часть Чиназскаго отряда прибыла къ Ходженту; одновременно съ нею туда же подошелъ по правому берегу отрядъ Краевского.

Хотя изъ Нау и были отправлены къ жителямъ Ходжента успокоительныя прокламаціи,—Ходжентъ встрѣтилъ наши войска выстрѣлами. 18-го и 19-го, были произведены рекогносцировки по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи, при чемъ не обошлось безъ довольно значительной канонады и живой перестрѣлки, начатой ходжентцами.

Рекогносцировки показали, что наиболѣе доступные для атаки фронты находятся на сѣверо-восточной сторонѣ, но что штурмовать стѣны, безъ предварительнаго приготовленія, было бы рискованно. Поэтому, въ ночь на 20 число, заложены были четыре батареи: двѣ на правомъ берегу и двѣ на лѣвомъ, съ южной стороны города; на батареяхъ поставлены 18 орудій и 2 мортиры. 20-го числа, было произведено усиленное бомбардированіе по городу, а штурмъ назначенъ на разсвѣтъ на 21 число. Но, въ то время, когда войска уже двигались на штурмъ, изъ города выѣхала депутація, съ изъявленіемъ покорности; войска были возвращены на позицію. Но переговоры, длившіеся болѣе сутокъ, ни къ чему не повели.

Воинственная партія въ городѣ не только не допустила сдачи, но успѣла арестовать главныхъ вожаковъ партіи мира. По истеченіи срока, даннаго жителямъ города для окончательнаго отвѣта, бомбардировка возобновилась и продолжалась съ 6 часовъ вечера 22-го до 2-хъ часовъ дня 24-го мая.

Послѣ замѣченнаго ходжентцами движенія нашего, въ ночь на 21-е число, разсчитывать на нечаянность штурма на разсвѣтъ уже было невозможно, а потому въ ночь на 23-е число начата была фальшивая атака траншейными подступами на южной сторонѣ города. вмѣстѣ съ тѣмъ, для большаго развлеченія вниманія осажденныхъ и для лучшаго обезпеченія путей со стороны Коканда, блокирующія войска были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ, и въ тылу войскъ выставлены сильные казачьи пикеты. Общее наблюденіе за дорогами и охраненіе войскъ со стороны Коканда было поручено подполковнику Пистолькорсу.

Совокупность этихъ мѣръ дала весьма полезные результаты — прибытіе новыхъ подкрѣпленій изъ Коканда совершенно прекратилось, и вниманіе защитниковъ отвлечено было на восточную сторону.

Для сбереженія снарядовъ, бомбардированіе города въ теченіе 22-го и 23-го чиселъ (кромѣ двухъ мортиръ, стрѣлявшихъ день и ночь) дѣлалось два раза въ день: въ полдень и въ шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ, и 24-го числа въ полдень произведена была бомбардировка, а по ея окончаніи начать штурмъ.

Для штурма были назначены двѣ колонны: одна—изъ трехъ ротъ пѣхоты, двухъ батарейныхъ и двухъ облегченныхъ орудій, подъ начальствомъ капитана Михаловскаго, а другая—изъ такого же числа

пѣхоты, но безъ орудій, подъ начальствомъ ротмистра Баранова. Обѣ эти колонны вышли съ позиціи съ разсвѣтомъ 24-го числа. Первая изъ нихъ отправилась прямо къ сѣверо-восточной части города, съ цѣлю, устроить тамъ на ближайшемъ разстояніи брешь-батарею противъ прирѣчнаго барбета, открыть огонь въ полдень вмѣстѣ съ другими батареями; вторая двинулась сначала къ Кокандскимъ воротамъ, съ тѣмъ чтобы перейти къ Келенаусскимъ воротамъ уже по началіи бомбардированія. Къ Кокандскимъ же воротамъ направлена была и большая часть кавалеріи, которая должна была, съ одною изъ ротъ Баранова, прикрывать построенную здѣсь батарею и траншейныя работы по уходѣ Баранова. Въ 7 часовъ утра были двинуты: резервъ для штурмовавшихъ колоннъ, состоявшій изъ двухъ ротъ и двухъ облегченныхъ орудій подъ начальствомъ майора Назарова, и главный резервъ изъ такого же числа ротъ и одной сотни казаковъ, подъ командою подполковника Фавицкаго, который и расположился скрытно въ садахъ на келенаусской дорогѣ, сзади мечети, гдѣ былъ устроенъ главный перевязочный пунктъ.

Благодаря пересѣченной мѣстности, множеству строеній и густымъ садамъ, всѣ движенія, какъ штурмовавшихъ колоннъ, такъ и резервовъ, были отъ непріятеля совершенно скрыты и не обратили на себя никакого вниманія.

Колонна Михаловскаго, дойдя незамѣченною къ крѣпости на 150 сажень и примкнувъ правымъ флангомъ къ рѣкѣ, расположилась скрытою отъ непріятеля, въ находившемся здѣсь оврагѣ, и, выславъ впередъ стрѣлковъ, тотчасъ же приступила къ устройству двухъ батарей—одной для 2-хъ батарейныхъ орудій, въ разстояніи отъ барбета на 65 сажень, а другой—для двухъ облегченныхъ орудій, на разстояніи 50 сажень. Несмотря на пушечный и ружейный огонь непріятеля, работы на батареяхъ шли весьма успѣшно. Дѣйствіе батарей, заложенныхъ на столь близкое разстояніе, было очень сильно.

Артиллерійскій огонь ходжентцевъ замолкъ, многіе зубцы стѣны были сбиты, и вообще стѣны барбета значительно повреждены. Между тѣмъ, въ обѣихъ колоннахъ войска приготовились для штурма: принесли лѣстницы, расположились за ближайшими къ городскимъ стѣнамъ прикрытіями и ожидали только сигнала для движенія. Сигналъ этотъ долженъ былъ подать Михаловскій.

Въ 2 часа дня, по окончаніи бомбардированія, стрѣлковая рота 3-го баталіона, во главѣ которой шелъ командиръ этой роты, уже извѣстный своей храбростію, поручикъ Шороховъ, и самъ начальникъ колонны Михаловскій, съ крикомъ «ура» бросилась на штурмъ; за ней послѣдовали и другія двѣ роты. Это «ура» и было сигналомъ. Барановъ тотчасъ же двинулъ роты бѣглымъ шагомъ къ Келенаусскимъ воротамъ.

Поставивъ три лѣстницы къ барбету, рота Шорохова стала взбираться на стѣну, несмотря на то, что лѣстницы оказались короткими. Но лишь только передовые поднялись къ зубцамъ, какъ на стѣнахъ барбета появилась новая масса защитниковъ. Камни, пули и удары кистеней посыпались на штурмовавшихъ. Михаловскій, Шороховъ, подпоручикъ Куссонскій и прапорщикъ Бѣляевъ были изъ первыхъ сильно контужены, кто кистенемъ, кто камнемъ. Такая встрѣча, хотя и произвела замедленіе, но не охладила храбрости штурмовавшихъ. Павшіе подъ ударами были замѣнены другими, а командиръ облегченнаго взвода, поручикъ Тилле, выдвинулъ съ батареи свои орудія впередъ почти подъ самыя стѣны и осыпалъ непріятеля картечью, при чемъ былъ вскользь раненъ пулею въ грудь. Въ это время Барановъ, бросившись со своими ротами къ Келенаусскимъ воротамъ, несмотря на сильный огонь, успѣлъ поставить лѣстницы и подъ градомъ пуль, картечей и камней, а также бросаемыхъ со стѣнъ бревенъ, влѣзъ на первую стѣну, проломалъ ворота и, внеся черезъ нихъ лѣстницы, скоро взобрался и на вторую стѣну. Первымъ былъ здѣсь гвардейской артиллеріи подпоручикъ Мазингъ. Извѣстный уже по описанію штурма Ташкента, отецъ Маловъ и здѣсь шелъ въ переднихъ рядахъ, ободряя людей своимъ примѣромъ. Ворота второй стѣны также были разбиты, и обѣ роты вошли въ городъ. Вслѣдъ за ними направленъ былъ и резервъ Назарова, который, согласно предварительному распоряженію, частью подъ начальствомъ самого Назарова, двинулся прямо въ цитадель, а частью былъ направленъ для поддержанія колонны Михаловскаго.

При самомъ началѣ штурма, Михаловскій получилъ нѣсколько ударовъ въ голову; истекая кровію, онъ не могъ оставаться при войскахъ и вынужденъ былъ сдать начальство штабъ-капитану Оренбургскаго стрѣлковаго баталіона Бергбому. Пользуясь подошедшими подкрѣпленіями и переходомъ черезъ стѣну колонны Баранова, Бергбомъ возобновилъ штурмъ и на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ. Всѣ защитники барбета были переколоты штыками; штурмовавшіе вошли на барбетъ, распространились по стѣнамъ, а затѣмъ спустились и въ самый городъ.

Роты Баранова, по занятіи Келенаусскихъ воротъ, двинулись влѣво, вдоль стѣнъ, отдѣливъ часть своихъ людей, вмѣстѣ съ колонною Назарова, двинувшеюся прямо черезъ базаръ къ цитадели. Распространяясь по стѣнамъ влѣво отъ занятыхъ воротъ, колонна эта уничтожала вооруженіе верковъ заклепываніемъ и сбрасываніемъ орудій и, постепенно подвигаясь впередъ, соединилась у Кокандскихъ воротъ съ оставленною тамъ своею третьею ротою, оказавъ послѣдней содѣйствіе при взломѣ и вторженіи въ эти ворота. Затѣмъ, колонна эта, овладѣвъ шестью орудіями, изъ которыхъ одно взято съ бою, продолжала слѣдовать вдоль стѣны, дошла до самой рѣки и на ночь присоединилась къ войскамъ Назарова,

успѣвшимъ между тѣмъ занять цитадель и ввезти въ нее два нашихъ орудія.

Занявъ стѣны, Бергбомъ направилъ своихъ людей частью влѣво къ Келенаусскимъ воротамъ, а частью вдоль рѣки къ цитадели, гдѣ также захватилъ нѣсколько орудій, а на ночь вошелъ въ цитадель. Едва русское «ура» раздалось въ стѣнахъ Ходжента, какъ полковникъ Краевскій, посадивъ съ собою на находившіяся при отрядѣ барказы часть своихъ стрѣлковъ, переправился на лѣвый берегъ и, пользуясь суматохою въ городѣ, эскалаторовалъ прирѣчную стѣнку и ворвался въ городъ. Захвативъ на пути слѣдованія одно орудіе, Краевскій съ стрѣлками прошелъ по нѣсколькимъ улицамъ и, выйдя къ цитадели, засталъ уже тамъ Назарова, а потому переправился обратно на правый берегъ. Колонны, во время движенія по городу, встрѣчали ожесточенное сопротивленіе; чтобы очистить скорѣе городъ, вслѣдъ за пѣхотою послана была, по распоряженію Пистолькорса, сотня казаковъ — проскакать по городу, а другая, спѣшенная, введена въ городъ на усиленіе пѣхоты.

Къ 7-ми часамъ вечера орудійная стрѣльба въ городѣ совершенно прекратилась, а ружейная перестрѣлка начала замѣтно утихать; въ городъ и цитадель введено было 10 ротъ, 4 орудія и 2 сотни казаковъ.

Ночь какъ въ городѣ, такъ и на позиціи, была проведена совершенно спокойно, а утромъ явились аксакалы съ изъявленіемъ безусловной покорности.

Упорное сопротивленіе защитниковъ стоило имъ одними убитыми около 2.500 ч. Трупы собирались и хоронились пѣлую недѣлю. Кромѣ того, толпы раненыхъ, на третій же день по занятіи Ходжента, стали являться на нашъ перевязочный пунктъ съ просьбой о помощи. Число ихъ было такъ велико, что при всей неутомимости нашихъ врачей, по необходимости, раненые должны были ожидать очереди по нѣсколько дней.

Трофеи наши состояли, кромѣ множества ружей, значковъ, фальконетовъ и другаго оружія, изъ 13 орудій и одного большого кокандскаго знамени.

У насъ въ продолженіе осады и штурма выбыли изъ строя: убитыми 5, ранеными 65, контуженными 57 и безъ вѣсти пропавшими 6; изъ этого числа офицеровъ ранено 1 и контужено 6; всего 133 человѣка.

Ирѣ-джарскій бой и взятіе Ходжента имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ возвращеніе изъ Бухары нашей миссіи. Въ половинѣ августа въ Ташкентъ прибылъ генералъ Крыжановскій съ намѣреніемъ лично управлять дальнѣйшими военными дѣйствіями. Войскамъ немедленно приказано было стягиваться къ Ходженту, а бухарскому послу предложено уплатить въ 10 дней контрибуцію. Десятидневный срокъ оканчивался 23 сентября, и потому дѣйствующій

отрядъ выступилъ изъ Ходжента еще 20 числа, чтобы къ концу срока быть уже на границѣ. Отрядъ состоялъ изъ 20 ротъ пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ, 20 орудій и 4 мортирь. 22 числа отрядъ уже стоялъ лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Ура-Тюбе; 23 произведена первая рекогносцировка, а коменданту послано предложеніе сдать крѣпость.

Наиболѣе доступною оказалась южная сторона города, гдѣ можно было воспользоваться садами и подвести войска довольно близко. Чтобы избѣжать большой потери въ людяхъ, рѣшено было произвести въ стѣнахъ обвалы.

VII.

Осада Ура-Тюбе.

Къ 27 сентября 1866 г. войска, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Крыжановскаго, сообразно составленному плану осады, распредѣлились вокругъ крѣпости.

Главные силы, въ составѣ 11-ти ротъ пѣхоты и одной сотни казаковъ, при 10 орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Мантейфеля, расположились на дорогѣ въ Джизакъ.

Въ верстѣ впереди, ближе къ юго-западному углу, скрытно за высотами, расположенъ былъ авангардъ изъ 4 ротъ пѣхоты, 3-хъ сотенъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова ¹⁾, особый же отрядъ, назначенный для дѣйствій съ сѣверной стороны, въ составѣ 5 ротъ пѣхоты, команды саперъ, сотни казаковъ при 6 орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ ротмистра Баранова, остался на ходжентской дорогѣ, также за высотами.

27 и 28 производились самыя подробныя рекогносцировки стѣнъ для выбора пунктовъ атаки и мѣстъ для брешь-батарей, по возможности ближе къ крѣпостной оградѣ.

Въ ночь съ 29 на 30 сентября рѣшено было заложить траншеи и построить двѣ брешь-батареи. 30-го числа разсчитывали пробить бреши и на разсвѣтъ 1-го октября штурмовать городъ. Штурмъ предполагено было произвести не одновременно всѣми четырьмя колоннами, а сначала предполагалось пустить двѣ колонны по обваламъ, чтобы тѣмъ облегчить болѣе трудную задачу колоннъ, назначенныхъ штурмовать по лѣстницамъ.

Чтобы помочь заложению брешь-батарей, произведено было съ южной стороны усиленное бомбардированіе и сдѣланы фальшивыя атаки: кавалеріею съ ракетною командою на юго-восточный уголъ, а небольшими колоннами пѣхоты, при 3-хъ орудіяхъ, противъ западнаго фаса и сѣверо-западнаго угла. Но большой трудный обходъ,

¹⁾ Впослѣдствіи министръ императорскаго двора, нынѣ членъ государственнаго совѣта.

который пришлось сдѣлать колоннѣ Баранова, задержалъ ее такъ, что она могла бы приступить къ работѣ не ранѣ полуночи и, значитъ, къ разсвѣту батарея не была бы окончена. Поэтому работа была отложена до слѣдующей ночи. Чтобы помочь заложению батареи и отвлечь вниманіе непріятеля, генералъ Романовскій, на котораго возложены были генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ ближайшія распоряженія осады и штурма, направилъ 3 сотни кавалеріи съ 6 ракетными станками и небольшую часть пѣхоты съ однимъ орудіемъ на сѣверо-западный уголъ крѣпости и поручилъ полковнику Пистолькорсу произвести съ этими войсками усиленную демонстрацію.

Благодаря этому маневру, заложение брешь-батарей противъ сѣверо-восточнаго фронта совершилось вполне счастливо. Какъ только началось дѣйствіе ракетъ колонны полковника Пистолькорса, колонна Баранова, заранѣ построенная въ ближайшей лощинѣ, спустилась къ мѣсту, избранному для устройства брешь-батарей. По окончаніи всѣхъ предварительныхъ распоряженій, когда уже началась отрывка земли, непріятель замѣтилъ работу и открылъ огонь, но не замедлилъ этимъ нашихъ работъ.

Темнота однако была такова, что при трассировкѣ батареи инженеры долго принимали небольшой бугоръ впереди батареи за крѣпостную стѣну. Батарею совсѣмъ уже начали строить противъ этого пригорка, когда ошибку замѣтилъ одинъ изъ зоркихъ офицеровъ, и туры пришлось передвинуть впередъ на нѣсколько сажень. Соединеніе батареи было устроено въ сухомъ арыкѣ, послужившемъ прекрасною траншеею.

Для поддержанія этой брешь-батарей, позади ея, на мѣстѣ расположенія резерва, были устроены два ложементъ для 4-хъ нарѣзныхъ орудій, стрѣлявшихъ нѣкоторое время черезъ брешь-батарею. Тѣмъ не менѣе, приходилось отказаться отъ надежды пробить здѣсь полную брешь, ограничиваясь только срытіемъ верхней части стѣны аршина на два съ половиною, такъ чтобы осыпавшаяся земля образовала обвалъ. Огнемъ этой батареи управлялъ гвардейской артиллеріи штабсъ-капитанъ Зиновьевъ.

Весьма удовлетворительны также оказались дѣйствія и южныхъ брешь-батарей, гдѣ дѣйствовали: 2 нарѣзныхъ, 6 облегченныхъ орудій и 4 мортиры. Здѣсь удалось къ вечеру пробить двѣ значительныя бреши въ передней и въ задней стѣнахъ и у плечеваго угла юго-западнаго барбета.

Защитники почти не показывались изъ-за стѣнъ. Соблюдая величайшую осторожность, они стрѣляли черезъ мелкія бойницы, которыя тотчасъ же послѣ выстрѣла затыкали камешками, но на разстояніи, на которомъ находилась наша батарея, своими малокалиберными, легковѣсными пулями они не причиняли намъ почти никакого вреда.

Съ разсвѣтомъ 2-го октября назначенъ былъ штурмъ по ракетѣ.

Для штурма южной стороны, подъ руководствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были три колонны, каждая изъ 2-хъ ротъ пѣхоты и команды саперъ. Одна, подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Шауфуса, должна была направиться на ближайшія къ юго-западному барбету ворота, лѣвѣе ея должна была слѣдовать другая колонна, подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Глуховского и, наконецъ, третья, подъ командою майора Назарова на брешь у барбета. Резервъ этихъ колоннъ изъ 3-хъ ротъ при двухъ горныхъ орудіяхъ состоялъ подъ начальствомъ полковника Мантейфеля. Для штурма же сѣверо-восточной стороны въ распоряженіе Баранова были назначены двѣ колонны, каждая также изъ двухъ ротъ и команды саперъ: одна подъ начальствомъ поручика Шорохова, а другая штабсъ-капитана Конопельскаго, при нихъ резервъ изъ одной роты и двухъ наѣзныхъ орудій, подъ начальствомъ поручика Кузьминскаго. Колонны эти должны были штурмовать обвалъ.

Правѣ штурмовавшихъ съ южной стороны стала кавалерія отряда (3 сотни и 6 ракетныхъ станковъ), подъ начальствомъ Пистолькорса, а для развлеченія непріятеля оставлена противъ сѣвернаго фаса небольшая колонна изъ роты пѣхоты, одного орудія и команды казаковъ, подъ начальствомъ капитана Сяковскаго.

Съ разсвѣтомъ, по условленному сигналу, наша артиллерія на время замолкла, и колонны двинулись на штурмъ.

Стрѣлки колонны Шауфуса первые пробѣжали отдѣлявшее ихъ отъ рва пространство и приставили лѣстницу къ стѣнѣ башни, которая прикрывала ворота. Командиръ стрѣлковой роты капитанъ Гриппенбергъ полѣзъ первый, за нимъ послѣдовали прапорщики Машинъ и Ѳедоровъ и нѣсколько стрѣлковъ, но лѣстница не выдержала и обломилась. На верху стѣны остались названные три офицера и пять стрѣлковъ. Со всѣхъ сторонъ по нимъ открытъ былъ огонь почти въ упоръ. Чтобы укрыться отъ свинцоваго дождя, эта горсть храбрыхъ пробилась въ нишу воротъ и засѣла тамъ, обезпеченная съ боковъ и тыла. Здѣсь отстрѣливались наши, пока ворота позади ихъ не были выломаны подпоручикомъ Калитинымъ и титулярнымъ совѣтникомъ Лерхе ¹⁾, кинувшимися на выручку съ нѣсколькими охотниками. Въ это время стрѣлки успѣли поднять вторую лѣстницу. Первая стѣна была занята, но за нею оказалась вторая, а въ промежуткѣ масса защитниковъ. Отбросивъ непріятеля штыками и сломавъ ворота во второй стѣнѣ, колонна направилась вдоль стѣнъ направо и овладѣла съ боя четырьмя орудіями.

Почти одновременно съ Шауфусомъ двинулась и колонна Глу-

¹⁾ Командированный для ученыхъ изслѣдованій Лерхе принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

ховскаго. Впереди съ охотниками и командою саперъ шелъ командиръ саперной роты капитанъ Плецъ 1-й. Не обращая вниманія на огонь непріятеля, охотники спустились въ ровъ и стали подставлять лѣстницы. Оставивъ на краю рва часть стрѣлковъ, для дѣйствія по стѣнѣ, Глуховской съ остальными пошелъ вслѣдъ за охотниками. Упорная оборона не остановила нашихъ храбрецовъ, которые скоро успѣли перейти первую стѣну, но здѣсь наткнулись на большія массы защитниковъ, частью бросившихся въ рукопашную, частью же открывшихъ по нимъ огонь изъ башенъ и сакель. Произошла не продолжительная, но кровавая схватка. Здѣсь палъ Плецъ, убитый наповаль. Начальство надъ охотниками принялъ поручикъ Комаровъ. Здѣсь же смертельно ранены подпоручикъ Кончицъ и поручикъ Плѣшковъ; кромѣ того, ранено и контужено еще 4 офицера.

Въ это время, на подкрѣпленіе потерпѣвшихъ и задержанныхъ колоннъ двинута была часть общаго резерва, что дало возможность Шауфусу двинуться въ городъ, не опасаясь за тылъ. Слѣдомъ за нимъ двинулась и колонна Глуховскаго, усиленная изъ резерва двумя горными орудіями. На долю этихъ колоннъ выпала самая трудная часть дѣла. Каждая изъ нихъ не превышала численностію 250 человекъ; общая же цифра потерь убитыми и ранеными простиралась въ колоннѣ Шауфуса до 77 человекъ, а въ колоннѣ Глуховскаго до 74, итого 151, т. е. почти треть всего числа штурмовавшихъ!

Между тѣмъ, колонна Назарова, безъ шума, безъ криковъ «ура», шла впередъ, взшла на брешь безъ урона и опрокинула встрѣтившія ее за стѣною массы. Майоръ Назаровъ направилъ часть войскъ ко второй брени, а остальныхъ вдоль западнаго фаса, при чемъ захвачено было 4 орудія.

Такимъ образомъ, не болѣе, какъ въ полчаса, всѣ три колонны успѣли овладѣть стѣнами и проникнуть въ городъ. Вслѣдъ за ними въ городъ втянулись и войска резерва. Жители упорно защищались въ улицахъ. Перестрѣлка и рукопашный бой въ тѣсномъ пространствѣ грозили намъ большими потерями; но въ это время въ тылу осажденныхъ появилась колонна Баранова.

Задолго до сигнала, въ колоннѣ Баранова сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія: изъ траншей арыка принесены были на батарею штурмовыя лѣстницы, сюда же подкатили двѣ арбы, которыми, въ случаѣ надобности, предполагалось завалить ровъ.

Съ разсвѣтомъ горизонтъ прорѣзали огненные ленты трехъ сигнальных ракетъ. Батарея сдѣлала залпъ картечью, и роты двинулись на штурмъ; съ крѣпостной стѣны тотчасъ открыли сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь.

Но вотъ на брешь вскочили два-три смѣльчака (Шороховъ, Конопельскій). Брешь заблѣла кителями. Стѣна смолкла. Наши были уже въ городѣ.

Нарѣзной взводъ взялъ въ передки и рысью пошелъ на обвалъ, который саперы въ нѣсколько минутъ разровняли настолько, что по бреші, безъ затрудненія, вошли не только легкія орудія, но и зарядные ящики.

Все внутри цитадели показывало, что бухарцы никакъ въ эту минуту не ожидали штурма и, повидимому, собирались закусывать: позади валганга небольшими кучками сложены были лепешки, у самой стѣны стояли желѣзные треножники, большіе чугунные котлы съ водою и пр.

Трофеи побѣды 2-го октября составляли: 4 знамени, 16 орудій (въ томъ числѣ одна двухпудовая мортира), 16 выючныхъ пушекъ, множество фальконетовъ, ружей и огромные запасы пороха и другихъ припасовъ (въ томъ числѣ и разрывные снаряды). Потеря непріятеля была весьма значительная; собственно въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ подобрано было не менѣе 2.000 тѣлъ.

Наши потери состояли: убитыми 3 офицера (капитанъ Плець 1-й, поручикъ Плѣшковъ и подпоручикъ Кончиць) и 14 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 офицеръ и 102 нижнихъ чина; контуженными: 6 офицеровъ, 101 нижній чинъ. Всего 10 офицеровъ и 217 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ, за время осады, убитыхъ три нижнихъ чина и раненыхъ 10.

Главные потери понесли колонны Шауфуса и Глуховского; здѣсь общая потеря убитыми и ранеными доходила, какъ уже сказано, до 150 человѣкъ.

VIII.

Осада Джизака.

Такъ какъ и по занятіи Ура-Тюбе обѣщанное бухарцами мирное посольство не являлось, то войска наши направлены были на Джизакъ. Начальство надъ передовыми войсками, выступившими 5-го октября 1866 года, было поручено графу Воронцову-Дашкову. При движеніи этого отряда къ крѣпостцѣ Зааминъ, непріятель бѣжалъ столь поспѣшно, что оставилъ одно орудіе; укрѣпленіе было занято безъ выстрѣла. 10-го октября всѣ наши войска сосредоточились у Заамина, откуда 11-го числа двинулись къ Джизаку, въ составѣ 16^{1/2} ротъ и пяти сотенъ казаковъ, съ ракетною командою, 8-ю конными и 12-ю пѣшими орудіями.

Отрядъ обошелъ Джизакъ съ юго-запада и расположился въ 4-хъ верстахъ отъ города, на дорогѣ въ Самаркандъ, слѣдовательно на сторонѣ, противоположной той, къ которой въ предшествовавшемъ году подходилъ Черняевъ.

Этотъ поискъ указалъ бухарцамъ на необходимость укрѣпить городъ, и, надобно отдать имъ справедливость, они много успѣли сдѣлать за 8 мѣсяцевъ.

Въ день прибытія отряда была произведена рекогносцировка, подъ личнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Крыжановскаго; вечеромъ попался въ плѣнъ одинъ авганецъ, который сообщилъ подробности о крѣпости.

Городъ, по его словамъ и по свѣдѣніямъ, добытымъ рекогносцировкой, былъ окруженъ тремя параллельными стѣнами, цитадель составляла четвертую преграду. Пригородная слобода была покинута жителями. Около крѣпости бухарцы, какъ и въ Ура-Тюбе, разрушили всѣ сакли, находившіяся подъ стѣнами и образовали, такимъ образомъ, эспланаду, шириной отъ 60 до 100 сажень. Въ Джизакѣ было нѣсколько сотъ авганцевъ, составлявшихъ преимущественно артиллерійскую прислугу; затѣмъ имѣлось еще нѣсколько сотъ туркменъ, до 2-хъ тысячъ сарбазовъ или регулярныхъ войскъ, нѣсколько тысячъ иранцевъ невольниковъ, а всего гарнизона около одиннадцати тысячъ. Главное начальство надъ крѣпостію поручено было Алаяръ-хану, носившему титулъ таксаба-перваначи. Первые двѣ стѣны, а въ особенности передняя, имѣли весьма сильную профиль, такъ какъ по валгангу могла свободно проѣхать арба.

Трое городскихъ воротъ: Самаркандскія, Уратюбинскія и Камышъ-Курганскія или Ташкентскія, были наглухо завалены, чтобы пресѣчь гарнизону всякій путь къ отступленію, такъ какъ, согласно приказанію эмира, комендантъ намѣревался защищать городъ до послѣдней крайности.

По длинѣ стѣны, черезъ каждыя пятнадцать сажень, построены были полубашни для фланговой обороны. Полубашни эти или барбеты вооружены были орудіями.

Крѣпостныя работы все еще дѣятельно продолжались.

Самаркандскія ворота прикрыты были далеко выступавшимъ впередъ круглымъ туръ-бастіономъ, хорошо обстрѣливавшимъ доступъ къ нимъ. Между первою и второю стѣной шла улица, шириною около 60 сажень, и здѣсь расположенъ былъ лагерь гарнизона.

О штурмѣ по лѣстницамъ уже никто и не думалъ: глубина и высота стѣнокъ, а главное уратюбинскій опытъ рѣшили вопросъ въ пользу обваловъ.

Между тѣмъ, 12 числа, Алаяръ-ханъ прислалъ письмо, въ которомъ просилъ генерала Крыжановскаго не начинать осады до получения отъ эмира разрѣшенія сдать Джизакъ.

Но къ этимъ азіатскимъ уловкамъ мы уже были приучены: бекъ, очевидно, хотѣлъ повторить ту же продѣлку, которая употреблена была съ генераломъ Черняевымъ, дабы оттянуть время до получения подкрѣпленія.

Отвѣтомъ на это письмо было настоятельное требованіе немедленной сдачи крѣпости. Посланецъ, привезшій письмо, долженъ былъ отправиться, при одномъ изъ рекогносцировочныхъ отрядовъ, съ отвѣтомъ. Но когда отрядъ этотъ остановился у баррикады, загора-

живавшей выходъ изъ улицы на эспланаду, то бухарецъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ въ крѣпость, а предпочитаетъ остаться въ русскомъ лагерѣ, потому что боится неприятностей за то, что пришелъ съ нашими войсками; наконецъ, онъ откровенно признался, что у него въ Ташкентѣ семейство, и онъ не хочетъ быть убитымъ въ Джизакѣ; его оставили въ покоѣ, отвѣтъ же взялся везти одинъ изъ нашихъ джигитовъ.

Такъ какъ отъ коменданта не послѣдовало никакого отвѣта, то, чтобы убѣдить бухарцевъ въ намѣреніи нашемъ немедленно же начать осаду, артиллерія наша открыла огонь, на который бухарцы тотчасъ отвѣтили канонадой и ружейной пальбой, не причинившей намъ, впрочемъ, никакого вреда.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Зиновьевъ выбралъ мѣсто для брешь-батарей и нашелъ средство издать измѣрить высоту стѣнъ крѣпости.

Бухарцы строятъ свои глиняныя стѣны слоями: сперва выведутъ стѣнку, вышиною въ аршинъ съ небольшимъ, дадутъ глинѣ высохнуть, затѣмъ кладутъ второй слой, потомъ третій и т. д. Между всѣми этими слоями остается весьма замѣтный шовъ. Зиновьевъ насчиталъ въ джизакской стѣнѣ девять такихъ швовъ и вывелъ изъ этого, что стѣны имѣли надъ рвомъ около 10 аршинъ вышины. Такъ это и было.

Тотчасъ по уходѣ рекогносцировочныхъ отрядовъ изъ города, окружающаго крѣпость, тамъ вспыхнулъ пожаръ. Оказалось, что сарты сдѣлали вылазку и начали жечь сакли, чтобы расширить эспланаду. Всю ночь зарево освѣщало оставленный городъ. Чтобы помѣшать сартамъ ушірять эспланаду, командующій войсками немедленно приказалъ послать въ городъ двѣ роты пѣхоты, которыя и должны были занять переднія, еще не разрушенныя сакли, которыя могли служить намъ прикрытіемъ вблизи крѣпости.

14-го октября назначена была новая рекогносцировка, но она не состоялась. Рано утромъ разнесся слухъ, что фуражиры облегченной батареи и полусотня казаковъ, отправившихся на фуражировку въ окрестныя деревни, прошли въ ущелье Джиланъ-Уты и окружены тамъ бухарцами. Неудачная фуражировка облегченной батареи превратилась въ полевое сраженіе: на помощь къ фуражирамъ посылалась рота за ротой, пока наконецъ не ушелъ изъ лагеря почти весь отрядъ, со всѣми начальствующими.

Увидавъ приближеніе нашихъ войскъ, бухарцы тотчасъ же стали поспѣшно отступать, преслѣдуемые по пятамъ, черезъ все ущелье на 20 верстъ, до укрѣпленія Яны-Кургана, по ту сторону ущелья. Войска вернулись только къ 8 часамъ вечера. 14-го же числа прибыли артиллерійскій и инженерный парки, и затѣмъ ничто не препятствовало уже начать осаду.

Предположено было построить двѣ брешь-батареи: одну у самаркандской, а другую около уратюбинской дороги. 15-го числа въ 6 ча-

совъ утра высланы были для этого двѣ колонны: одна подъ начальствомъ капитана Михаловскаго, изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, 6 облегченныхъ орудій и 2-хъ мортиръ къ уратюбинскимъ, а другая—подъ начальствомъ подполковника Григорьева, изъ 4 же ротъ, 4 батарейныхъ орудій и 2-хъ мортиръ къ самаркандскимъ воротамъ.

Такъ какъ каждую изъ осадныхъ батарей приказано было строить не болѣе какъ на два орудія, то саперные офицеры (штабсъ-капитанъ Свищевскій и поручикъ Пріоровъ) рѣшили воспользоваться саклями на окраинѣ эспланады. Сартовскія, донельзя кривыя, улицы и переулки служили намъ безопасными траншеями. Переднія, не разрушенныя еще, сакли, по краю эспланады, служили закрытіемъ для цѣпи стрѣлковъ и составили, такимъ образомъ, готовую параллель.

Подлѣ самой самаркандской дороги нашлись три сакли, соединенныя заборами; переднія, т. е. обращенныя къ Джизаку, стѣнки этихъ сакель были почти параллельны крѣпостной стѣнѣ, поэтому, съ нѣкоторыми приспособленіями, онѣ могли служить довольно сносными брустверами для брешъ-батарей. Сакли, находившіяся позади, замѣнили пороховые погреба; тѣ же удобства нашлись и для уратюбинской батареи.

Какъ только стемнѣло, саперы начали приспособлять осадныя батареи. Самаркандская была уже готова часамъ къ 11. Вся работа заключалась лишь въ томъ, что за заборомъ, который долженъ былъ служить брустверомъ, установили рядъ туровъ въ два яруса, насыпали ихъ землей, и затѣмъ, пробивъ амбразуру въ заборѣ, прикрыли ее деревяннымъ ставнемъ для защиты внутренности батареи отъ непріятельскихъ пуль. Неудобство батареи заключалось въ томъ, что находившійся предъ самаркандскими воротами бастионъ бралъ нашу батарею во флангъ, а высокія крѣпостныя стѣны командовали мѣстностію настолько, что брустверъ батареи закрывалъ отъ стѣнъ лишь на 12 шаговъ. Но зато батарея имѣла и свои хорошія стороны, она была построена въ часъ времени, и слѣдовательно, въ случаѣ надобности, ничего не стоило устроить новую батарею изъ сосѣдней сакли. На уратюбинской батарее дѣла шли далеко не такъ успѣшно, потому что непріятель во время вылазки успѣлъ разрушить тѣ именно сакли и заборы, которые были намѣчены для передѣлки въ батарею. Только подъ самое утро новое мѣсто для батареи окончательно было выбрано, и приступлено было къ ея постройкѣ.

Такимъ образомъ, утромъ 16-го октября, открыть огонь могла лишь одна самаркандская батарея. Положеніе ея поэтому было весьма невыгодное: ей надобно было бить не торопясь, а это, конечно, давало бухарцамъ время опомниться, принять мѣры къ исправленію поврежденій и приготовиться къ упорной оборонѣ. Зарядовъ же было мало, и надо было ихъ беречь.

Между тѣмъ, на разсвѣтѣ непріятель замѣтилъ опасность и, открывъ изъ крѣпости учащенный огонь по обѣимъ колоннамъ, произвелъ большую вылазку на правый флангъ и тылъ уратюбинской колонны.

По всѣмъ приёмамъ обороны было очевидно присутствіе въ Джизакѣ регулярныхъ войскъ, а въ особенности авганцевъ, научившихся кое-чему отъ англичанъ.

При осадѣ Ура-Тюбе гарнизонъ ночью успокоивался и не тревожилъ насъ своимъ огнемъ. Въ Джизакѣ же, именно ночью и усиливался какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь, достигая къ разсвѣту наибольшей энергіи, вѣроятно, изъ опасенія штурма, по примѣру Ходжента и Ура-Тюбе, взятыхъ на разсвѣтѣ. Кромѣ того, уратюбинцы не сдѣлали ни одной вылазки, а здѣсь это продѣлывалось каждую ночь.

Часамъ къ 10 утра поспѣла, однако же, и уратюбинская батарея, тотчасъ открывшая огонь. Батарея была построена наново изъ туровъ, а не передѣлана изъ заборовъ. Солдаты прозвали ее гостиницей: деревья, прудъ и совершенная безопасность внутренняго пространства оправдывали это названіе.

Правѣ этой батареи, саженьхъ въ 30, поставлены были за тонкой стѣной маленькія полупудовыя мортирки, или, какъ солдаты ихъ называли, собачки. Онѣ также весьма успѣшно дѣйствовали на городъ.

Командовавшій этими мортирками поручикъ Лафицкій придумалъ для развлеченія особую забаву: у воротъ крѣпости устроенъ былъ небольшой плацдармъ, занятый бухарскимъ карауломъ; предупредивъ стрѣлковъ, Лафицкій бросалъ на этотъ плацдармъ гранату, бухарцы опометью кидались въ калитку стѣны и какъ при этомъ ни крѣпились, — все-таки имъ приходилось высовываться изъ-за невысокаго бруствера. Наши стрѣлки тотчасъ открывали огонь, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока бухарцы, выждавъ разрывъ гранаты, не возвращались на плацдармъ.

Стрѣльба съ брешь-батарей была весьма удачна: къ вечеру уратюбинская брешь была на половину окончена, самаркандская же батарея, сберегая снаряды, сбила въ теченіе дня только около двухъ верхнихъ вѣнцовъ стѣны (около двухъ аршинъ). Самаркандскую батарею рѣшено было усилить, а для поддержки уратюбинской противъ артиллеріи, громившей ее съ барбетовъ, построить еще контръ-батарею.

Наступила ночь. По дѣятельности, показанной гарнизономъ, слѣдовало ожидать, что онъ воспользуется темнотою и задѣлаетъ обвалы. Чтобы воспрепятствовать этому, самаркандская батарея (Зиновьева) чрезъ каждыя три-пять минутъ посылала на брешь выстрѣлъ картечью. Эта мѣра оказалась весьма удачною. Бухарцы, дѣйствительно, сдѣлали кое-какія приготовленія для ночныхъ работъ

по исправленію стѣны, но къ работамъ этимъ приступить не осмѣлились.

На брѣнь противъ уратюбинской батареи непріятель, однако, успѣлъ устроить засѣку, которая впослѣдствіи была уничтожена выстрѣлами нашей батареи.

17-го октября, по примѣру предшествовавшаго дня, произведена была демонстрація противъ юго-западнаго угла крѣпости отрядомъ графа Воронцова-Дашкова (двѣ роты, двѣ сотни, четыре орудія и ракетная команда). На военномъ совѣтѣ въ этотъ день генераль Романовскій предложилъ отступить на этотъ разъ отъ обычая штурмовать крѣпость не иначе, какъ на разсвѣтѣ, и произвести нападеніе въ полдень. Безпечность азіатцевъ, не наблюдавшихъ у себя правилъ аванпостной и гарнизонной службы, въ особенности по ночамъ, дѣлали до сихъ поръ утренніе штурмы неотразимыми.

Теперь же непріятель именно къ утру и былъ постоянно наготовѣ, ожидая штурма. Поэтому надобно было выбрать другое время; кромѣ того, штурмуя на разсвѣтѣ, мы рисковали найти наши обвалы задѣланными въ теченіе ночи. Къ тому же нечаянность штурма на Джизакъ, пугавшій своими четырьмя стѣнами, была для насъ весьма желательна, сигналы же ракетами, конечно, мало способствуютъ нечаянности, ибо они служатъ сигналомъ и для обороняющихся. Наконецъ, ночи были до того свѣтлы (тогда было полнолуніе), что бухарскіе часовые, конечно, могли бы съ высоты своихъ стѣнъ замѣтить наши ночныя приготовленія къ штурму, тогда какъ, собирая колонны въ 10 часовъ утра, мы ничѣмъ не обнаруживали нашихъ намѣреній, ибо въ 10 часовъ утра у насъ обыкновенно и ежедневно происходило движеніе войскъ по случаю смѣны ротъ траншейнаго караула. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, штурмъ былъ назначенъ въ полдень 18-го октября.

Вечеромъ, наканунѣ, произведена была поручикомъ Волинскаго уланскаго полка Кузьминскимъ окончательная рекогносцировка для измѣренія глубины рва. Риска въ замѣченномъ, Кузьминскій поползъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ своей роты Терентіемъ Соиновымъ и при помощи 12-ти-аршиннаго шнура съ привязаннымъ къ нему камнемъ измѣрилъ глубину рва, оказавшуюся въ 9 аршинъ.

За день бреши сильно подвинулись. Несмотря на кажущуюся прочность стѣны, она замѣтно уступала выстрѣламъ. Осыпавшаяся на берму глина образовала уже достаточно удобный всходъ.

Съ наступленіемъ ночи оба обвала обстрѣливались картечью, но, несмотря на то, бухарцы успѣли сдѣлать кое-что для исправленія поврежденій: съ обѣихъ сторонъ самаркандской бреши они вывели стѣнки изъ большихъ туровъ, сплетенныхъ изъ камыша, а на срединѣ обвала брошено было нѣсколько огромныхъ мѣшковъ (каповъ) съ землей. Съ разсвѣтомъ, 18-го числа, артиллерія наша принялась очищать бреши. На сто сажень орудія наши били безъ промаху и снимали туръ за туромъ.

Штурмъ назначено было произвести двумя колоннами, подъ начальствомъ капитана Михаловскаго и подполковника Григорьева, каждая изъ четырехъ ротъ пѣхоты при командахъ саперъ и казаковъ. Въ резервъ же къ этимъ колоннамъ, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были четыре роты, два горныхъ орудія и сотня казаковъ. Для того же, чтобы замаскировать наши намѣренія и отвлечь вниманіе непріятеля, выслана была небольшая колонна изъ трехъ сотенъ казаковъ, ракетной команды и двухъ легкихъ орудій, подъ начальствомъ Пистолькорса, для производства демонстрацій противъ ташкентскихъ воротъ, а резервъ къ штурмовавшимъ колоннамъ вышелъ, какъ сказано, въ 10 часовъ, когда обыкновенно производилась смѣна частей на батареяхъ.

Въ 10 же часовъ утра, Пистолькорсу было послано приказаніе усилить демонстрацію. Пистолькорсъ спѣшилъ одну сотню и, оставивъ остальные двѣ скрытыми въ садахъ, приблизился со спѣшенными казаками, ракетною командою и друмя орудіями на самое близкое разстояніе къ городскимъ стѣнамъ и надѣлалъ столько шума, что привлекъ на себя вниманіе непріятеля, который, видя малочисленность нападающихъ, предпринялъ противъ нихъ вылазку. Произошла рукопашная схватка, но пѣшіе казаки и конноартиллеристы блистательно выдержали пробу; атака конныхъ сотенъ изъ-за засады довершила поражение непріятеля. Потеря наша здѣсь ограничилась однимъ легко раненымъ офицеромъ (артиллеріи поручикъ Шпицбергъ) съ 11-ю ранеными казаками; непріятель же оставилъ нѣсколько тѣлъ. Главная цѣль демонстраціи была достигнута.

По мѣрѣ приближенія къ полудню, батареи наши стали ослаблять огонь съ цѣлю усыпить бдительность бухарцевъ, которые дѣйствительно поуспокоились. За 10 минутъ до полудня роты, назначенныя на штурмъ, придвинулись къ батареямъ и людей разсчитали по лѣстницамъ.

Уратюбинской колоннѣ приходилось пройти отъ батареи до бреши около 90 сажень, а самаркандской колоннѣ около 100 сажень.

Ровно въ полдень, среди общей тишины, роты подняли лѣстницы и молча вышли на эспланаду, перешагнувъ черезъ опрокинутыя туры траншеи.

Предположеніе Романовскаго вполне оправдалось: сарты никакъ не ждали штурма. Люди успѣли уже пройти сажень 20, и только тогда непріятель спохватился. Джизакская стѣна окуталась дымомъ, и роты пошли съ обычнымъ «ура».

Резервъ, оставшійся на батареяхъ и слѣдившій за товарищами глазами и сердцемъ, наконецъ не выдержалъ: съ криками «ура» колонна эта кинулась съ батарей и бѣгомъ пошла на обвалъ.

Штурмующіе спустились по лѣстницамъ въ ровъ и менѣе чѣмъ въ четверть часа были уже на стѣнахъ крѣпости.

Одновременно съ тѣмъ, по предварительному распоряженію за-

вѣдывавшаго осадными работами инженеръ-подполковника Яблонскаго, небольшія команды саперъ, подъ начальствомъ Свищевскаго и Пріорова, бросились къ воротамъ, поддержанные стрѣлками Гриппенберга и штабсъ-капитана Сверчкова.

Во время штурма самаркандской колонны поручикъ Кузьминскій, первый въ своей ротѣ взбѣжавшій на обвалъ, былъ проколотъ непріятельскими пиками, прежде чѣмъ подоспѣли люди его роты. Кузьминскій получилъ за свои подвиги (рекогносцировка и штурмъ) орденъ св. Георгія 4 степени.

Въ уратюбинской же колоннѣ, какъ только показались на обвалѣ охотники, раздался взрывъ. 16 человекъ нашихъ были тяжело ранены или обожжены.

Разно говорили о причинахъ взрыва. Одни рассказывали, будто часть гарнизона, и, конечно, самая храбрая, видя неизбежное паденіе крѣпости, нарочно подожгла пороховой погребъ съ намѣреніемъ погибнуть вмѣстѣ съ побѣдителями. Другіе доказывали, что подобный героизмъ совсѣмъ не въ сартовской природѣ, и что взрывъ произошелъ, конечно, нечаянно: шарахнувшійся гарнизонъ, спасаясь бѣгствомъ и прячась по разнымъ угламъ, легко могъ забраться и въ погребъ и тамъ своими фитильными ружьями нечаянно поджечь порохъ.

Занявъ обвалы, войска наши раздѣлились на нѣсколько колоннъ, направившихся частію по валгангу, для сбрасыванія орудій, частію въ улицу, между первою и второю стѣною, частію въ цитадель. Черезъ самаркандскую брешь удалось ввезти въ крѣпость два горныя и одно нарѣзное орудія. Во власти непріятеля остались затѣмъ лишь однѣ ворота ташкентскія, или, вѣрнѣе, небольшая калитка при нихъ, такъ какъ ворота были завалены. Не трудно представить то страшное, отчаянное положеніе, въ какое при такихъ условіяхъ поставлены были защитники Джизака. 19-ть бековъ и многочисленный гарнизонъ, стоявшіе лагеремъ между стѣнами, были заперты въ этомъ коридорѣ!

Бухарцы никакъ не ожидали штурма такъ скоро. По ихъ сообщенію, мы могли штурмовать городъ развѣ только еще черезъ 10 дней: «если Ура-Тюбе осаждали 8 дней,—разсуждали беки,—то Джизакъ будутъ осаждать по крайней мѣрѣ 18».

По окончаніи вылазки противъ Пистолькорса, всѣ беки собрались на одномъ изъ безопасныхъ отъ нашего огня бастіоновъ и тамъ совѣщались о дальнѣйшихъ мѣрахъ обороны; вдругъ прибѣжали съ извѣстіемъ, что русскіе уже въ крѣпости. Тогда всѣ побѣжали къ ближайшимъ воротамъ, но уже было поздно: навстрѣчу имъ двигалась одна изъ нашихъ ротъ, а такая встрѣча была для большинства роковою!

Когда наши войска овладѣли брешами, сарты кинулись вдоль по коридору, въ которомъ они были заключены, безъ возможности

попасть внутрь крѣпости или выйти въ поле. Масса обезумѣвшихъ отъ страха защитниковъ, подгоняемая нашими пулями и картечью къ ташкентскимъ воротамъ, напирала на переднихъ и не давала имъ перевести духъ. Но ворота эти, какъ уже сказано, были завалены. Здѣсь столпилось около 4.000 конныхъ и пѣшихъ, давившихъ другъ друга. Наши войска быстро двигались слѣдомъ за бѣжавшими и разстрѣливали враговъ. У воротъ образовалась цѣлая гора человѣческихъ и конскихъ труповъ. Тщетно старались перебраться черезъ нее отставшіе: русскія пули укладывали ихъ на верху этой гектакомбы человѣческихъ жертвъ. За этою баррикадою, остановившею нашихъ солдатъ, сидѣли, прижавшись къ стѣнѣ, еще тысячи полторы защитниковъ, которымъ и была дана пощада. Первый жаръ разгоряченныхъ боемъ и ожесточившихся солдатъ успѣлъ утихнуть, и затѣмъ убійство прекратилось — живые взяты въ плѣнъ. Между плѣнными оказалось 600 раненыхъ. Со страхомъ смотрѣли они на проѣзжавшихъ мимо нихъ русскихъ офицеровъ, жались къ стѣнѣ и подавленнымъ голосомъ молили о пощадѣ, повторяя свое «аманъ». Весьма небольшому числу удалось, впрочемъ, выбраться и въ поле, черезъ калитку ташкентскихъ воротъ, но здѣсь ихъ поджидалъ Пистолькорсъ съ казаками.

Между убитыми встрѣчалось много богато вооруженныхъ воиновъ, одѣтыхъ въ латы и шлемы съ большими кожаными, изукрашенными серебромъ и золотомъ щитами. Попадались и такіе, которые, судя по лицу и по тонкому бѣлью европейскаго происхожденія, давали поводъ подозрѣвать въ нихъ предприимчивыхъ агентовъ соперничающей съ нами державы. Подозрѣніе это усиливалось еще и тѣмъ, что въ Джизакѣ найдено было большое количество револьверовъ, а также ударныхъ и нарезныхъ ружей европейскаго образца. Затѣмъ были замѣтны нѣкоторые европейскіе приемы при оборонѣ крѣпости (караульная служба, вылазки, очищеніе эспланады, исправленіе обваловъ); все это заставляло подозрѣвать присутствіе въ Джизакѣ англичанъ.

Не было еще и часу по полудни, какъ вся крѣпость была уже въ нашихъ рукахъ. Приняты были мѣры къ восстановленію порядка въ городѣ, гдѣ уже вспыхнули кое-гдѣ пожары, и прекращенію напраснаго кровопролитія.

Вскорѣ войска были выведены изъ Джизака. Въ городѣ былъ оставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ ротъ и назначенъ комендантъ. Джизакъ съ того времени сталъ русскимъ городомъ.

Въ то самое время, какъ происходило все описанное, въ тылу у насъ, передъ войсками, оставленными для прикрытія лагеря, а также и передъ колонною Пистолькорса появились новыя массы бухарской кавалеріи, за которыми въ разстояніи одного перехода слѣдовало 2.000 сарбазовъ при 18 орудіяхъ. Это было подкрѣпленіе, высланное эмиромъ. Встрѣченное орудійнымъ огнемъ и узнавъ

объ участи, постигшей Джизакъ, подкрѣпленіе это поспѣшно отступило и болѣе уже не показывалось.

Добыча была богатая и заключалась преимущественно въ оружіи, коняхъ и конской сбруѣ; однихъ коней отбито было такое множество, что, напримѣръ, въ стрѣлковомъ баталіонѣ, на каждого рядового приходилось по лошади; этимъ обстоятельствомъ рѣшено было воспользоваться, и стрѣлковый баталіонъ отправленъ былъ въ Ташкентъ въ конномъ строю напрямикъ, черезъ безводную степь къ Чиназу, что пѣшему баталіону за недостаткомъ воды было бы весьма затруднительно.

Трофеями дня, кромѣ крѣпости, были 23 большихъ и 20 вьючныхъ орудій, 16 знаменъ и множество всякаго оружія.

Потери непріятеля доходили, по увѣреніямъ жителей Джизака, до 6.000 человѣкъ. У насъ же за все время осады и въ день штурма потеря ограничилась 6 убитыми, 76 ранеными (въ томъ числѣ 5 офицеровъ: поручикъ Кузьминскій, подпоручики: Аленичъ, Ржепецкій, Шпицбергъ и Рѣдькинъ) и 16 контуженными — въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ—подполковникъ Григорьевъ. Всего же 98 человѣкъ.

22-го октября генералы Крыжановскій и Романовскій уѣхали въ Ташкентъ. Экспедиція окончилась. Отъ бухарскаго эмира однако же не было прислано не только посольства, но даже никакихъ извѣстій. Такимъ образомъ, какъ началась экспедиція поазіатски—безъ объявленія войны, такъ и окончилась—безъ заключенія мира.

Оставшійся за старшаго въ Туркестанской области полковникъ Мантейфель счелъ необходимымъ овладѣть еще укр. Яны-Курганомъ, лежащимъ у Джиланъ-Утынскаго ущелья, дабы занять это ущелье и обезпечить крѣпость отъ нападенія съ этой стороны. 21 октября, укрѣпленіе Яны-Кургана было занято безъ боя и подорвано двумя минами. Рядъ неудачъ смирилъ бухарцевъ, которые наконецъ начали переговоры, пославъ въ Оренбургъ свою миссію. Разбой и хищническія нападенія мелкихъ паекъ, впрочемъ, не прекращались на передовой линіи.

Тѣмъ временемъ, а именно въ началѣ 1867 года изъ бывшей Сыръ-Дарьинской линіи, Туркестанской области и Семирѣчья образовано было особое генераль-губернаторство, начальникомъ котораго назначенъ былъ генераль-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ¹⁾, которому поручено было закончить переговоры съ эмиромъ. Мирный трактатъ былъ отосланъ къ эмиру съ отправившимся обратно посломъ, а генераль-губернаторъ, прибывъ на мѣсто, тотчасъ занялся введеніемъ новаго положенія объ управленіи краемъ. Работы организаціонныхъ комиссій указали множество мелкихъ особенностей, дѣлавшихъ необходимыми разныя отступленія отъ перво-

¹⁾ 14 іюля 1867 года.

«истор. вѣстн.», іюнь, 1899 г., т. LXXVI.

начальнаго проекта. Явилась надобность провести законодательнымъ порядкомъ новый проектъ положенія, при личномъ участіи генералъ-губернатора, для чего ему необходимо было ѣхать въ Петербургъ. Между тѣмъ, непріязненныя дѣйствія эмира не прекращались.

Яны-Курганъ былъ окончательно занятъ нами, безъ особой, впрочемъ, надобности, 25 мая 1867 г. Командовавшій передовымъ отрядомъ въ Джизакъ подполковникъ Абрамовъ думалъ этою мѣрою повліять на спокойствіе Джизакскаго района и обезпечить его водою, источники которой находились въ рукахъ непріятеля, но вмѣсто этого намъ пришлось отбивать рядъ нападеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ. 26 мая при рекогносцировкѣ верховьевъ р. Джиланъ-Уты, 7 іюля въ 10 верстахъ отъ Яны-Кургана, 5 іюля тамъ же и 7 февраля 1868 г. при рекогносцировкѣ Ухумскаго ущелья отрядомъ, назначеннымъ для выбора мѣста подъ укрѣпленіе на сѣверномъ склонѣ Нуратынскихъ горъ. Въ то же время на сообщеніяхъ Яны-Кургана и Джизака нерѣдко появлялись мелкія шайки, нападавшія на наши окрестности. При одномъ такомъ нападеніи былъ захваченъ артиллеріи подпоручикъ Служенко, а при другомъ израненъ подпоручикъ Машинъ. Все это однако же, при нѣкоторой снисходительности, можно было еще не ставить въ вину эмиру, но когда въ Бухарѣ начались волненія, возбужденныя духовенствомъ, и когда эмиръ объявилъ «газаватъ», т. е. священную войну противъ русскихъ, то отъ снисходительности поневолѣ пришлось отказаться.

14 апрѣля, ночью, бухарцы сдѣлали нападеніе на лагерь нашихъ войскъ подъ Джизакомъ, но были отбиты. 30 апрѣля отрядъ въ составѣ 21 роты пѣхоты, 16 орудій и 5 сотенъ казаковъ (всего до 3.500 чел.), выступилъ изъ Яны-Кургана по Самаркандской дорогѣ.

Бухарскіе посланцы (вѣрнѣе лазутчики) засновали взадъ и впередъ, увѣряя, что мирный договоръ подписанъ и скоро будетъ привезенъ. Намѣреніе замедлить наше наступленіе было слишкомъ ясно, чтобы слѣдовало останавливаться, и потому отрядъ продолжалъ движеніе. Жара была такъ велика, что люди чувствовали неодолимую жажду и, найдя на дорогѣ нѣсколько лужъ отъ послѣдняго дождя, жадно пили изъ нихъ, припавъ ничкомъ. Запрещеніе не дѣйствовало—жажда парализовала дисциплину. Къ вечеру отрядъ остановился на урочищѣ Ташъ-Купрюкъ близъ оврага, на днѣ котораго течетъ неглубокій ручей.

Всѣ мѣры, возможныя и согласныя съ достоинствомъ Россіи, были приняты генераломъ Кауфманомъ, дабы побудить эмира бухарскаго къ заключенію мира. Простыя, понятныя и безобидныя для него были предложенныя ему условія мирнаго торговаго трактата. Но слова убѣжденія не повели ни къ чему. Сильный еще по понятіямъ азіатскимъ, бухарскій деспотъ, несмотря на неудачи 1866 года, не могъ помириться съ мыслию о необходимости подчиниться какому бы то ни было обязательствамъ. Самъ коварный, онъ не до-

вѣрялъ русскому генералу, подозрѣвалъ въ заднихъ мысляхъ, не понималъ простаго честнаго слова и обманывалъ. Увѣряя въ готовности своей заключить условія мира, онъ тянулъ дѣло, посылалъ для переговоровъ своихъ уполномоченныхъ одного за другимъ, но не подписывалъ трактата. Шестъ мѣсяцевъ уже шли переговоры и въ началѣ апрѣля 1868 г., казалось, приходили къ концу. Эмиръ прислалъ въ Ташкентъ своего довѣреннаго доложить генераль-губернатору, что на все согласенъ, и что принятыя имъ условія съ приложенною имъ печатью будутъ вслѣдъ за тѣмъ высланы. Генераль-губернаторъ долженъ былъ выѣхать изъ Ташкента въ С.-Петербургъ для личнаго доклада Государю о найденномъ имъ положеніи вновь образованнаго генераль-губернаторства. «Условія» не прибывали, выѣздъ откладывался со дня на день. Послѣдній срокъ былъ назначенъ на 14 апрѣля. Наканунѣ выѣзда, 13 апрѣля, вечеромъ получено было достовѣрное извѣстіе о томъ, что эмиръ приготовился къ войнѣ, что 100-тысячная бухарская армія собралась у Самарканда, и что ожидается лишь выѣздъ изъ края генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана для вторженія этой невиданной еще въ Азіи силы въ наши предѣлы. Тотчасъ сдѣлано было распоряженіе о сборѣ войскъ нашихъ въ Джизакѣ и въ Яны-Курганѣ. 18 апрѣля, К. П. фонъ-Кауфманъ выѣхалъ изъ Ташкента, но не въ С.-Петербургъ, а въ Джизакъ, принявъ по дорогѣ въ службу роту авганцевъ, передавшихъ намъ съ Искандеръ-Ханомъ, внукомъ Достъ-Магомета ¹⁾. 27-го апрѣля, всѣ войска были собраны, а отрядъ выступилъ изъ Джизака къ Яны-Кургану; тутъ присоединился отрядъ, стоявшій въ Яны-Курганѣ съ іюля мѣсяца 1867 г. во временныхъ баракахъ и всю зиму подъ начальствомъ полковника Абрамова. Всего собралось у Яны-Кургана: 21 рота пѣхоты, 16 орудій, 5 сотенъ казаковъ (всего до 3.500 чел.).

30 апрѣля, отрядъ выступилъ на пути къ Самарканду, сдѣлавъ около 35 верстъ, остановился на ночлегъ у Каменнаго моста; въ 2 часа ночи 1 мая поднялось воинство, готовое къ бою.

IX.

Дѣло на Самаркандскихъ высотахъ.

Когда отрядъ уже былъ готовъ продолжать движеніе, бухарскій посланецъ, встрѣтившій насъ наканунѣ съ такими же предложеніями, какія дѣлались эмиромъ уже въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, т. е. увѣреніями въ дружбѣ, но безъ письменныхъ «условій», кои отъ него требовались, сталъ просить ген. Кауфмана возвратиться въ Яны-

¹⁾ Искандеръ-Ханъ былъ впоследствии произведенъ въ полковники.

Курганъ, или, по крайней мѣрѣ, дождаться на Ташъ-купрукѣ (Каменный мостъ) прибытія новаго посла съ мирнымъ трактатомъ, но его уже не слушали. Отрядъ, пройдя десять верстъ, совершенно ровной степью, спустился у кишлака Акъ-Курганъ въ цвѣтущую Міанкальскую долину. Кишлакъ былъ оставленъ жителями.

Авангардъ остановился для привала, но едва отдано было это приказаніе, какъ изъ партіи джигитовъ, слѣдовавшихъ впереди авангарда, получено было извѣстіе что впереди виденъ непріятель, который выстрѣлами заявляетъ о намѣреніи драться. Въмѣстѣ съ тѣмъ, начальнику походнаго штаба, полковнику Петрушевскому, приказано было выѣхать впередъ для осмотра впереди лежащей мѣстности. Войска стали строиться на всякій случай къ бою; въ правой цѣпи и въ авангардѣ завязалась небольшая перестрѣлка. Полковникъ Петрушевскій, выѣхавъ съ 30-ю казаками на версту впередъ, по дорогѣ, остановилъ казаковъ. Бухарцы, увидя небольшую кучку казаковъ, двинулись впередъ. Положеніе Петрушевскаго сдѣлалось затруднительнымъ, но въ это время къ нему подошли двѣ сотни казаковъ изъ авангарда, которые остановили наступленіе непріятели.

Когда пальба утихла, отъ партіи бухарцевъ отдѣлился новый посолъ, Сардаръ Нажмутдинъ-Ходжа, объявившій, что онъ привезъ условія мирнаго договора, скрѣпленныя печатью эмира. Планъ бухарцевъ состоялъ, какъ оказалось впоследствии, въ томъ, чтобы, затопивъ всю мѣстность между садами и Самаркандскими высотами, гдѣ расположены были ихъ войска, задержать нашъ отрядъ подольше подъ выстрѣлами своей многочисленной артиллеріи; но плотина, посредствомъ которой они предполагали поднять воду Зеравшана, не могла быть готова въ этотъ день, и потому бухарцы думали задержать насъ переговорами. На этотъ разъ оказалось, что условія, дѣйствительно, присланы, но написанныя на персидскомъ языкѣ, съ обиліемъ арабскихъ словъ, не могли быть переведены ни однимъ нашимъ переводчикомъ. Изъ того же, что умѣли прочесть, оказалось, что эмиръ прислалъ свои условія не совсѣмъ похожія на тѣ, которыя ему были предложены. Они были передѣланы въ томъ еще, что ему предложено было заключить условія мира съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ присланныхъ имъ условіяхъ говорилось, что эмиръ Музафаръ бухарскій заключаетъ условія съ императоромъ Александромъ II. Это служило новымъ доказательствомъ, что эмиръ считалъ себя еще настолько сильнымъ, чтобы не соглашаться на уступки, и велъ переговоры единственно съ цѣлію выиграть время, ибо форма и содержаніе «Условій» были ему посланы въ готовомъ видѣ для приложенія печати, и каждый пунктъ ихъ разъясненъ подробно и имъ понятъ, по его же увѣреніямъ. Понимая эту уловку, генералъ Кауфманъ приказалъ отряду двигаться впередъ до самаго Зеравшана. На просьбы Нажмутдинъ-Ходжи не двигаться далѣе и остановиться на мѣстѣ привала, командующій

войсками отвѣтилъ, что намъ не приходится ночевать въ садахъ, имѣя кругомъ со всѣхъ сторонъ многочисленнаго непріятеля. Посланникъ увѣрялъ, что войскъ нигдѣ нѣтъ, что бухарцы думаютъ лишь о мирѣ, и что люди, которыхъ мы видѣли, были любопытные изъ народа.

Только по выходѣ изъ садовъ, когда открылись предъ нами долина Зеравшана, высоты за рѣкою и сады города Самарканда, примыкавшіе къ высотамъ, мы увидали, что приготовлено было хитрыми бухарцами для нашей встрѣчи.

Позиція длиною 12 слишкомъ верстъ занята была непріателемъ. Она имѣла форму круга, съ отверстіемъ въ томъ мѣстѣ, куда выходила дорога изъ садовъ. Все остальное пространство, за исключеніемъ протоковъ рѣки, сплошь занято воинствомъ. Центръ позиціи тотчасъ за рѣкою составляли самаркандскія высоты, покрытыя снизу доверху бухарцами. Тутъ, казалось, собралось все вооруженное населеніе Бухарскаго ханства.

При первомъ взглядѣ на эту внушительную позицію обнаружилось, что ключемъ ея были высоты; на нихъ-то и слѣдовало устремить всѣ наши усилія. Ближайшій къ намъ лѣвый флангъ непріятеля медленно приближался къ дорогѣ, по которой дебушировали войска изъ узкаго дворика, образуемаго садами. Тотчасъ же полковникъ Штрандманъ, съ четырьмя сотнями казаковъ и четырьмя орудіями облегченной казачьей батареи и ракетною батареею, направленъ былъ вправо, чтобы отодвинуть непріятеля отъ дороги, дабы онъ не помѣшалъ безопасному движенію обоза, который получилъ приказаніе стянуться на полянѣ на правомъ берегу рѣки въ вагенбургъ. Было 11 часовъ дня, войска сдѣлали уже переходъ около 30 верстъ; день былъ очень жаркій.

Бухарцы открыли пальбу изъ 24-хъ орудій, разстановленныхъ по всей линіи ихъ расположенія, но видя, что снаряды ихъ не долетаютъ, вскорѣ совсѣмъ прекратили ее. Только два орудія, обстрѣливавшія переправу черезъ Зеравшанъ и стоявшія въ долинѣ ближе къ намъ, продолжали стрѣлять навѣсно ядрами, но не наносили намъ вреда.

Войска наши остановились между рукавами Зеравшана въ разстояніи полуторы версты отъ высотъ, занятыхъ бухарцами. Впереди разстилалось широкое каменистое ложе Зеравшана, пробѣгавшаго здѣсь множествомъ рукавовъ глубокихъ и быстрыхъ. За нимъ, какъ сказано, поднимались самаркандскія высоты, упиравшіяся высокоимъ отвѣснымъ обрывомъ въ лѣвый берегъ Зеравшана. На самой вершинѣ горы виднѣлась «муллушка» (часовня) чупанъ-ата, покровителя пастуховъ ¹⁾. Вдоль подошвы высотъ тянулася непре-

¹⁾ Чупанъ-ата значитъ отецъ чапанъ, святой чапанъ. Слово же чапанъ значитъ пастухъ.

рывная линія пѣшихъ сарбазовъ; на самой высотѣ видна была другая линія, и все сплошь было покрыто массами конницы съ бунчуками и значками. Въ Самаркандѣ вели три дороги, и всѣ онѣ обстрѣливались непріятельскою артиллеріею. Одна непріятельская батарея въ 12—14 орудій была расположена въ центрѣ и обстрѣливала большую дорогу, ведущую на высоты; другая въ 6 орудій стояла лѣвѣе и обстрѣливала переправу черезъ Зеравшанъ по дорогѣ, огибающей высоты съ сѣверной стороны; на правомъ флангѣ непріятеля стояла третья батарея тоже въ 6 орудій, для обстрѣливанія третьей дороги, продолжающей южнѣе двухъ первыхъ.

Когда нашъ авангардъ занялъ назначенное ему мѣсто, генералъ Кауфманъ объявилъ Нажмутдину-Ходжѣ, что если онъ желаетъ вести дальнѣйшіе переговоры о мирѣ и желаетъ избѣгнуть кровопролитія, то пусть пошлетъ сказать бекамъ, начальствующимъ надъ бухарскими войсками, чтобы они не позднѣе, какъ черезъ два часа, отвели свои войска назадъ и очистили высоты.

Нажмутдинъ-Ходжа, какъ бы согласившись съ этимъ, тотчасъ послалъ двухъ изъ своихъ приближенныхъ сообщить бекамъ волю нашего генерала, совершенно будто бы согласную съ видами эмира. Однако два часа приближались къ концу, а отвѣта не было. Отрядъ нашъ къ этому времени выстроился въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи съ резервомъ, раздѣленные на двѣ части, одна за правымъ, другая за лѣвымъ флангомъ линій, такъ что боевой порядокъ легко дѣлился на двѣ колонны: правую и лѣвую; обозъ подтянулся и сталъ устраиваться въ вагенбургъ. Командующій войсками далъ понять Нажмутдину-Ходжѣ, что онъ тотчасъ прикажетъ начать атаку.

Посланецъ униженно молилъ о пощадѣ, прося подождать еще нѣсколько времени, наконецъ попросилъ позволенія поѣхать самому къ бекамъ, давъ за нихъ слово черезъ часъ очистить высоты. Вѣроятно, онъ рассчитывалъ, что переправа черезъ рѣку, болото за рѣкою, сопротивленіе бухарцевъ и огонь артиллеріи задержатъ насъ до вечера, а тогда ночная атака растянутыхъ войскъ нашихъ, коихъ въ темнотѣ нельзя будетъ стянуть, устроить на незнакомой мѣстности,—довершить наше пораженіе.

Генералъ фонъ-Кауфманъ отпустилъ посланнаго, сказавъ, что онъ не начнетъ атаки и черезъ часъ, если увидитъ, что бухарскія войска начнутъ сходить съ высотъ по направленію къ городу; но оказалось, что посолъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы вырваться изъ нашихъ рукъ и выиграть еще сколько нибудь времени; тотчасъ по переправѣ его на ту сторону рѣки начались передвиженія бухарскихъ войскъ, и за четверть часа до окончанія даннаго срока загремѣла канонада и ружейная пальба.

Замаскированная деревьями и конницей батарея бухарцевъ вдругъ была раскрыта, и въ свиту командующаго войсками полетѣли ядра,

направляемія, какъ оказалось, вѣроломнымъ Нажмутдиномъ. Когда минута въ минуту окончился срокъ, данный бухарцамъ, генераль Кауфманъ словами «съ Богомъ» двинулъ войска впередъ.

Въ первой линіи шли шесть ротъ 5-го и 9-го линейныхъ баталіоновъ. На правомъ флангѣ, между ротами 9-го баталіона, слѣдовали два нарѣзныхъ и два батарейныхъ орудія; на лѣвомъ, между ротами 5-го баталіона, четыре батарейныхъ орудія. Резервъ праваго фланга составляли три роты 3-го баталіона, двѣ стрѣлковаго и рота авганцевъ, передавшихся намъ съ Искандеръ-ханомъ во главѣ еще до начала кампаніи. Резервъ лѣваго фланга—три роты 4-го баталіона и полурота саперъ, четыре сотни казаковъ съ 4-мя конными орудіями и ракетной батареей. Обозъ, устроенный въ формѣ 4-хъ угольнаго вагенбурга, охраняли 4 роты 6-го баталіона, два нарѣзныхъ, два батарейныхъ орудія и полсотни казаковъ.

Начальникъ дѣйствующаго отряда, генераль Головачевъ, лично повелъ войска праваго фланга по дорогѣ на высоты, что и привело его въ центръ непріятельскаго положенія на высотахъ.

Войска нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ полковника Абрамова, при коихъ находился и командующій войсками, двинулись на правый флангъ непріятельской позиціи.

Пройдя по грудъ въ водѣ рукава Зеравшана и потомъ по колѣна въ грязи топкихъ рисовыхъ полей, войска наши приблизились къ высотамъ; впереди колонна съ генераломъ Головачевымъ во главѣ, а за нею колонна Абрамова, которая, попавъ въ топкое болото и не желая отставать отъ товарищей, бросила затруднявшую ее артиллерию подъ прикрытіемъ кавалеріи. Вода набравшаяся въ сапоги, весьма затрудняла движеніе людей, но они скоро нашлись: стоило лечь на спину и поднять ноги вверхъ, пудовые сапоги дѣлались скороходами. Искандеръ-ханъ, рассказывая первыя впечатлѣнія, произведенныя на него новыми товарищами по оружію, потомъ передавалъ, что, увидавъ лежащихъ тамъ и сямъ солдатъ, онъ счелъ ихъ сначала просто трусами, но разглядѣвъ, въ чемъ дѣло, весьма радовался, что сомнѣніе его такъ скоро и забавно разъяснилось.

Пѣхота, одна, скоро прошла болота и тоже выбралась къ подножью горы въ то время, когда противъ Головачева только что открылся огонь.

Дружный крикъ «ура» обѣихъ колоннъ и стремительный ударъ въ штыки опрокинулъ линію сарбазовъ; все, что было на склонѣ горы, обратилось въ бѣгство.

24 орудія брошены на мѣстѣ. Солдаты, утомленные тяжелымъ 9-ти часовымъ переходомъ съ ночи и настоящею атакою, не переводя духа взбирались на высоты, но не могли догнать враговъ.

Съ вершинъ горъ открылись намъ живописныя развалины старинныхъ мечетей и медресе «священнаго города», «средоточія міра». Непріятельской арміи не было видно. Кавалерія, задержанная боло-

тами, не скоро подошла, къ тому же она была утомлена; пора было подумать объ общемъ отдыхѣ.

Только когда значки нашихъ войскъ уже развѣвались у мулушки Чупанъ-ата, можно было оглянуться назадъ и оцѣнить разомъ все, что перенесли войска наши въ этотъ дѣйствительно славный день 1-го мая 1868 года: подъемъ въ 2 часа ночи, выступленіе передъ разсвѣтомъ, переходъ въ тридцать верстъ, изъ коихъ большая часть вблизи появлявшагося, то тамъ то сямъ, въ закрытыхъ садами мѣстахъ непріятеля, слѣдовательно со всѣми военными предосторожностями, въ видѣ стрѣлковыхъ цѣпей съ резервами, и неизбѣжными при этомъ переходами черезъ арки, черезъ стѣны, окружающія сады, неизбѣжными остановками, возвращеніемъ цѣпей на единственную нашу дорогу съ мостами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣки глубоки и широки. Затѣмъ, послѣ 3-хъ-часового отдыха—переходъ черезъ глубокую и быструю рѣку, безъ брода, фронтомъ, гдѣ кому пришлось, при чемъ сила Зеравшана была столь велика, что одинъ зарядный ящикъ батарейной батареи былъ опрокинутъ водою съ тройкой лошадей кверху колесами, его вытащили уже впослѣдствіи. За рѣкою было топкое болото, а впереди масса непріятеля, много болѣе, чѣмъ въ десять разъ, превосходившая насъ числомъ. Всѣ эти препятствія можно было одолѣть сразу только такими войсками, какія приготовляетъ постоянная борьба съ природою, съ многочисленнымъ непріателемъ, при той мысли, которая если и не понимается сознательно всѣми, то чувствуется каждымъ, отъ солдата до главнаго начальника, что тутъ нѣтъ отступленія, есть только побѣда или гибель полная, безвыходная. Рѣшимость и энергія въ самой высшей степени проявленія человѣческой воли, вотъ что нужно было здѣсь для побѣды, кромѣ обученія и дисциплины войскъ.

Подведя итоги этого дня, командующій войсками узналъ, что потеря наша заключалась: убитыми 2 (одинъ офицеръ стрѣлковаго баталіона, Губинъ), ранеными 31 (въ томъ числѣ оберъ-офицеровъ 3), контуженными 7. Огонь непріятельской артиллеріи вывелъ у насъ изъ строя только 6 человѣкъ, ружейный же 30 человѣкъ.

Къ 9 часамъ вечера, когда знойный день смѣнила сырая и холодная ночь, усталый отрядъ расположился на ночлегъ, и такъ какъ обозъ съ своимъ прикрытіемъ нельзя было до конца боя тронуть съ мѣста, то онъ остался на мѣстѣ вагенбурга; при наступившихъ сумеркахъ переправа была бы затруднительна.

При неимѣніи палатокъ, людямъ пришлось спать на сырой травѣ, въ мокрыхъ рубашкахъ, подъ мокрыми шинелями.

Раненыхъ размѣстили кое-какъ въ сакляхъ, которыя, по счастію, нашлись въ ближайшихъ садахъ, но и раненыхъ пришлось укрывать также мокрыми шинелями.

Только мысль объ одержанной побѣдѣ поддерживала бодрость закаленныхъ воиновъ нашихъ; было за полночь; говоръ на бивуакѣ

не прекращался, пока усталость не взяла свое, каждый пріютился какъ могъ, закусивъ тѣмъ, что было съ собою,—съ мечтами о завтрашнемъ днѣ.

Все были убѣждены, что непріятель отступилъ въ городъ, для обороны котораго онъ, вѣроятно, и бережетъ свои силы.

Однако, на разсвѣтъ 2-го мая, къ генералу Кауфману явились старшіе представители духовенства и администраціи города Самарканда съ просьбою принять городъ подъ свое покровительство и затѣмъ въ подданство «Бѣлаго Царя». Каты-аминъ, глава аксакаловъ, объявилъ, что жители Самарканда, страдая отъ своеволія и тираніи бековъ и эмира, съ радостію ожидаютъ прихода русскихъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на своихъ избавителей, и что поэтому, когда разбитыя войска эмира направились въ городъ, жители заперли и не пустили ихъ, въ надеждѣ, что русскіе не дадутъ ихъ въ обиду. То же говорилъ и казы-келянъ (старшій судья), глава самаркандскаго духовенства.

Кауфманъ, выразивъ согласіе на принятіе Самарканда подъ покровительство русской власти, отправилъ часть депутаціи въ городъ съ приказаніемъ, чтобы духовенство, аксакалы и почетные люди изъ жителей Самарканда собрались впереди ближайшихъ городскихъ воротъ, для встрѣчи войскъ по русскому обычаю. Казы-келянъ и каты-аминъ были оставлены въ лагерѣ для сопровожденія отряда и указанія дороги черезъ сады въ городъ.

Часовъ въ 7 утра, изъ Самарканда прискакали два аксакала съ новою просьбою поспѣшить вступленіемъ въ городъ, такъ какъ къ полудню онъ можетъ быть занятъ 20-ю тысячами шахрисябцевъ, приблизившихся съ южной стороны къ городу.

Тотчасъ по сбору и менѣ чѣмъ черезъ полчаса, авангардъ, въ составѣ девяти ротъ 3-го, 9-го и стрѣлковаго баталіоновъ, четырехъ наръзныхъ орудій и сотни казаковъ, вытянулся по дорогѣ къ Самарканду; 5-й и 4-й баталіоны, батарейная батарея, казаки и конный дивизіонъ, подъ начальствомъ Абрамова, остались на высотахъ, до прибытія обоза.

Выйдя изъ садовъ, двѣ роты стрѣлковаго баталіона бѣглымъ шагомъ пробѣжали поляну, раздѣлявшую сады отъ города. Одна рота заняла ворота Шейхъ-Зинде, а другая прошла въ цитадель; роты эти привѣтствовали слѣдовавшаго за ними командующаго войсками громкимъ и дружнымъ «ура».

Аксакалы и старѣйшины священнаго города, стоявшіе по сторонамъ воротъ Шейхъ-Зинде, павъ ницъ, поднесли побѣдителю хлѣбъ-соль и повторили просьбу о принятіи города въ подданство Бѣлаго Царя.

Путь черезъ базаръ до цитадели кипѣлъ жителями, привѣтливо встрѣчавшими войска. У воротъ цитадели новое «ура» привѣтствовало вѣздъ русскаго полководца.

Между тѣмъ, на внутреннемъ дворѣ дворца (Кокъ-ташъ), у самаго трона Тамерлана, уже устроились роты 3-го линейнаго баталіона, подъ начальствомъ командира своего, подполковника Баранова; при появленіи командующаго войсками, роты взяли «на караулъ», затѣмъ «на молитву». Отслужили молебствіе и панихиду, и люди были распущены по квартирамъ. Начальство сосчитало трофеи: въ цитадели найдено еще два орудія, 3.747 ядеръ, 533 гранаты и бомбы, 218 зарядовъ, 101 пудъ пороху и 30.763 патрона.

Такимъ образомъ, черезъ двѣ недѣли послѣ начала сбора отряда противъ всего бухарскаго войска, городъ Самаркандъ, это «средоточіе міра», палъ предъ горстію русскихъ (числомъ до 3.000 штыковъ и сабель). Едва ли какая побѣда наша въ Азіи произвела такое сильное впечатлѣніе въ мусульманскомъ мірѣ, какъ паденіе Самарканды. Паденіемъ этимъ выказалось неизмѣримое превосходство нашего оружія, нашихъ войскъ надъ азіатскими полчищами, но въ особенности очевидна стала азіатскимъ владыкамъ наша нравственная сила, нашъ авторитетъ въ Азіи, довѣріе къ намъ мусульманскаго населенія.

Имущество жителей не было тронута, и черезъ нѣсколько дней пошла обычная жизнь въ городѣ, какъ будто никакой перемѣны съ ними не произошло. Весь самаркандскій районъ призналъ власть нашу, кромѣ крѣпости Чилека и обшернаго горнаго селенія Ургута, имѣвшаго своего бека, гордаго и независимаго, съ которымъ и бухарскіе эмиры всегда считались. Отрядъ, подъ начальствомъ полковника Штемпеля, былъ посланъ къ первому пункту, но крѣпость Чилекъ оказалась брошенною войсками, и верки ея разрушенными. Другой отрядъ подъ начальствомъ полковника Абрамова направленъ въ Ургутъ. Тутъ жители вооружились, и потому селеніе было взято съ боя; Гуссейнъ-бекъ, владѣтель его, бѣжалъ въ Шахрисябъ.

Между тѣмъ, эмиру сдѣлано было новое предложеніе о мирѣ, посланное съ двумя иранцами, обязавшимися доставить письмо въ Бухару. Одинъ изъ посланныхъ былъ зарѣзанъ въ Катты-курганѣ, а другой посаженъ въ яму. Чтобы побудить эмира быть сговорчивѣе, рѣшено было занять Катты-курганъ. Отрядъ подъ начальствомъ генерала Головачева, силою въ 14 ротъ, 8 орудій и 4 сотни казаковъ, съ двумя комплектами патроновъ и зарядовъ выступилъ 16-го мая изъ Самарканды.

18-го мая, занявъ городъ и крѣпость, откуда бѣжалъ бекъ съ 500 чел. гарнизона наканунѣ. Жители встрѣтили Головачева съ хлѣбомъ и солью. Эмиръ тотчасъ же выслалъ своихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. По прибытіи ихъ въ Катты-курганъ, командующій войсками предложилъ: уплатить 1 миллионъ тиллей (3.600,000) контрибуціи, съ тѣмъ, что занятые нами города въ эту кампанію будутъ эмиру возвращены; если же онъ не можетъ

уплатить такой суммы, хотя бы съ разсрочкою на 8 или на 10 лѣтъ, то эмиръ обязуется уплатить 120.000 тиллей (480.000 руб.), но занятые нами города останутся за нами. Въ обоихъ случаяхъ торговый трактатъ долженъ быть утвержденъ. Послы просили, сверхъ того, перемирія на 10 дней. Получивъ на это согласіе, одинъ изъ нихъ отправился въ Бухару, другой самъ пожелалъ остаться у насъ. Бухарцы и тутъ считали для себя не обязательнымъ выдерживать перемиріе и въ теченіе всего 10-ти-дневнаго срока постоянно тревожили наши войска, стоявшія лагеремъ подъ Катты-курганомъ. Мы же до такой степени строго соблюдали данное обѣщаніе, что, ограничиваясь отраженіемъ непріятельскихъ нападеній на отряды и удерживаясь отъ рекогносцировокъ, имѣли лишь смутное понятіе о мѣстѣ расположенія главныхъ бухарскихъ силъ.

Бухарцы, какъ оказалось впоследствии, вовсе и не думали заключать мира, и десяти-дневный срокъ перемирія употребили на сосредоточеніе своихъ силъ, на сношенія съ сосѣдями и на подготовленіе возстанія среди населенія занятой нами Міанкальской долины.

Съ 24-го мая катты-курганскій отрядъ ежедневно отбивалъ нѣсколько нападеній мелкихъ партій. 27-го, бухарцы предприняли усиленный поискъ въ нашу сторону, окончившійся, какъ всегда, неудачею. 29-го, нападеніе было повторено еще въ большихъ размѣрахъ, но также отбито. 31-го числа, въ Катты-курганъ прибылъ самъ генералъ-губернаторъ съ остальными нашими силами. Составъ отряда возросъ до 20 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ (1.700 штыковъ и 320 пашекъ), 14 орудій и 6 ракетныхъ станковъ; изъ нихъ двѣ роты при двухъ орудіяхъ поставлены гарнизономъ въ цитадель, остальные были готовы къ движенію.

Положеніе дѣлъ въ занятой нами части зеравшанской долины было не спокойное: жители киблаковъ на пути между Самаркандомъ и Катты-курганомъ оставили свои жилища и скрылись.

Аксакаловъ и казіевъ изъ киблаковъ долины нельзя было дотребоваться въ Самаркандъ; казіи, назначенный въ Ургутъ, возвратился въ Самаркандъ, объявивъ, что населеніе тамошнее не желаетъ имѣть его своимъ казіемъ; изъ штаба получено было извѣстіе, что шахрисябзскіе беки снаряжаютъ большую силу на помощь эмиру, и съ 20 тысячами воиновъ идутъ на Кара-тюбе къ Самарканду. Сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ 3-хъ ротъ изъ Катты-кургана въ Самаркандъ. До прибытія таковыхъ, всѣ войска, собранныя у Самарканда, не исключая и конвойной сборной сотни командующаго войсками, вошли въ составъ отряда, назначеннаго подъ начальствомъ полковника Абрамова встрѣтить шахрисябцевъ у Кара-тюбе. Въ Самаркандѣ, для охраны цитадели, оставался одинъ командующій войсками со своею свитою и съ 15-ю казаками, прибывшими изъ Яни-кургана съ почтою. Къ тому же—полный госпиталь боль-

ныхъ. Послѣднихъ было такъ много, что въ нѣкоторыхъ ротахъ считалось до 80 и 90 человѣкъ на лицо, въ сотняхъ 60 и 70 человѣкъ.

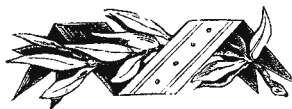
Возвратная горячка свирѣпствовала во всей силѣ. Число больныхъ дѣйствующаго отряда въ походныхъ лазаретахъ: Катты-курганскомъ, Самаркандскомъ и Яни-курганскомъ, и въ Джизакскомъ госпиталѣ, куда свозились больные по мѣрѣ возможности изъ Яни-курмана,—достигло 1.200 человѣкъ. Если присоединить къ этому такую же массу слабосильныхъ при войскахъ, которые не удалялись отъ своихъ частей, надѣясь при случаѣ сразиться съ непріателемъ, тогда только получится вѣрная картина положенія дѣлъ нашихъ къ концу мая 1868 года.

Изъ Ташкента и другихъ городовъ Сыръ-Дарьинской области пришлось взять на линію все, что было возможно, и потому полковникъ Абрамовъ получилъ приказаніе разбить шахрисябцевъ и, не теряя времени, возвратиться въ Самаркандъ, такъ какъ все указывало на необходимость немедленнаго движенія въ Катты-курганъ, для встрѣчи съ собранною передъ нимъ арміею эмира. Головачевъ держался хорошо, но атаковать непріателя съ шансами на успѣхъ онъ не могъ.

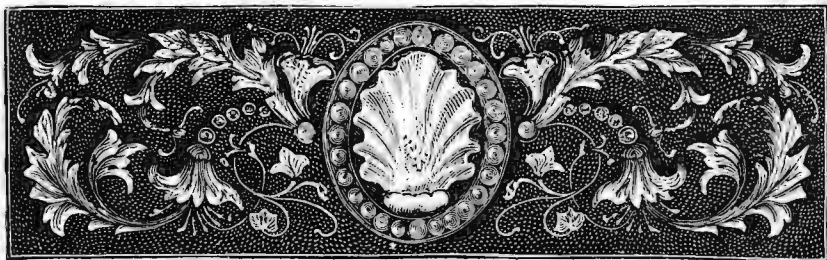
Полковникъ Абрамовъ, какъ всегда, исполнилъ приказаніе: разбилъ шахрисябцевъ, которые скрылись въ ущельяхъ, и возвратился къ Самарканду. На другой же день, отрядъ подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана выступилъ къ Катты-кургану, двигаясь съ привалами, но безъ большихъ остановокъ. Съ небольшимъ въ сутки сдѣланъ былъ переходъ, при жестокой жарѣ, по песчаной мѣстности съ огромнымъ обозомъ, въ 65 верстъ. Въ Самаркандѣ оставлены гарнизономъ 4 роты 6-го линейнаго баталіона и рота саперъ,—съ двумя батарейными орудіями съ запряжкою. Бухарская артиллерія, сколь возможно приведенная въ порядокъ, поставлена была на стѣнахъ.

П. М. К.

Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



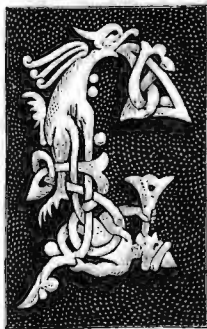




РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ ¹⁾.

Х.

Дѣло подъ Зерабулакомъ.



РОКЪ нашему перемирію оканчивался 1-го іюня. По всѣмъ признакамъ, непріятель долженъ былъ въ большихъ силахъ занимать позицію не вдалекѣ отъ Катты-Кургана; такъ говорили и лазутчики.

Въ два часа ночи на 2-е число, войска выступили изъ Катты-Кургана. Въ авангардъ назначенъ былъ полковникъ Пистолькорсъ съ четырьмя сотнями казаковъ, четырьмя ротами 3-го линейнаго и двумя стрѣлковаго баталіоновъ, при 4 орудіяхъ коннооблегченной казачьей батареи и 6 ракетныхъ станковъ (280 шапекъ и 790 штыковъ). Главныя силы, подъ начальствомъ полковника Абрамова, состояли изъ 4 ротъ 4-го баталіона, 3-хъ ротъ 5-го баталіона, роты авганцевъ, дивизіона батарейной и дивизіона нарѣзной батареи; всего съ авганцами 750 штыковъ и 8 орудій. Затѣмъ, въ аріергардъ, составлявшемъ прикрытіе довольно длиннаго обоза, заключавшаго въ себѣ на 10 дней провіанта и запасъ артиллерійскихъ принадлежностей, слѣдовалъ майоръ Тихменевъ съ 4 ротами 9-го ба-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 895.

«истор. вѣстн.», июль, 1899 г., т. LXXVII.

таліона, взводомъ батареіной батареи и сотней казаковъ, всего 420 штыковъ и 60 пашекъ. Дорога тянулась вдоль лѣваго берега большаго арыка Нурпоя.

Войска вытянулись и двинулись по дорогѣ передъ разсвѣтомъ. Когда разсвѣло, влѣво отъ дороги и параллельно ей обнаружилась непріятельская кавалерія, разсыпанная на протяженіи около 8—10 верстъ по длинѣ дороги до возвышенностей на горизонтѣ и въ глубину около полуверсты. Всадники эти гарцовали на дальній отъ насъ выстрѣлъ и кричали, возбуждая другъ друга, «уръ, уръ». Крикъ этотъ разливался по всему предстоявшему намъ пути и опять возвращался и снова удалялся. Стрѣлять по этимъ всадникамъ было не велѣно; войска шли по дорогѣ походнымъ порядкомъ. Какъ въ послѣдствіи оказалось, всадниковъ было до 20 тысячъ, подъ начальствомъ извѣстнаго Садыка. Когда авангардъ приблизился къ возвышеніямъ, онъ увидѣлъ непріятельскую армію влѣво отъ дороги, построенную въ порядкѣ. Полковникъ Пистолькорсъ прискакалъ къ генералу Кауфману, который ѣхалъ впереди колонны Абрамова, и поздравилъ его со встрѣчею съ главными силами эмира. Сарбазы въ красныхъ мундирахъ, числомъ, по словамъ самого эмира, до шести тысячъ человекъ, представляли длинный фронтъ у подошвы горы, тыломъ къ ней, почти параллельно нашей дорогѣ, шагахъ въ 500 отъ нея, съ тупымъ переломомъ по срединѣ. Надъ ними, позади, на крутомъ обрывѣ горы, стояло 14 орудій, которыя не замедлили открыть навѣсный и почти безвредный огонь. По осмотрѣ непріятельской дороги, рѣшено было атаковать непріятеля двумя готовыми колоннами: Пистолькорсу, немедленно съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ,—лѣвую половину сарбазовъ; Абрамову, обстрѣлявъ непріятельскую позицію батареями и наръзными 4-хъ фунтовыми орудіями, двинуться въ атаку только тогда, когда данъ будетъ сигналъ отъ главнаго начальства. Сигналъ этотъ командующій войсками рѣшилъ дать послѣ движенія въ атаку Пистолькорса. Это было сдѣлано съ тѣмъ расчетомъ, чтобы не торопить отступление непріятеля, а, напротивъ, заставить его принять бой на этой позиціи. Необходимо было, во что бы то ни стало, здѣсь разбить непріятеля на голову, дабы онъ не отвлекъ насъ далеко отъ Самарканда. Отступление же, подобное тому бѣгству, въ которое непріятель обратился, при атакѣ нашей самаркандскихъ высотъ 1-го мая, затянуло бы кампанію и связало бы руки главному начальнику; между тѣмъ, присутствіе его съ войсками въ Самаркандѣ, какъ видно будетъ ниже, было необходимо.

Дивизіонъ Оренбургской казачьей батареи, подъ командою есаула Топорнина, выскочилъ, по приказанію Пистолькорса, на позицію, снялся съ передковъ въ 300 шагахъ отъ фронта сарбазовъ и, выпустивъ гранаты, коими были заряжены его орудія, обстрѣлялъ фронтъ картечью, стрѣляя по огню. Топорнинъ сдѣлалъ восемь

очередей картечью; сарбазы отвѣчали неумолкаемымъ живымъ огнемъ, не трогаясь съ мѣста; послѣ ужасной потери въ людяхъ, заднія шеренги сарбазовъ стали стрѣлять прямо вверхъ вертикально. Это было вѣрнымъ признакомъ паники, и потому времени терять было нечего. Данъ былъ сигналъ къ атакѣ колоннѣ Абрамова, къ правому флангу которой присоединился самъ генералъ Кауфманъ со свитою и сборною сотнею казаковъ. Роты авангарда стрѣлковаго баталіона и 3-го линейнаго, подъ командою полковниковъ Пищечука и Баранова, лежавшія у орудій подъ огнемъ сарбазовъ, вскочили на ноги и съ крикомъ «ура» бросились на непріятеля; двинуты были также и казаки; артиллерія, сдѣлавъ свое дѣло, взяла на передки. Главныя силы—5-й и 4-й баталіонъ и дивизіоны батарейный и нарѣзной, съ генераломъ Головачевымъ и полковникомъ Абрамовымъ во главѣ, двинулись на правую половину сарбазовъ. Пятый баталіонъ, составлявшій нашъ лѣвый флангъ, былъ атакованъ бухарскою кавалеріею, которая въ то же время бросилась на раненыхъ, тянувшихъ къ перевязочному пункту; нѣсколько человѣкъ было порублено. Майоръ Гриппенбергъ, перемѣнивъ быстро фронтъ, огнемъ и штыкомъ отбилъ конницу, а затѣмъ снова повернулъ впередъ. Не разъ, однако, пришлось 5 баталіону мѣнять фронтъ. Атаки неутомимой конницы останавливали баталіонъ; между тѣмъ сарбазы уже отступали. Непріятельская артиллерія, при первомъ нашемъ движеніи впередъ, снялась съ позиціи. Дивизіонъ батарейныхъ орудій, подъ начальствомъ полковника Михаловскаго, немало помогъ 5 баталіону отдѣлаться отъ конницы; тѣмъ не менѣе уронъ этого баталіона оказался въ 17 раненыхъ, изъ коихъ 12 холоднымъ оружіемъ.

Опрокинувъ сарбазовъ, стоявшихъ передъ 4 баталіономъ, генералъ Головачевъ и полковникъ Абрамовъ двинулись за ними прямо впередъ. Остальные сарбазы, большая часть правой половины ихъ фронта, направились направо назадъ; за этою частью Кауфманъ повелъ лично 5 баталіонъ и дивизіонъ батарейный и нарѣзной. Ожесточенное преслѣдованіе со всѣхъ сторонъ продолжалось верстъ на восемь. Страшная масса труповъ покрыла поля на значительное разстояніе. Вся степь впереди пестрѣла красными куртками лежавшихъ сарбазовъ; кое-гдѣ мелькали значки одурѣвшей отъ неудачи непріятельской конницы.

Много значковъ было подобрано казаками; найдено также на дорогѣ брошенное бухарцами орудіе, и захваченъ артиллерійскій транспортъ въ 40 вьючныхъ ящиковъ съ зарядами.

Дѣло было сдѣлано—разбитый непріятель отброшенъ отъ Нурпая и потянулся въ безводную степь. Преслѣдованіе было остановлено, и войска двинулись къ мосту черезъ Нурпай у Казы-Кишлака, куда еще раньше генералъ Головачевъ послалъ пѣхоту авангарда. Осмотрѣвъ поле сраженіе и забравъ съ собою бухарскіе значки,

генераль Кауфманъ поѣхалъ назадъ къ аррьергарду, прикрывавшему обозъ. Еще до начала дѣла, толпы бухарской конницы, двигавшіяся параллельно съ нами, пытались овладѣть обозомъ, но майоръ Тихменевъ, командовавшій аррьергардомъ, воспользовался высокимъ курганомъ влѣво отъ дороги, послалъ туда роту пѣхоты, которая, покрывъ всю горку застрѣльщиками, удержала непріятеля на разстояніи дальности ружейнаго выстрѣла. Но зоркость Тихменевскихъ стрѣлковъ едва не вовлекла ихъ и въ бѣду. По окончаніи боя, видя приближеніе конной партіи съ множествомъ разноцвѣтныхъ значковъ, рота за пылью приняла ее за непріятельскую, открыла огонь и осыпала пулями свиту генераль-губернатора.

Только когда полковникъ Абрамовъ и нѣкоторые изъ офицеровъ пустились вскачь по направленію къ стрѣлявшей ротѣ, послѣдняя замѣтила свою ошибку и прекратила огонь. При этомъ произошелъ забавный эпизодъ.

Генераль Кауфманъ, подѣхавъ къ ротѣ, поблагодарилъ ее за мѣткую стрѣльбу: «Спасибо, братцы, славно стрѣляете, чуть, чуть меня не подстрѣлили». «Рады стараться, ваше пр-ство!» — гаркнули молодцы, отвѣчая, конечно, на первую половину словъ своего любимаго начальника.

Инцидентъ этотъ былъ исчерпанъ замѣчаніемъ ротному за открытіе стрѣльбы на слишкомъ далекое разстояніе.

Къ десяти часамъ утра непріятеля не было видно нигдѣ.

Впослѣдствіи стало извѣстно, какимъ лишеніямъ подверглись отступавшіе: воды въ колодцахъ Кара-Кудукъ, куда бросились бухарцы, оказалось мало, да и ту выпили, обогнавшіе пѣшихъ, конные, а смертельная жара, въ связи съ истомленіемъ отъ скорого движенія и множествомъ раненыхъ, возбуждала неистовую жажду. Много легло здѣсь несчастныхъ бухарскихъ солдатъ—вся степь у колодца бѣдѣла костями! Не говоря о потеряхъ непріятельской конницы, одни сарбазы, по словамъ самого эмира, потеряли 4.900 человекъ въ этотъ страшный для нихъ день. Сила Бухары была сломлена, ей не съ чѣмъ было продолжать войну. Эмиръ, получивъ извѣстіе о Зерабулакскомъ побоищѣ, прислалъ просить мира и повергалъ свое царство къ ногамъ великаго государя. Приношеніе не принято, но миръ заключенъ въ Самаркандѣ 23-го іюня 1868 г. Самаркандъ и Катты-Курганъ съ ихъ районами остались за нами; эмиръ приложилъ наконецъ печать къ знаменитымъ «условіямъ», надѣлавшимъ ему столько бѣдъ, и обязался уплатить 500 т. р. контрибуціи, покрывшей всѣ расходы наши на веденіе войны съ Бухарою съ 1866 года.

На другой день послѣ боя, т. е. 3-го іюня, предпринята была рекогносцировка высотъ Зератау. Непріятеля не было видно съ высотъ этихъ на 30 верстъ во всѣ стороны. Вечеромъ того же дня получено первое извѣстіе о какихъ-то безпорядкахъ въ Самаркандѣ

и о прибытіи шахрисябцевъ. Такъ какъ отъ коменданта не было получено ни одного донесенія, то явилось предположеніе, что слухъ, сообщенный лазутчикомъ, ложенъ. 4-го іюня, отрядъ перешелъ въ Катты-Курганъ; 5-го, устроенъ гарнизонъ Катты-Курганскій, для чего оставленъ тамъ 5-ый баталіонъ весьма слабаго состава, не болѣе 300 человѣкъ здоровыхъ и два орудія. 6-го, войска выступили къ Самарканду и только 7-го числа на привалѣ, въ 18 верстахъ отъ Самарканда, получено было первое донесеніе коменданта о критическомъ положеніи цитадели. Отрядъ остановился на ночлегъ въ 6-ти верстахъ отъ города и на разсвѣтъ 8-го числа двинулся на выручку храбраго гарнизона самаркандской цитадели.

Съ выступленіемъ 30-го мая генералъ-губернатора къ Катты-Кургану, мусульманское духовенство начало волновать народъ и разослало прокламаціи о сборѣ всѣхъ вѣрныхъ къ Самарканду. Черезъ два дня здѣсь было уже до 65.000 всякаго сброду. Въ цитадели оставалось только 4 роты 6-го баталіона, рота саперъ, два батареинныхъ орудія и лабораторная команда. Всей пѣхоты съ нестроевыми 9-го баталіона и слабыми изъ лазарета можно было набрать 658 штыковъ. Комендантомъ былъ назначенъ командиръ 6-го баталіона майоръ фонъ-Штемпель, управленіе мѣстнымъ населеніемъ возложено на войскового старшину Сѣрова, инженерныя работы поручены были штабсъ-капитану Богаевскому, артиллерійская часть — капитану Михневичу. Кромѣ этихъ лицъ, непосредственное участіе въ оборонѣ принимали еще: командиръ 9-го баталіона полковникъ Назаровъ (оставшійся въ Самаркандѣ за болѣзнію) и художникъ прапорщикъ Верещагинъ.

Хотя въ цитадели имѣлось 24 бухарскихъ орудій, годными оказалось только 4. Патроновъ имѣлось 200.000, не считая комплекта на рукахъ. Пороху 90 пудъ; боевыхъ ракетъ 95. Снаряжено было 150 бухарскихъ полупудовыхъ гранатъ, замѣнявшихъ ручныя при оборонѣ стѣнъ. Муки и крупы имѣлось на 2 мѣсяца. Мясa по обложеніи цитадели достало на два дня. Вода получалась изъ городского водопровода и изъ родника у сѣверной стѣны. Обширная самаркандская цитадель была, конечно, слишкомъ велика для такого гарнизона; хотя стѣны ея и построены на крутомъ уступѣ горы, въ большей части своей длины не приступны, но и эти мѣста требовали охраны, а доступныхъ, разрушенныхъ и полуразрушенныхъ стѣнъ все же было много для слабаго гарнизона, въ особенности при многочисленномъ непріятелѣ, который, смѣняясь, атакował его въ теченіе 7 дней непрерывно день и ночь и со всѣхъ сторонъ.

XI.

Защита Самаркандской цитадели.

Чтобы вполне оцѣнить то положеніе, въ какомъ находился самаркандскій гарнизонъ во время этого столь доблестнаго для нашего оружія эпизода, необходимо познакомиться съ тѣмъ жалкимъ состояніемъ, въ какомъ находилась цитадель до обороны и во время оной.

Городская стѣна, отдѣляющая самый городъ отъ предмѣстій и садовъ, сложена еще въ древнѣйшія времена изъ большихъ комковъ глины и достигаетъ въ вышину отъ 3 до 4 сажень, окружая неправильнымъ многоугольникомъ весь городъ. Простоявъ цѣлые вѣка безъ ремонта, полуразвалившаяся отъ времени, стѣна эта могла служить развѣ только ширмою, а никакъ не оградой. Къ сѣверо-западной стѣнѣ города примкнута цитадель, съ такою же, находящеюся также въ весьма ветхомъ состояніи стѣною. Въ цитадель ведутъ двое воротъ: Бухарскія по дорогѣ въ Бухару и Самаркандскія (акъ-дерваза) къ базарамъ города. Кромѣ того, на сѣверѣ имѣлась калитка, выходившая къ роднику.

Цитадель стоитъ на бугрѣ, которымъ, впрочемъ, командуютъ всѣ высокія зданія города, такъ что съ крышъ мечетей, медресе и нѣкоторыхъ домовъ, стоящихъ также на буграхъ,—внутренность цитадели видна была, какъ на ладони, чему, въ особенности, способствовало и то, что часть стѣны, обращенной къ городу (у Самаркандскихъ воротъ), спустившись къ оврагу, обнажила почти весь бугоръ цитадели. Цитадельная стѣна не имѣла рва, роль котораго игралъ глубокій оврагъ, окружавшій цитадель со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ нѣкоторой части южной стѣны. Оврагъ не вездѣ подходилъ вплоть къ стѣнѣ, и здѣсь оставалась широкая берма, на которой размѣстились кое-гдѣ лавчонки бѣдняковъ.

Судя по начертанію въ планѣ, можно было бы предполагать, что цитадельная стѣна, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, имѣла кое-какую фланговую оборону; на самомъ же дѣлѣ, это было совершенно немыслимо, такъ какъ во фланкирующихъ частяхъ стѣны не только не было присыпано барбетовъ для орудій, но даже не было банкета, не было пробито и бойницъ для ружейной стрѣльбы. Сакли и лавки, примыкавшія къ самой стѣнѣ (въ промежуткѣ между Бухарскими и Самаркандскими воротами) и представлявшія непріятелю готовую галерею для дѣланія проломовъ, а крышами своими—готовую ступень для влѣзанія на стѣну, также не были уничтожены. Если прибавить къ этому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна имѣла трещины и обвалы, то можно считать картину состоянія цитадели достаточно обрисованною. Исправить всѣ

эти недостатки и привести верки цитадели въ надлежащій видъ не было въ то время никакой возможности: во-первыхъ, вслѣдствіе несоразмѣрности работъ съ силами, коими можно было для этого располагать; во-вторыхъ, въ это время шли непрерывные дожди, при которыхъ всякая глиняная и земляная работа невозможна, а жженого кирпича, известки и камня не было; кромѣ того, въ войскахъ въ это время свирѣпствовала возвратная горячка, было много больныхъ, а между тѣмъ необходимо было сберечь силы людей для предстоящихъ дѣйствій. Несоразмѣрность длины линіи огня (2¹/₂ версты) съ численностью гарнизона также немало затрудняла обору. Но больше войскъ нельзя было отдѣлить для этого отъ дѣйствующаго отряда. Несмотря, однако, на такія тяжелыя условія, защита Самарканда даже отъ многочисленнаго непріятеля не была невозможна, и потому 30-го мая приступлено было къ работамъ по исправленію верковъ; начато съ обрытія эскарповой отлогости оврага около кладбища, лѣвѣе Самаркандскихъ воротъ, гдѣ иначе представлялась полная возможность для эскалады; затѣмъ на кладбищѣ насыпаны были два барбета, для обстрѣливанія длинныхъ фасовъ стѣнъ и входа въ Самаркандскія ворота. Въ продолженіе дня отлогость оврага была обрыта на нѣсколько сажень и одинъ барбетъ насыпанъ до половины высоты.

На другой день къ этимъ работамъ присоединилась расчистка родника и арыковъ въ цитадели для проведенія воды во всѣ пруды ея. Но въ тотъ же день между жителями города уже стало замѣтно волненіе. Евреи, жившіе въ городѣ, развѣдали коварные замыслы населенія и къ вечеру заявили о заговорѣ, прося позволенія перейти въ цитадель, въ случаѣ нападенія.

Рано утромъ, 1-го іюня, войска опять были выведены на работы, но уже съ ружьями. Вскорѣ затѣмъ, аскакалы сообщили коменданту, что купцы затворяютъ лавки, а жители удаляются изъ города изъ опасенія шахрисабцевъ, подступившихъ уже въ большомъ числѣ со стороны Хаджи-арарскихъ воротъ. Посланный туда майоръ Альбедиль, съ ротою пѣхоты, нашелъ ворота отпертыми, а жители увѣряли его, что шахрисабцевъ здѣсь никакихъ нѣтъ и не было. Часовъ въ 10 утра можно было замѣтить, что и съ противоположной этимъ воротамъ стороны, на горѣ Чапанъ-ата, начали появляться пѣшія и конныя скопища. Число ихъ быстро увеличивалось, и въ полдень весь видимый изъ цитадели скатъ горы былъ покрытъ непріателемъ. Видно было также, что цѣлыя семейства горожанъ удалялись со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ изъ города. Что происходило съ другихъ сторонъ цитадели, рассмотреть было трудно за окружающими ее садами и городскими стѣнами, но сомнѣваться болѣе въ грозившемъ нападеніи было нельзя. Въ этотъ же день, вечеромъ, множество евреевъ явились къ коменданту и убѣдительно просили его дать имъ мѣсто въ цитадели.

Получивъ согласіе, они перевезли въ цитадель своихъ женъ, дѣтей и имущество.

Со 2-го числа работъ уже не производилось: опасность была близка, и слѣдовало поберечь силы гарнизона. Гарнизонъ успѣлъ только насыпать два барбета около кладбища, начать барбетъ въ исходящемъ углу за сарбазскимъ дворомъ и обрѣть оврагъ отъ кладбища до родника. Все прочее должно было остаться въ прежнемъ положеніи. Вечеромъ 1-го числа, за вечерней зарей, пущена была, по распоряженію коменданта, ракета и произведенъ пушечный выстрѣлъ со снарядами: цитадель салютовала непріятелю и вызывала его на бой.

Съ разсвѣтомъ 2-го іюня, аксакалы города явились къ коменданту съ донесеніемъ, что шахрисябцы подошли къ Хаджи-арарскимъ воротамъ города и хотятъ ворваться въ него, но что жители просятъ выслать часть войска для ихъ защиты. Майоръ Штемпель, взявъ съ собою роту саперъ, роту линейнаго баталіона и одно батарейное орудіе, выступилъ тотчасъ же изъ цитадели къ названнымъ воротамъ, за которыми онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами. Наша цѣпь также открыла огонь, но весьма рѣдкій, такъ какъ за деревьями садовъ и на пересѣченной оврагомъ мѣстности трудно было разсмотрѣть непріятеля. Замѣтно было, однако, что большая часть скопищъ находится вправо отъ воротъ, а между тѣмъ аксакалы просили не стрѣлять именно вправо, увѣряя, что въ этой сторонѣ находятся самаркандцы, не принимающіе участія въ дѣлѣ. Было очевидно, что сами аксакалы насъ обманываютъ: ибо по этому-то направленію и двигались главныя массы непріятеля, имѣвшія цѣлю отрѣзать выступившій за ворота нашъ отрядъ. Штемпель поспѣшилъ возвратиться въ цитадель и заперъ за собою ворота. На улицахъ замѣтны были уже вооруженные сарты, а при входѣ въ цитадельныя ворота надъ головами солдатъ пролетѣло нѣсколько каменьева. Въ то же время, непріятель, со всѣхъ сторонъ, ворвался въ городъ и быстро распространился по улицамъ съ дикими криками, барабаннымъ боемъ и ревомъ длинныхъ трубъ.

Толпы непріятеля, вошедшаго въ городъ, совмѣстно съ жителями, приближались со всѣхъ сторонъ къ цитадели, съ явнымъ намѣреніемъ въ нее ворваться.

Караулъ въ цитадели, въ это время, занимала стрѣлковая рота 6-го баталіона. По тревогѣ, войска заняли указанныя имъ заранее мѣста, а именно: 1-я рота выслала часть людей на подкрѣпленіе къ воротамъ, слабые 5-го баталіона и взводъ 3-й роты заняли кладбище у мечети, лѣвѣе Самаркандскихъ воротъ; 2-я рота за сарбазскимъ дворомъ, держа взводъ въ резервѣ у калитки; саперная рота на исходящемъ углу между Бухарскими и Самаркандскими воротами; обозные (фурштаты) и другіе нестроевые съ нѣсколькими конными казаками заняли западную часть стѣны, какъ менѣе доступную.

Затѣмъ остальная часть первой роты, взводъ 3-й роты и слабые 9-го батальона стали въ резервъ у госпиталя. Одно батарейное орудіе расположено на кладбищѣ у муллушки, а другое отправлено къ Бухарскимъ воротамъ.

Прежде всего, непріятель рѣшился атаковать часть стѣны, прилегавшей къ кладбищу, открывъ предварительно сильную стрѣльбу изъ ружей. Поставленное здѣсь батарейное орудіе осыпало толпы нападавшихъ картечью, какъ только они выходили изъ улицы на берегъ оврага. Слабый огонь нашъ не въ силахъ былъ, однако, остановить непріятеля, и онъ, перебравшись черезъ оврагъ огромною толпою, съ неистовыми гиками, бросился штурмовать стѣну, цѣпляясь за нее желѣзными копками ¹⁾ и ружьями.

Другая часть непріятеля покровительствовала штурму огнемъ съ противоположнаго берега оврага черезъ бойницы, продѣланныя въ глиняныхъ стѣнахъ сакель. На кладбищѣ стояло два бухарскихъ орудій и одна батарейная пушка; здѣсь командовалъ подпоручикъ Лепехинъ. Огонь изъ орудій и ружей, а также и круто обрытый берегъ оврага помѣшали успѣху штурма; сарты бросились тогда къ Самаркандскимъ воротамъ, но, отброшенные и здѣсь, засѣли въ сакли, осыпая батарею и войска градомъ пуль. Прислуга у орудій и стрѣлки стали убывать; огонь нашъ ослабѣлъ. Тогда новыя толпы отчаянныхъ опять двинулись къ кладбищу. Нѣкоторые смѣльчаки взобрались уже на верхъ. Храбрый Лепехинъ самъ сталъ заряжать орудія и ободрять солдатъ, стоя подъ убійственнымъ огнемъ. Благодаря его энергіи и распорядительности, а также мужеству другихъ офицеровъ и солдатъ, штурмъ былъ отбитъ; но это обошлось намъ не дешево: подпоручикъ Лепехинъ былъ убитъ, прапорщикъ Адорацкій тяжело раненъ, интендантскій чиновникъ Ивановъ убитъ, приказчикъ Самаринъ, поступившій волонтеромъ, и нѣсколько нижнихъ чиновъ получили также тяжелыя раны. Легкія раны за все время осады были вообще рѣдкостью: непріятель могъ попадать только въ голову и грудь, когда человѣкъ показывался между зубцами. Это обстоятельство (т. е. раны преимущественно головныя) дало нѣкоторымъ поводъ восхвалять мѣткость шахрисябскихъ стрѣлковъ. Но если принять въ соображеніе, что въ каждаго русскаго, показавшагося между зубцами, тотчасъ летѣли сотни пуль и еще съ разстоянія въ нѣсколько шаговъ (изъ ближайшихъ сакель), и что, кромѣ лба, не во что было попасть, то мѣткость непріятельской стрѣльбы дѣлается понятною.

Въ то время, когда часть непріятеля штурмовала цитадель около кладбища, остальные массы непріятеля успѣли уже распространиться по всему городу и стать подъ самой стѣной цитадели. Чтобы защи-

¹⁾ Лапы съ когтями, которыя привязываются къ рукамъ и ногамъ. Съ такимъ приспособленіемъ легко взбираться по глинянымъ стѣнамъ, гдѣ всегда есть трещины.

титъ хотя важнѣйшіе пункты ея, при бухарскихъ и самаркандскихъ воротахъ, было расположено почти по двѣ роты; на каждый же изъ остальныхъ проломовъ въ стѣнахъ пришлось назначить только по 10-ти или 15-ти человѣкъ.

Самаркандскія ворота были атакованы, какъ сказано, почти одновременно съ кладбищемъ. Правѣе воротъ сакли примыкали къ самой цитадельной стѣнѣ и немедленно были заняты непріателемъ, который, воспользовавшись ими, скрытно приблизился къ самымъ воротамъ и часу во второмъ поджегъ ихъ пуками соломѣ и нѣсколькими мѣшками съ порохомъ. Но здѣсь караулили 30 человѣкъ 6-го батальона, подъ начальствомъ прапорщика Мамина. Отстрѣливаясь черезъ бойницы и затѣмъ сбѣгая внизъ, чтобы штыками встрѣчать врывавшихся черезъ горѣвшія ворота враговъ, люди, конечно, едва успѣвали. Тутъ кстати прибѣжалъ прапорщикъ Сидоровъ со вводомъ 3-й роты; онъ помогъ отбить штурмъ и затѣмъ бросился бѣгомъ къ другимъ воротамъ—Бухарскимъ. Непріатель послѣ этого не рѣшился даже подходить къ воротамъ для уборки своихъ убитыхъ и тяжело раненыхъ. Скоро, въ подкрѣпленіе къ Мамину, прибылъ капитанъ Шеметилло съ резервомъ 1-й роты и остался тутъ до самаго конца защиты цитадели. Къ вечеру сюда привезено было батарейное орудіе, снятое съ барбета на кладбищѣ, и поставлено противъ затушенныхъ уже воротъ. Едва были окончены эти передвиженія, какъ непріатель возобновилъ свои нападенія на этотъ пунктъ. Приступъ слѣдовалъ за приступомъ; но, благодаря удачному дѣйствію картечи привезеннаго орудія, непріательскія толпы видимо рѣдѣли и теряли охоту повторять приступы. Ночь прошла спокойно; непріатель ограничился одною перестрѣлкой и тѣмъ далъ возможность хоть сколько нибудь отдохнуть донельзя истомившемуся гарнизону.

Калитна за сарбазскимъ дворомъ къ роднику и вся сѣверная часть стѣны были заняты второю ротою 6-го батальона, подъ начальствомъ поручика Хрущова; атаки непріателя и здѣсь не имѣли успѣха, благодаря въ особенности мортирѣ и ручнымъ гранатамъ. Исходящій уголъ ограда, между бухарскими и самаркандскими воротами, гдѣ также былъ провалъ, оберегался ротою саперъ. Стѣна въ этомъ мѣстѣ достигала 5 сажень высоты, и потому, не имѣя возможности взобраться на стѣну, непріатель рѣшился обрушить ее, подкопавъ снизу. Едва наши саперы появлялись на стѣнѣ, куда съ трудомъ взбирались для стрѣльбы по работавшимъ внизу сартамъ, какъ уже валились оттуда убитые наповалъ или смертельно раненые, но это не останавливало нашихъ удалцовъ, и, такимъ образомъ, потери наши все росли.

Около полудня на этотъ пунктъ прибыло подкрѣпленіе изъ слабыхъ 9-го батальона, подъ командою подполковника Назарова.

Между тѣмъ, непріательскіе рабочіе, углубляясь въ стѣну галерей, совершенно закрылись отъ боковыхъ выстрѣловъ. Какъ ни

усердно работаль однако непріятель, но въ этотъ день ему не удалось достигнуть здѣсь никакихъ рѣшительныхъ результатовъ.

Къ вечеру рота саперъ и люди 9-го батальона перешли къ Бухарскимъ воротамъ, гдѣ въ нихъ настояла крайняя необходимость. Тамъ стояло 66 человѣкъ съ прапорщиками Аничковымъ и Топчевскимъ, при нихъ былъ одинъ артиллеристъ съ гранатами. Оборону завѣдывалъ майоръ Альбедиль.

Ворота эти были тотчасъ же затворены, какъ только майоръ Штемпель успѣлъ вернуться въ цитадель, послѣ предпринятой имъ рекогносцировки; слѣдомъ за нимъ, подошли къ этому пункту и шахри-сябцы. Громадная толпа съ криками «уръ, уръ!» яростно бросилась на ворота и начала ломать ихъ. Другая толпа пыталась перелѣзть черезъ стѣну, взбираясь на нее по саклямъ. Это удалось непріятелю съ перваго же разу: значки его застрѣли на стѣнахъ цитадели, и градъ пуль осыпалъ горсть нашихъ защитниковъ; но они отвѣтили дружнымъ и мѣткимъ залпомъ, свалившимъ со стѣны многихъ смѣльчаковъ, побросавшихъ и свои значки. Испытавъ такую же неудачу и въ послѣдующихъ нападеніяхъ, непріятель рѣшился, наконецъ, зажечь Бухарскія ворота: нѣсколько брошенныхъ мѣшковъ съ порохомъ подъ полотно воротъ безъ труда зажгли ихъ. Приближалась рѣшительная минута. Мы уже потеряли здѣсь значительное число людей; между прочими, былъ тяжело раненъ и майоръ Альбедиль; старшимъ остался прапорщикъ Аничковъ, къ которому на помощь присланъ былъ прапорщикъ Сидоровъ, со своимъ взводомъ, только что участвовавшимъ въ дѣлѣ у самаркандскихъ воротъ. При такой критической обстановкѣ трудно было вполнѣ положиться на опытность молодого офицера, а потому къ вечеру того же дня на этотъ пунктъ были передвинуты саперы и слабые 9-го батальона, подъ начальствомъ Назарова. Тогда же прибыло сюда и батарейное орудіе.

Назаровъ засталъ Бухарскія ворота въ полномъ огнѣ. Пламя захватило уже потолокъ, а горячіе уголья, передетая на камышевые крыши саклей цитадели, угрожали пожаромъ. Вода была далеко, да и приносить ее было не въ чемъ и некому. Чтобы ввести въ дѣло привезенное орудіе, Назаровъ велѣлъ сдѣлать первый выстрѣлъ сквозь горѣвшія ворота, чѣмъ и высадилъ всю середину ихъ, но такъ какъ остатки продолжали горѣть и мѣшали устроить здѣсь загражденіе, то человѣка четыре саперъ вызвались снять полотно воротъ съ петель. Нельзя было не дивиться этому по истинѣ молодецкому подвигу; осыпанные градомъ пуль, охваченные пламенемъ, охотники все-таки успѣли снять ворота и бросить ихъ на землю, гдѣ уже легко было бы затушить огонь землею, но пламя, намъ уже неопасное, удерживало непріятеля отъ попытокъ ворваться въ ворота, и потому тушить огонь намъ не было расчета. Для орудія открылась, такимъ образомъ, широкая амбразура, но оказалось, что изъ орудія можно было стрѣлять только прямо противъ

воротъ, и что непріятель могъ безнаказанно собираться въ обѣихъ боковыхъ улицахъ. Между тѣмъ, съ часу на часъ, огонь непріятеля становился все сильнѣе и убійственнѣе; люди валились одинъ за другимъ... Тогда саперный поручикъ Черкасовъ предложилъ устроить въ воротахъ заваль, чтобы прикрыть оставшихся еще защитниковъ и дать возможность подвести орудіе ближе въ передней части воротъ и такимъ образомъ, хотя немного, увеличить уголъ обстрѣла. Изъ провіантскаго склада были принесены для этого большіе мѣшки; землю же пришлось брать изъ сакель, разрывая земляные полы, которые легче поддавались киркѣ, чѣмъ сухая и твердая, какъ камень, глина улицъ.

Черкасовъ, окруженный нѣсколькими саперами, вышелъ почти за ворота и, указавъ мѣсто, къ которому нужно было подносить мѣшки, оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока заваль не былъ оконченъ.

Западная часть стѣны по трудной доступности ея вовсе не подвергалась въ этотъ день нападеніямъ.

Такъ прошелъ первый день осады, стоившій намъ большихъ потерь: убито 2 офицера и 20 нижнихъ чиновъ, ранены штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 54. Всего 80 человекъ.

Ночь со 2-го на 3-е іюня прошла спокойно; въ продолженіе ночи собраны были арбаچی (возчики) и авганцы, которые и перевезли весь артиллерійскій паркъ изъ сарбазскаго двора въ ханскій дворецъ.

Съ разсвѣтомъ, 3 іюня, снова раздалась раздирающая музыка барабановъ, трубъ и неистовые крики — знакъ, что непріятель началъ готовиться къ новому штурму. Для дальнѣйшей обороны угрожаемые пункты были распредѣлены между офицерами гарнизона слѣдующимъ образомъ: Бухарскія ворота поручены саперной ротѣ, слабымъ 9-го баталіона и пѣшимъ казакамъ при одномъ единорогѣ, въ вѣдѣніи подполковника Назарова. Исходящій уголъ между Бухарскими и Самаркандскими воротами и двѣ, по сторонамъ его, бреші—стрѣлковой ротѣ 6-го баталіона, подъ командою прапорщика Мамина. Самаркандскія ворота и брешь правѣе ихъ — 1-й ротѣ 6-го баталіона при батарейной пушкѣ, подъ командою капитана Шеметилло; кладбище у самаркандскихъ воротъ — 3-й ротѣ 6-го баталіона, подъ командою подпоручика Симакowa; сарбазскій дворъ и калитка — 2-й ротѣ 6-го баталіона подъ командою подпоручика Хрущева; западная часть стѣны занята была отдѣльными постами фураштатовъ, со слабыми разныхъ баталіоновъ; при нихъ конные казаки для передачи извѣстій.

Услыхавъ, что непріятель снова собирается произвести нападеніе, евреи, укрывавшіеся во дворцѣ эмира, совершенно упали духомъ и подыали страшный вой. Комендантъ, видя критическое положеніе

гарнизона, рѣшился немедленно извѣстить объ этомъ командующаго войсками; посланъ былъ одинъ изъ джигитовъ, переодѣтый нищимъ. Это подняло нѣсколько духъ гарнизона; явилась надежда на скорую выручку. Между тѣмъ, непріятель намѣревался атаковать и западную часть цитадели, гдѣ у насъ почти не было войскъ. Чтобы хоть сколько нибудь усилить защиту этой части цитадели, рѣшено было немедленно приступить къ насыпкѣ здѣсь барбета на одно орудіе. Для этой работы были употреблены арестанты, такъ какъ отъ войскъ нельзя было удѣлить ни одного солдата.

Когда совершенно разсвѣло, непріятель снова ринулся на всѣ тѣ пункты, на которые нападалъ наканунѣ. Около десяти часовъ утра къ коменданту прискакалъ казакъ съ западной стороны цитадели съ извѣстіемъ, что собравшійся тамъ непріятель разбираетъ стѣну за провіантскимъ складомъ. До 25 человекъ больныхъ бросились туда изъ лазарета. Непріятель, сдѣлавъ проломъ, ворвался, въ числѣ около 30 человекъ, въ цитадель; но въ это время подоспѣли больные и резервъ 2-й роты съ поручикомъ Хрущевымъ; человекъ 5 сартовъ было убито, а остальные бросились обратно черезъ проломъ. Дальнѣйшая защита этого пункта возложена была на поручика Бородаевского со слабыми 5-го баталіона, слесарями, больными и легко ранеными; къ ночи сюда было прислано одно бухарское орудіе и ручныя гранаты, а больные смѣнены 15-ю здоровыми изъ 3-й роты.

Лѣвѣе Бухарскихъ воротъ у исходящаго угла шло также горячее дѣло: не дожидаясь окончанія начатой галлерей, непріятель, съ 5 часовъ утра, нѣсколько разъ покушался овладѣть стѣною открытою силою. Незначительное число охранявшихъ этотъ пунктъ защитниковъ не могло воспрепятствовать осаждавшимъ занять гребень стѣны, но сюда подоспѣлъ капитанъ Михневичъ, привезшій полупудовую мортиру и нѣсколько ручныхъ гранатъ, которыя онъ потомъ и бросалъ собственноручно, когда нападавшіе были сбиты со стѣны и можно было взобраться до ея зубцовъ.

У Самаркандскихъ воротъ рано утромъ, въ 4 часа, началась живая перестрѣлка, а спустя полчаса толпа непріятеля бросилась къ воротамъ съ мѣшками пороку и головнями и подожгла ворота. Штабсъ-капитанъ Ногаевскій устроилъ тотчасъ заваль изъ мѣшковъ съ землею и за нимъ поставилъ батарейную пушку. Когда полотно воротъ догорѣли, непріятель еще разъ бросился на приступъ, но наткнулся на картечь и былъ отбитъ.

Чувствительный вредъ, наносимый непріятельскими стрѣлками, заставшими въ сакляхъ близъ воротъ, заставилъ коменданта озаботиться ихъ разрушеніемъ. Капитану Шеметилло приказано было поэтому сдѣлать вылазку и сжечь сакли, что и было исполнено безпрепятственно въ сумерки. Ночью перестрѣлка значительно уменьшилась.

Труднѣе всего въ этотъ день приходилось защитникамъ Бухарскихъ воротъ. Самыя дерзкія и рѣшительныя попытки ворваться въ цитадель были произведены именно здѣсь толпами шахрисябцевъ. Въ 8 часовъ утра началась атака. Открывъ сильный огонь, толпы бросились къ воротамъ; нѣсколько человѣкъ вскарабкались на стѣну, другіе кидали черезъ нее большіе кирпичи и камни, остальная масса дружно кинулась на заваль въ воротахъ. Встрѣченные картечью, они все-таки кинулись раскидывать мѣшки и влѣзли на заваль. Наши успѣли, однако, повторить картечный выстрѣлъ и затѣмъ кинулись въ штыки. Непріятель былъ отброшенъ, а наши кинулись за нимъ въ городъ; саперы воспользовались этимъ и поправили заваль.

Въ этотъ приступъ убитъ былъ артиллеріи поручикъ Служенко. Падая смертельно раненый съ лошади, онъ еще ободрялъ солдатъ крикомъ: «ура, братцы!»

Но дѣло тѣмъ не кончилось; штурмы продолжались одинъ за другимъ до трехъ часовъ дня. Тщетны, однако, были усилія врага: слабые, больные и раненые оказались могучими богатырями!

Въ промежуткахъ штурмовъ заваль былъ передвинутъ еще впередъ, по приказанію Штемпеля, навѣстившаго защитниковъ и замѣтившаго, что для дѣйствія картечью орудіе не имѣетъ достаточнаго простора. Затѣмъ сюда подвезена была еще бухарская пушка.

Въ три часа по полудни, непріятель повсюду прекратилъ нападеніе и потянулся изъ города на Чапанъ-ата. Шахрисябцы отступили черезъ Хаджи-арарскія ворота по дорогѣ въ Ургутъ. Трудно себѣ представить радость гарнизона. Желая убѣдиться въ отступленіи непріятеля, многіе выходили за ворота и дѣйствительно не встрѣчали ни одного человѣка на ближайшихъ улицахъ. Солдатамъ принесенъ былъ обѣдъ и розданъ казенный спиртъ, а послѣ обѣда купечество угощало ихъ краснымъ виномъ и сигарами.

Къ общему удивленію, около пяти часовъ по полудни, толпы, удалившіяся было на Чапанъ-ата, снова вернулись въ городъ и стали подъ стѣнами цитадели. Опять началась перестрѣлка и штурмы, но уже съ меньшею рѣшительностью. Тѣмъ не менѣе, число защитниковъ убывало. Видя изъ вечернихъ донесеній, что убыль въ гарнизонѣ за два дня простиралась до 150 человѣкъ, и не имѣя причины предполагать, что такой же убыли не произойдетъ и въ слѣдующіе дни, комендатъ рѣшилъ, въ случаѣ если бы непріятель окончательно ворвался гдѣ нибудь, собрать всѣ войска во дворецъ и обороняться здѣсь до послѣдней крайности, а если выручка не подоспѣетъ вовремя и непріятель ворвется и сюда, то взорвать порохъ и снаряды. Поэтому, въ теченіе дня 3-го іюня, лазаретъ былъ перенесенъ въ ханскій дворецъ. Ночью, съ 3-го на 4-е, приступлено было, съ помощью арбачей, авганцевъ и джигитовъ къ уничтоженію сакель кругомъ эмирскаго дворца, для образованія эспланады; самый дво-

репъ начали также приводить въ оборонительное положеніе. Въ то же время, оканчивался барбетъ на одно орудіе за сарбазскимъ дворомъ.

4-го іюня, съ самаго утра, начались новыя штурмы на разные пункты цитадельной стѣны, но утомленный непріятель, потерявшій надежду на успѣхъ съ уходомъ шахрисябцевъ, дѣйствовалъ уже гораздо слабѣе.

Послѣ обѣда, когда непріятельскіе крики около Бухарскихъ воротъ нѣсколько утихли, Назаровъ рѣшился сдѣлать вылазку, съ цѣлью сжечь сакли, прилегавшія къ стѣнѣ цитадели, и образовать здѣсь эспланаду. Солдаты весело собирались на вылазку. Еще не успѣло стемнѣть, какъ часть саперъ и людей 9-го баталіона, снабженные почти каждый коробкою спичекъ и захвативъ разныя удобовоспламеняемыя вещества: плетенки, камышъ и куски сухого дерева отъ дверей и оконъ,—выступили за ворота вдоль улицы, огибавшей стѣну цитадели. Вылазка продолжалась не болѣе часа и удалась, какъ нельзя лучше: не потерявъ ни одного человѣка, наши успѣли зажечь много крышъ по близости Бухарскихъ воротъ.

Въ этотъ день посланы были комендантомъ другіе джигиты къ генералу фонъ-Кауфману, съ донесеніемъ объ опасномъ положеніи цитадели, но посланные, вѣроятно, попадали въ руки непріятеля, а, можетъ быть, и перебѣжали къ нему, и потому изъ семи донесеній, только одно, послѣднее, дошло по назначенію. Ночью къ стѣнѣ за провіантскимъ складомъ подкрался преданный намъ иранецъ и сообщилъ, что бухарцы разбиты за Катты-Курганомъ, и что поэтому-то шахрисябцы и рѣшились отступить.

5-го числа, передъ свѣтомъ, опять произведена была вылазка Назаровымъ, дошедшимъ до большого базара, въ 200-саженяхъ отъ воротъ; зажжены были богатые лавки жителей, и отрядъ безъ малѣйшаго урона вернулся въ крѣпость.

Другую вылазку Назаровъ сдѣлалъ уже изъ Самаркандскихъ воротъ вмѣстѣ съ Шеметилло, истребивъ по дорогѣ огнемъ всѣ сакли.

Положеніе наше было все-таки весьма затруднительное. Не говоря уже о томъ, что никто изъ защитниковъ почти не спалъ въ теченіе пяти сутокъ, имъ пришлось голодать, такъ какъ мясо все было израсходовано, а достать его было не откуда. Въ свѣжей водѣ давно ощущался недостатокъ. Большая часть прудовъ заключала въ себѣ застоявшуюся мутную воду, изобиловавшую разными насѣкомыми. Въ эти-то трудныя минуты, утромъ 6-го іюня, отъ иранскаго аксакала присланы были два иранца съ заявленіемъ сочувствія гарнизону и предложеніемъ доставить гарнизону нѣсколько барановъ и молока. Затѣмъ не замедлилъ явиться и самъ аксакалъ, обѣщавшій, возвратясь къ себѣ, тотчасъ послать донесеніе коменданта въ нашъ передовой отрядъ и доставить отвѣтъ. Онъ же сообщилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прошелъ, непріятеля нѣтъ по

близости, а между тѣмъ сейчасъ же близъ садовъ есть поля, засѣянные клеверомъ. Эти указанія для насъ были весьма важны, и потому Назаровъ тотчасъ предпринялъ вылазку для фуражировки.

7-го іюня, въ 5 часовъ по полудни, гарнизонъ былъ порадованъ запискою, привезенною иранскимъ аксакаломъ отъ генерала Кауфмана, который сообщилъ, что отрядъ находится уже близко и съ разсвѣтомъ будетъ въ Самаркандѣ. Комендантъ съ этою запискою обошелъ всѣ войска гарнизона, всѣмъ читалъ ее, благодарилъ защитниковъ за ихъ труды и поздравлялъ заранее съ окончаніемъ геройской защиты цитадели. Громкое «ура» было вездѣ отвѣтомъ. Трудно представить себѣ радость храбрыхъ защитниковъ. Нѣкоторые читали вслухъ молитвы, другіе крестились и цѣловались, поздравляя другъ друга...

Услыхавъ шумъ въ гарнизонѣ, непріятель усилилъ огонь, а барабанный бой, шумъ и крики дали поводъ предполагать, что непріятель снова собирается большими скопищами; ночь, однако, прошла спокойно.

8-го числа, часовъ въ шесть утра, непріятель прекратилъ пальбу. Въ это время генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ подходилъ уже къ самаркандскимъ садамъ.

Съ разсвѣтомъ 8-го числа, главный отрядъ выступилъ съ послѣдняго своего ночлега, въ шести верстахъ отъ цитадели, и скоро втянулся въ пригородныя деревни иранцевъ, встрѣтившихъ войска съ хлѣбомъ-солью (на этотъ разъ лепешки, яйца, абрикосы и персики). Въ предположеніи, что жители города запрутъ ворота, и что намъ придется лѣзть черезъ стѣны, — сдѣланы были распоряженія для штурма, при чемъ гарнизонъ цитадели долженъ былъ сдѣлать вылазку. Посланная рекогносцировка показала, что городскія ворота отперты, и что непріятеля на этомъ мѣстѣ уже не было.

Распоряженія къ штурму были отмѣнены, но колонна полковника Абрамова все-таки была двинута влѣво вокругъ города, чтобы отрѣзать путь отступавшему къ чапанъ-атинскимъ высотамъ непріятелю; колоннѣ подполковника Баранова назначено было пройти въ Бухарскія ворота и двинуться черезъ городъ, мимо Тамерлановой мечети, къ медресе, съ фронта которыхъ и съ минаретовъ мятежники продолжали еще стрѣлять по цитадели. Абрамовъ, встрѣтивъ по дорогѣ разныя препятствія (къ сѣверу отъ города мѣстность изрѣзана оврагами), долженъ былъ медленно подвигаться впередъ, не успѣвъ отрѣзать толпы бѣжавшихъ и, пославъ имъ въ догонку нѣсколько гранатъ, возвратился въ городъ.

Вѣхавъ въ городскія ворота, командующій войсками долженъ былъ остановиться, пока саперы разбирали брустверь, сооруженный ими въ воротахъ цитадели изъ огромныхъ мѣшковъ съ землею.

Несмотря на развалины кругомъ, постъ у воротъ имѣлъ довольно внушительный видъ: высокая баррикада съ амбразурой, чрезъ

которую зловѣще выглядывала пушка, двѣ башни по бокамъ, стрѣлки между зубцами... За то передъ воротами все свидѣтельствовало объ отчаянной схваткѣ: совершенно разрушенные дома, обгорѣвшіе трупы, обглоданные собаками и кошками, которые тутъ же лакомились своими бывшими хозяевами!.. Тяжелый смрадъ отъ разлагавшихся труповъ, запахъ гари, все это громко говорило о той страшной драмѣ, которая на этомъ мѣстѣ разыгралась. Лошади фыркали и, наступивъ въ тѣснотѣ на хрустѣвшаго подъ ногами обгорѣлаго сарта, взвивались на дыбы. Наконецъ, одинъ уголъ баррикады былъ расчищенъ, и генераль-губернаторъ вѣхалъ въ цитадель. Блѣдные и худые, но принарядившіеся защитники возбуждали къ себѣ невольное участіе и уваженіе — это были больные и слабые 9-го батальона. Тутъ же былъ и всегда веселый Назаровъ; стоялъ также невозмутимо спокойный баронъ Штемпель. Генераль остановился въ воротахъ и долго говорилъ съ героями славной обороны, которые, казалось, и не подозрѣвали, что они совершили дѣйствительно геройскій подвигъ.

Съ крыши ханскаго дворца, гдѣ раскинута была цѣпь стрѣлковъ, видно было, по дыму выстрѣловъ, какъ подвигался Барановъ, видно было также, что съ крышъ мечетей и медресе сарты направляютъ огонь уже и въ его сторону. Для содѣйствія Баранову посланъ былъ изъ цитадели, на перерѣзъ, Назаровъ съ двумя ротами и взводомъ батарейной батареи; ему приказано было выгнать мятежниковъ изъ мечети; слѣдомъ за нимъ двинуть былъ и Шеметилло съ ротой, охранявшей Самаркандскія ворота. Кромѣ того, аррьергардъ былъ направленъ въ цитадель; одна рота пѣхоты и одна рота авганцевъ при двухъ орудіяхъ были размѣщены у бухарскихъ воротъ. По разставленіи цѣпи стрѣлковъ у крайнихъ развалинъ и поставленіи орудія по направленію двухъ улицъ, авганцы были выведены за городъ и размѣстились на крышахъ ближайшихъ сакель для обстрѣливанія доступа изъ садовъ. Затѣмъ рота пѣхоты подъ командою ротмистра Терентьева заняла постъ у Самаркандскихъ воротъ, откуда только что ушелъ въ городъ Шеметилло, и выходы изъ ближайшихъ улицъ, раскинувъ цѣпь стрѣлковъ по крышамъ крайнихъ домовъ. Отсюда была видна внутренность дворовъ, и потому тотчасъ были открыты отдѣльныя группы мятежниковъ, притаившихся по угламъ; выстрѣлы, загремѣвшіе съ крышъ, заставили сартовъ спасаться изъ двора во дворъ, но 16 изъ нихъ остались на мѣстѣ; сакли были зажжены.

Назарову, для исполненія возложеннаго на него порученія, слѣдовало пройти черезъ базаръ, занятый мятежниками, производившими пальбу изъ-за cadaго закрытія.

Не желая подвергать людей ненужной потерѣ, Назаровъ зажегъ базаръ, а капитана Шеметилло послалъ къ мечети, которая послѣ упорнаго сопротивленія была взята, и мятежники большею частію переколоты.

Къ двѣнадцати часамъ всѣ колонны обошли городъ по главнѣйшимъ улицамъ и очистили ихъ отъ мятежниковъ. Пальба затѣмъ утихла.

Такъ окончился семидневный бой малочисленнаго гарнизона съ непріателемъ, болѣе чѣмъ въ сто разъ его сильнѣйшимъ! Потеря наша простиралась до 180 человѣкъ убитыми и ранеными. Цифра, сама по себѣ, не большая, но она составляла четвертую часть всего гарнизона!

Больныхъ было до 450 человѣкъ, лазаретной прислуги было такъ мало, что некому было не только подавать лѣкарства, но и приносить пищу. Ханскій дворецъ, несмотря на большое число покоевъ, не вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, часть которыхъ лежала на мощеномъ полу дворовъ подъ открытымъ небомъ.

Кауфманъ — опытный боевой генералъ — понималъ истинное значеніе подвига самаркандскаго гарнизона и цѣну выказанной имъ стойкости. Приказомъ по войскамъ дѣйствовавшаго отряда Константинъ Петровичъ горячо благодарилъ мужественныхъ защитниковъ Самарканда слѣдующими словами:

«Храбрыя войска гарнизона Самаркандской цитадели!

«По выступленіи моемъ въ Катгы-курганъ для пораженія тамъ эмировыхъ войскъ, собравшихся для враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, вы были осаждены.

«Шахрисябскія войска и массы вооруженныхъ городскихъ и окрестныхъ жителей, увлеченныхъ возмутителями, возымѣли дерзкую мысль уничтожить васъ.

«Они ошиблись и наказаны. Вами руководили долгъ, присяга и честное русское имя.

«Больные и раненые, могущіе стрѣлять и колоть, всѣ были въ строю, на стѣнахъ и въ вылазкахъ. Распорядительный храбрый комендантъ и всѣ господа штабъ- и оберъ-офицеры были съ вами всегда, руководили вами и раздѣляли ваши опасности.

«Ихъ распорядительность, а ваша храбрость и стойкость, сдѣлали ничтожными всѣ попытки непріателя. Вы не уступили ему ничего. Вы бились семь дней, и когда на восьмой я пришелъ къ вамъ, — всѣ были такъ бодры и веселы, что нельзя было мнѣ не любоваться, не гордиться вами!

«Помяните доброй и вѣчной памятью павшихъ во время этой славной семидневной обороны цитадели. А вамъ, молодцамъ, спасибо за службу».

8-го же числа явились аксакалы съ повинной. Часть пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ было приказано разстрѣлять.

Всѣ эти событія надломили энергію эмира; онъ согласился на всѣ условія, обаялся уплатить 500.000 рублей контрибуціи и просилъ принять его капитуляцію со всѣми войсками, но послѣднее было отклонено. 23-го іюня, произошелъ обмѣнъ ратификацій, завер-

шившійся торжествомъ. Теперь уже ничто не мѣшало поѣздкѣ генералъ-губернатора въ Петербургъ. Въ концѣ іюля онъ выѣхалъ, а генералъ Абрамовъ, назначенный начальникомъ вновь образованнаго Зеравшанскаго округа, тотчасъ предпринялъ рядъ рекогносцировокъ въ виду волненій въ Бухарѣ, по поводу возстанія старшаго сына эмира Катты-Тюри. Чтобы оказать эмиру содѣйствіе, Абрамовъ занялъ 21-го октября городъ Карши и передалъ его чиновникамъ эмира. Катты-Тюра бѣжалъ сначала въ Хиву, а затѣмъ въ Авганистанъ и Кашгаръ.

П. М. К.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1899



РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ ¹⁾.

ХІІ.

Рекогносцировка верховьевъ Зеравшана и взятіе Шахрисябза.



ЛІЯ ознакомленія съ долиною верхняго Зеравшана и для рекогносцировки путей чрезъ хребетъ Капгаръ-Даванъ, двинуты были въ началѣ мая 1870 г. два отряда: одинъ изъ Самарканда, подъ начальствомъ генераль-майора Абрамова, а другой—изъ Ура-Тюбе, подъ начальствомъ подполковника Деннета. Движеніе въ передній путь исполнено было совершенно спокойно. Отряды соединились благополучно, прошли вмѣстѣ до г. Пальдорака и здѣсь разошлись для возвращенія другими дорогами въ свои штабъ-квартиры. Деннетъ двинулся черезъ Янгы-Саббакское ущелье, выславъ впередъ разъѣздъ изъ 25 казаковъ съ эсауломъ Уржумцевымъ. Разъѣздъ, идя налегкѣ, значительно опередилъ главную колонну и былъ неожиданно атакованъ, 27-го мая, скопищемъ изъ окрестныхъ горцевъ. Уржумцевъ воротился къ отряду, а Деннетъ тотчасъ двинулся съ 70 чел. стрѣлковъ къ мѣсту столкновенія, чтобы убѣдиться въ степени возможности одолѣть препятствіе. Оказалось, что узкій карнизъ, по которому лѣпи-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 81.

лась тропинка, до того былъ заваленъ камнями, что не было никакой возможности двигаться далѣе. Потерявъ при рекогносцировкѣ 13 нижнихъ чиновъ (убито 4), Деннетъ рѣшилъ вернуться назадъ и пройти прежнимъ путемъ на селеніе Аучи. Прибывъ туда 5 іюня, Деннетъ отправилъ выюки въ Ура-Тюбе, а съ остальнымъ отрядомъ быстро прошелъ отрогами хребта къ селенію Исфана и 9-го числа нагрянулъ на виновниковъ нападенія 27-го мая. 15 плѣнныхъ, 1500 головъ скота, много оружія и вещи, принадлежавшія казакамъ, изъ захваченныхъ выюковъ были трофеями. Коканскій ханъ, во владѣніяхъ котораго кочевали разбойники (киргизы, родовъ Аувагатъ и Конглы), высылалъ съ нихъ 5.000 р., которыя и розданы семействамъ убитыхъ (по 600 р.) и раненымъ (отъ 50 до 300 р.).

Абрамовъ, осмотрѣвъ ледникъ, откуда беретъ свое начало рѣка Зеравшанъ и альпійское озеро Искандеръ-куль, двинулся къ крѣпости Кштутъ (въ бекствѣ того же названія), ибо изъ Самарканда уже не разъ приходили извѣстія о волненіи умовъ въ Шахрисябѣ, Кштутѣ и Магіянѣ. Для поддержки рекогносцировочнаго отряда выставлено было въ Пянджикентѣ 2 роты пѣхоты. Эти мѣры не подѣйствовали однако успокоительно, и въ Кштутскомъ ущельѣ горы атаковали отрядъ и встрѣтили его выстрѣлами съ утесовъ Куликаланскихъ снѣговыхъ высотъ. Для занятія высотъ и разсѣянія непріятеля, генералъ Абрамовъ выслалъ въ горы двѣ команды стрѣлковъ, въ 40 человекъ каждая, подѣ начальствомъ штабсъ-капитана Шорохова и ротмистра барона Аминова. Шорохову постепенно были посланы подкрѣпленія, и почти неприступныя высоты скоро были заняты нашими молодцами, потерявшими при этомъ ранеными и убитыми 37 человекъ, т.-е. болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ часть штурмующихъ. Раненъ былъ также и Шороховъ. Такъ какъ было достоверно извѣстно, что въ общемъ ополченіи на насъ принимали весьма дѣятельное участіе и шахрисябцы, то рѣшено было покончить и съ этимъ разбойничьимъ гнѣздомъ, тревожившимъ насъ съ 1868 года. Ободренные тѣмъ, что нападеніе на Самаркандскую цитадель въ іюнѣ 1868 г. сошло имъ безнаказанно,—беки Джура-бій и Баба-бій пользовались каждымъ случаемъ ввязаться съ нами въ дѣло. Множество разбойничьихъ шаекъ налетали то и дѣло на пограничныя кишлаки, а во время рекогносцировки верховьевъ Зеравшана сдѣлано было нападеніе на конвой изъ 7 казаковъ при чиновникѣ князѣ Урусовѣ, собиравшемъ зякегъ, при чемъ было убито 2 и ранено 3 казака.

Лучшимъ временемъ для нападенія на Шахрисябъ считался августъ, ибо жители въ это время заняты уборкою хлѣба, а главное—воды для наводненія окрестностей крѣпости въ это время года мало. Залогомъ успѣха была при этомъ, конечно, неожиданность нападенія, а для этого требовалось соблюденіе дѣухъ условій: строгой тайны до времени и затѣмъ быстроты движеній. 6-го августа войска,

назначенныя въ экспедицію, получили приказаніе готовиться къ походу и выступили двумя колоннами: правая (полковника Михаловскаго) изъ батальона пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, 10 орудій и 6 ракетныхъ станковъ двинулась 7-го числа къ Джаму; лѣвая (подполковника Соковнина) изъ 4 ротъ, $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ, 2-хъ горныхъ орудій и 2-хъ ракетныхъ станковъ, выступила 9-го числа черезъ горы, каратюбинскимъ ущельемъ. 11-го августа колонна Михаловскаго дошла уже до садовъ Урусъ-кишлака въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Шахрисябза, а нѣсколько часовъ спустя пришла туда колонна Соковнина.

Въ 9 часовъ утра, 12-го августа, Абрамовъ съ ротою пѣхоты, 20-ю казаками и 2-мя ракетными станками, офицерами генеральнаго штаба и нѣкоторыми начальниками частей выѣхалъ на рекогносцировку Китабскихъ укрѣпленій. Осмотрѣвъ ихъ съ высокаго кургана Алимбекъ (въ 350 саженьяхъ отъ наружной стѣны) и предположивъ атаковать стѣну двумя штурмовыми колоннами по обѣ стороны воротъ Раватакъ, Абрамовъ указать мѣста для пробитія двухъ брешей. Затѣмъ предпринята была рекогносцировка для выбора мѣста брешь-батарей.

Сильный огонь изъ орудій и фальконетовъ, открытый непріателемъ по рекогносцировочному отряду, понудилъ Абрамова вызвать изъ лагеря два наѣзныхъ орудія и обстрѣлять стѣну. Огонь этихъ двухъ орудій и движеніе ракетной команды заставили непріателя обнаружить всю свою защиту и дали возможность сосчитать всѣ его орудія, безъ потери съ нашей стороны (кромѣ нѣсколькихъ лошадей). Противъ ракетной команды, прикрывавшей лицъ, выбравшихъ мѣсто для лѣвой брешь-батареи и подошедшихъ къ стѣнѣ на 80 сажень, выѣхала конная толпа изъ садовъ, прилегавшихъ къ бугру Алимбекъ, и открыла по нимъ огонь, но была разсѣяна нѣсколькими ракетами. Осмотрѣвъ подробно мѣстность и назначивъ мѣста брешь-батарей, рекогносцировочный отрядъ вернулся въ лагерь.

Брешь-батареи предположено было заложить въ ночь; двумъ ротамъ, переведеннымъ въ Урусъ-кишлакъ, приказано было немедленно заготовить лѣстницы, туры и фашины; затѣмъ сформированы были штурмовыя колонны. Въ правую, подъ начальствомъ Михаловскаго, назначены 3 роты, 5 орудій и 3 ракетныхъ станка; въ лѣвую, подъ начальствомъ Соковнина, 3 роты, 4 орудія полевыхъ и 2 горныхъ.

Въ резервъ штурмовыхъ колоннъ, къ кургану Алимбекъ, назначены: одна рота, одно орудіе и $2\frac{1}{2}$ казачьи сотни, подъ начальствомъ есаула Принца.

Въ лагерѣ, на позиціи отряда въ садахъ Урусъ-кишлака, оставленъ обозъ и паркъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ при 20-ти казакахъ, подъ начальствомъ поручика Гомзина.

Вечеромъ, съ наступленіемъ темноты, пѣхота штурмовыхъ колоннъ двинулась на показанныя имъ мѣста, для постройки брешь-батарей. Проходя черезъ Урусъ-кишлакъ, войска принимали приготовленныя лѣстницы, туры, фашины и инструменты. Пользуясь темнотою ночи и соблюдая совершенную тишину, колонны приступили къ постройкѣ брешь-батарей и работали безъ выстрѣла. Батарея Михаловскаго поставлена въ 220, а батарея Соковнина въ 78 саженьяхъ отъ наружной стѣны. Инженерныя работы производились подъ руководствомъ капитана Богаевского.

Въ продолженіе ночи брешь-батареи были окончены, вооружены и съ разсвѣтомъ 13-го августа открыли огонь, частью по башнямъ наружной стѣны, занятой непріятельскими орудіями, частью по мѣстамъ, указаннымъ для брешей. Непріятель отвѣчалъ сильнымъ огнемъ изъ орудій и фальконетовъ, въ особенности противъ батареи Соковнина, куда сосредоточены были три непріятельскихъ батареи на 8 орудій.

Вся наружная стѣна между этими батареями была занята стрѣлками, которые ружейнымъ огнемъ еще усиливали дѣйствительность артиллерійскаго. Чтобъ ослабить дѣйствіе этого огня, Абрамовъ приказалъ полковнику Соковнину разсыпать стрѣлковъ впереди и влѣво отъ батареи, по небольшому оврагу. Соковнинъ принялъ лично на себя исполненіе этого приказанія и замѣтивъ, что назначенные для занятій оврага стрѣлки стали перебѣгать на лежащее впереди кладбище, весьма близкое къ городской стѣнѣ, пошелъ на это кладбище, чтобъ вернуть стрѣлковъ, но при этомъ былъ тяжело раненъ двумя пулями въ грудь и въ ногу. Храбрый кавказскій ветеранъ, носившій уже неизлѣчимую рану въ груди еще съ Кавказа, не перенесъ новыхъ увѣчій и, протрѣпавъ нѣсколько мѣсяцевъ, скончался въ Самаркандѣ.

Огонь батареи Соковнина былъ направленъ по приказанію Абрамова по бреші, которая далеко еще не была удовлетворительна, и по крѣпостной башнѣ, которая въ особенности вредила брешь-батареѣ.

Замѣтивъ правѣ башни устье рва, входящаго, какъ казалось, черезъ наружную стѣну въ сады, окружающіе Китабъ, а правѣ этого устья, тотчасъ же за стѣной, большой курганъ, командовавшій всѣмъ фронтомъ непріятельской обороны, и находя занятіе этого кургана весьма выгоднымъ, Абрамовъ поручилъ капитану Гребенкину съ одной ротой спуститься къ руслу Кашка-Дарьи и, пройдя до указаннаго мѣста, осмотрѣть его, а если бы оказалось возможнымъ, то и занять курганъ за стѣною. Для поддержанія Гребенкина, въ случаѣ надобности, назначена была другая рота.

Гребенкинъ спустился въ русло рѣчки и, несмотря на сильный ружейный огонь, быстро двинулся съ ротой къ устью рва; оказалось, что ровъ этотъ не проходитъ въ городъ, а идетъ вдоль самой

стѣны, и что курганомъ, лежащимъ по ту сторону стѣны надъ высокимъ отвѣснымъ обрывомъ, положительно было невозможно овладѣть. Гребенкинъ долженъ былъ вернуться къ батареѣ, потерявъ около 40 человекъ изъ 50. Пришлось отказаться отъ штурма въ этомъ пунктѣ иначе, какъ черезъ брешь, а пробить брешь казалось затруднительнымъ, такъ какъ она подвигалась весьма медленно, несмотря на значительное количество употребленныхъ на это зарядовъ¹⁾.

Между тѣмъ, поставленное на курганѣ Алимбекъ подъ начальствомъ капитана Броневскаго нарѣзное орудіе дѣйствовало весьма успѣшно противъ башни у воротъ Раватакъ, значительно ослабивъ огонь ея и сбивъ часть орудій.

На брешь-батареѣ Михаловскаго положеніе дѣла было вполне удовлетворительно; брешь была почти готова, и доступъ къ ней былъ уже достаточно удобенъ. Артиллерійскій огонь непріятеля съ этой стороны хотя и былъ силенъ, но ружейный огонь былъ значительно слабѣе, чѣмъ противъ батареи Соковнина.

Полагая, что оборонительныя средства защитниковъ Шахрисябза, захваченныхъ почти врасплохъ, могутъ съ каждымъ часомъ усиливаться, и что откладываніе штурма, въ ожиданіи пробивки обѣихъ брешей, могло только затруднить и усложнить дѣло, Абрамовъ рѣшился, не ожидая бреши Соковнина, штурмовать наружную стѣну только правою колонною, а дѣйствіемъ лѣвой колонны въ то же время развлечь только силы и вниманіе непріятеля.

Съ наступленіемъ ночи, колонна Михаловскаго была усилена двумя ротами и горнымъ орудіемъ изъ лѣвой колонны, а штурмъ назначенъ въ 3¹/₂ часа утра; за 3³/₄ часа до штурма приказано открыть съ лѣвой брешь-батареи усиленную пальбу по городу.

Штурмовая колонна Михаловскаго была раздѣлена на двѣ части. Въ головную, подъ личнымъ его начальствомъ, назначены 3 роты и 2 ракетныхъ станка; вслѣдъ за ней, въ видѣ резерва, должна была идти одна рота и взводъ при горномъ орудіи и 2-хъ ракетныхъ станкахъ подъ начальствомъ майора Полторацкаго. По занятіи бреши, Михаловскому приказано было направиться лѣвѣе, на главную дорогу, ведущую отъ воротъ къ Китабу, и идти къ его цитадели. Направленіе колонны было поручено генеральнаго штаба капитану Аминову, знакомому, по разспросамъ, съ подступами къ стѣнѣ и съ дорогами, ведущими отъ нея въ городъ.

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что стѣна здѣсь болѣе значительной толщины, и большую часть ея высоты составляла самая круча рва, по краю котораго стѣна была выведена.

На брешь-батареѣ Соковнина Абрамовъ былъ легко раненъ пулею въ животъ; большая часть нашей потери подъ Китабомъ понесена также на этой батарее; тутъ же почти одновременно съ Соковниннымъ убитъ 9-го линейнаго баталіона прапорщикъ Козловскій.

Подполковнику Раевскому, заступившему мѣсто Соковнина, приказано было, послѣ канонады, занять стѣну съ $1\frac{1}{2}$ роты и однимъ горнымъ орудіемъ только тогда, когда колонна Михаловскаго войдетъ уже въ городъ, и огонь непріятельскихъ батарей ослабѣтъ.

Одна рота, приведенная изъ лагеря, должна была расположиться у правой брешь-батареи на всякій случай.

Въ $3\frac{1}{2}$ часа утра, 14-го августа, съ открытіемъ пальбы по городу съ лѣвой брешь-батареи, головная часть колонны полковника Михаловскаго, имѣя въ первой линіи 2 роты (при каждой по двѣ лѣстницы), а во второй одну роту, съ шанцевымъ инструментомъ и ракетными станками, въ глубокой тишинѣ и совершенномъ порядкѣ, — прошла незамѣченною все разстояніе отъ брешь-батареи почти до самой стѣны. Непріятель открылъ сильный ружейный огонь только тогда, когда колонна переходила послѣдній рукавъ рѣчки, подъ самую стѣну.

Подъ градомъ пуль, съ крикомъ «ура», лѣстницы были поставлены частью къ бреши, частью къ самой стѣнѣ. Массы непріятеля успѣли занять гребень атакуемой стѣны, но тотчасъ бѣжали, какъ только показались на ней первые штыки. Большая часть штурмующей колонны направилась съ Михаловскимъ по указанному направленію влѣво, на большую дорогу въ цитадель и, встрѣтивъ группу саклей со складомъ клевера, подожгла ихъ и тѣмъ освѣтила себѣ дорогу; другая, съ майоромъ Полторацкимъ, кинулась вправо по стѣнѣ, сбросила съ башни два орудія, зажгла сакли, и вернулась къ бреши, куда въ это время уже подоспѣлъ и резервъ. Собравъ на бреши разсыпавшихся солдатъ и пристроивъ ихъ къ резерву, Полторацкій пошелъ на соединеніе съ Михаловскимъ.

Узнавъ, что колонна Михаловскаго ворвалась въ наружную ограду и движается указаннымъ направленіемъ, Абрамовъ, находившійся на правой брешь-батареѣ, приказалъ есаулу Александру Принцу съ сотнями резерва разломать и занять ворота Раватакъ. Хотя казаки и были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ, но Принцъ исполнилъ порученіе быстро и вполнѣ успѣшно: въ десять минутъ ворота были разломаны и заняты казаками. Тогда Абрамовъ, видя что большая часть атакующей стѣны занята уже нами, послалъ приказаніе Раевскому прекратить пальбу съ лѣвой брешь-батареи и, если непріятель слабо занимаетъ стѣну, штурмовать ее. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа крикъ «ура» изъ колонны Раевского показалъ, что стѣна занята; непріятель не оказалъ съ этой стороны почти никакого сопротивленія. Взойдя на неоконченную брешь, Раевскій немедленно направился вправо по стѣнѣ, перестрѣливаясь съ непріятелемъ, засѣвшимъ въ сосѣднихъ улицахъ и садахъ, дошелъ до воротъ Раватакъ, занятыхъ уже Принцомъ, и двинулся по большой дорогѣ въ Китабъ, на соединеніе съ Михаловскимъ, который между тѣмъ медленно подвигался по этой дорогѣ къ городской китабской стѣнѣ.

Узкія улицы между садами были наполнены бѣжавшими шахрисябцами, которые въ совершенномъ смятеніи, впотѣмахъ, натыкались изъ боковыхъ переулковъ на колонну; поэтому въ улицахъ происходила не только перестрѣлка, но и частыя схватки холоднымъ оружіемъ¹⁾. Дойдя до просторной площади на перекресткѣ улицъ, Михаловскій остановился, чтобъ дожидаться разсвѣта, а пока зажегъ кругомъ склады сухого клевера, чтобъ освѣтить мѣстность. Здѣсь, по сигналамъ головной колонны, нашелъ ее и присоединился къ ней Полторацкій, шедшій съ такими же затрудненіями другою дорогою. Ожидая сопротивленія на городской стѣнѣ Китаба, Михаловскій послалъ Аминова съ ротою пѣхоты узнать, гдѣ находится колонна Раевского; Аминовъ встрѣтилъ на пути еще толпу конныхъ шахрисябцевъ, которыхъ разогналъ выстрѣлами. По соединеніи всѣхъ колоннъ, войска устроились, уравнили патроны и собрали раненыхъ. Здѣсь Михаловскій получилъ приказаніе Абрамова принять команду надъ всѣми войсками, перешедшими за наружную стѣну, и занять Китабъ, а Раевского послать занять ворота Раватакъ, куда отправить и раненыхъ.

Когда колонна Михаловскаго уже перешла наружную стѣну и двинулась къ городу, шахрисябцы собрались въ довольно большомъ числѣ у башни № 1 и открыли сильный огонь по правой брешь-батареѣ. Абрамовъ командировалъ съ этой батареи капитана Гребенкина съ одною ротою, приказавъ ему сбить непріятеля со стѣны и очистить башню; Гребенкинъ вошелъ на стѣну черезъ брешь и, повернувъ направо, быстро атаковалъ непріятеля съ фланга, разогналъ его, очистилъ башню, бросилъ орудія въ ровъ и вернулся на брешь-батарею.

Послѣ того, непріятель дѣлалъ еще попытки къ сопротивленію, собирався большими толпами вблизи брешь-батареи, но каждый разъ былъ разгоняемъ выстрѣлами.

Приведя свой отрядъ въ порядокъ на сборномъ пунктѣ, Михаловскій, съ 4-мя ротами, 3-мя горными, однимъ коннымъ орудіемъ и 4-мя ракетными станками, направился къ городской китабской стѣнѣ. У воротъ этой стѣны отрядъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ. Обстрѣлявъ защищавшія ворота башенки и самыя ворота картечью и гранатами, Михаловскій приказалъ атаковать стѣну. Стрѣлковая рота 3-го баталіона съ крикомъ «ура» бросилась на стѣну лѣвѣе воротъ, перелѣзла черезъ нее подъ огнемъ и отворила ворота.

Войдя въ Китабъ, отрядъ уже не встрѣчалъ непріятеля и дошелъ до брошенной цитадели безъ выстрѣла.

Есаулъ Принцъ съ казаками, въ началѣ движенія, былъ посланъ для сбора всѣхъ орудій на атакованной части наружной стѣны.

¹⁾ Михаловскій легко раненъ здѣсь саблею въ голову.

Казаки были встрѣчены выстрѣлами наткнувшейся на нихъ большой конной партіи шахрисябцевъ, но она была разсѣяна атакою одной сотни.

Въ 8 часовъ утра все уже было кончено. За усталостью войскъ, движеніе въ г. Шаръ было отложено до слѣдующаго дня, хотя съ занятіемъ Китаба городъ этотъ прислалъ депутацію съ изъявленіемъ покорности.

По показаніямъ плѣнныхъ, мы имѣли дѣло лишь съ 8 тысячами защитниковъ, но Джура-бій и Баба-бій (по словамъ новыхъ бековъ, присланныхъ впослѣдствіи бухарскимъ эмиромъ) могли бы выставить до 13 тысячъ вооруженныхъ, какъ дѣлали это не разъ противъ эмира, если бы движеніе нашего отряда не было такъ неожиданно, и если бы они имѣли время приготовиться.

Потерю шахрисябцевъ одними убитыми въ день штурма опредѣляютъ до 600 человекъ.

Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 18; ранено: генералъ 1, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 101. Изъ нихъ тяжело ранены 59 человекъ, легко 42; изъ офицеровъ смертельно раненъ одинъ Соковнинъ; раны генерала Абрамова и другихъ офицеровъ не были опасны.

Трофеи наши состояли изъ 4 значковъ, 29 орудій, множества фальконетовъ, холоднаго оружія и значительнаго склада артиллерійскихъ припасовъ.

15 числа, Абрамовъ посѣтилъ городъ Шаръ. Жители встрѣтили его за три версты отъ города. Объявивъ имъ, что, по приказанію главнаго начальника, генерала Кауфмана, шахрисябскія владѣнія будутъ переданы законному ихъ государю, эмиру бухарскому, Абрамовъ предложилъ жителямъ возвратиться въ свои дома и ожидать прибытія новыхъ бековъ, назначенныхъ эмиромъ. Осмотрѣвъ укрѣпленіе Даякъ, находящееся также внутри общей стѣны, Абрамовъ вернулся въ Китабъ и нашелъ тамъ бековъ Черакчинскаго и Якобакскаго, назначенныхъ эмиромъ для управленія, въ первое время, Шаремъ и Китабомъ. 16-го числа, прибылъ отъ эмира Тохтамышъ-бій, съ 1.500 всадниками, назначенными въ гарнизоны городовъ. Затѣмъ прибылъ посланный отъ эмира, Якубъ Караулъ-беги, съ письмомъ, коимъ эмиръ увѣдомлялъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ по управленію приобретеннымъ нами для него владѣніемъ.

Сдавъ городъ новымъ бекамъ, Абрамовъ послалъ Михаловскаго занять Магіанъ, а самъ направился въ Фаранъ. Оба эти бекства были присоединены къ Зеравшанскому округу.

Беки Джура-бій и Баба-бій, преслѣдуемые по пятамъ двумя сотнями казаковъ штабсъ-ротмистра Скобелева, успѣли бѣжать въ Кокандъ, но тамъ были схвачены по приказанію хана и выданы русскимъ. Нельзя не обратить вниманія на быстрый сборъ войскъ, назначенныхъ въ походъ: 6-го августа дано было приказаніе о сборѣ

въ походѣ, а 8-го числа войска уже были въ 65-ти верстахъ отъ Самарканда, въ Джамѣ. 3 роты изъ укр. Ключеваго и 2 роты изъ Чиназа выступили тоже на другой день по полученіи приказанія. 2-й стрѣлковый батальонъ выступилъ изъ Ташкента черезъ 15 часовъ. Занятіе столицы Шахрисабза, дотолѣ никому не покорявшася, произвело сильное впечатлѣніе на нашихъ сосѣдей. Немедленное же возвращеніе завоеванныхъ городовъ эмиру доказало всю несостоятельность укоренившагося мнѣнія, будто мы задались въ Средней Азіи исключительно цѣлію непрерывныхъ завоеваній.

XIII.

Дѣйствія противъ Кульджинскаго султана.

Возмущеніе, охватившее въ началѣ шестидесятыхъ годовъ провинціи западнаго Китая, поставило насъ въ весьма невыгодное положеніе: успѣхи мусульманъ по сосѣдству отражались на спокойствіи умовъ нашихъ киргизовъ, а прекращеніе торговли и разореніе нашихъ факторій въ Чугучакѣ и Кульджѣ сразу уничтожило всѣ плоды долгихъ дипломатическихъ сношеній нашихъ съ манчжурскимъ правительствомъ. Китайцы и сами не были для насъ искренно-дружественными сосѣдами. Споры о границахъ послѣ двухъ безплодныхъ съѣздовъ уполномоченныхъ въ 1862 и 1863 годахъ, если и были наконецъ покончены Чугучакскимъ договоромъ (25 сентября 1864 года), то единственно вслѣдствіе успѣховъ дунганскаго возстанія. Поэтому наше пограничное начальство (въ Западной Сибири) отнеслось весьма равнодушно къ мольбамъ китайцевъ о помощи во имя старой дружбы. Придерживаясь принципа невмѣшательства, мы приняли мѣры противъ перехода мятежниками нашей границы и сношеній ихъ съ нашими киргизами, но усмотрѣть за послѣдними было довольно трудно, и множество ихъ присоединилось къ инсургентамъ для грабежа китайцевъ.

Скоро возстаніе вступило въ новый фазисъ: инсургенты разселились изъ-за добычи и раздѣлились на два враждебные лагеря: дунганъ и таранчей (людей «кроваваго пота» или ссыльных), изъ которыхъ послѣдніе оставили за собою Кульджу, а первые удалились въ Урумчи.

Кульджинскій султанъ Абиль-Огль скоро вошелъ въ сношенія съ семирѣченскимъ губернаторомъ, подъ разными предлогами. Вторженія въ наши предѣлы кульджинскихъ киргизъ вызывали съ нашей стороны энергичныя преслѣдованія даже за предѣлами нашей территоріи, а слухи о намѣреніяхъ кашгарскаго владѣтеля Якуббека занять Кульджу заставили насъ выдвинуть передовой отрядъ къ Музартскому проходу. Все это, безъ сомнѣнія, вызывало въ султанѣ нѣкоторое противъ насъ неудовольствіе.

Нападеніе на майора Здоренко шайки киргизъ, скрывшихся въ Кульджу, послужило поводомъ послать къ султану посольство, не приведшее, однако, ни къ какимъ результатамъ. Султанъ даже потребовалъ, чтобы мы убрали свой отрядъ на р. Уртель-Музартъ, грозя распорядиться съ нимъ по-своему.

Дѣло приближалось къ развязкѣ. Въ концѣ 1870 года, Кызай сдѣлали попытку укочевать отъ насъ въ Кульджинскіе предѣлы, ограбивъ нашихъ киргизъ. Часть бѣглецовъ была возвращена посланнымъ въ погоню отрядомъ, а часть успѣла присоединиться къ таранчинскому войску. Бѣгство въ Кульджу прапорщика Тазабека (волостнаго управителя) въ апрѣлѣ 1871 г. и отказъ султана выдать измѣнника послужили окончательнымъ поводомъ къ вооруженному столкновенію.

Рекогносцировки, произведенныя въ началѣ мая Борохудзирскимъ отрядомъ къ гор. Мазару, а Тянь-Шаньскимъ къ Кетменю, повели къ первымъ выстрѣламъ. Возвращеніе нашихъ войскъ было принято таранчами за отступленіе, и они рѣшились вторгнуться въ наши предѣлы. Война началась.

Для дальнѣйшихъ дѣйствій сформировано было два отряда: главный въ Борохудзирѣ и боковой на Кетменѣ. Рядъ стычекъ на Кетменѣ и уронъ, понесенный при этомъ таранчами, а также и презрѣніе къ непріятелю совершенно успокоили командовавшаго отрядомъ полковника Михаловскаго относительно какой бы то ни было опасности для отряда, а потому, готовясь къ выступленію съ частию отряда на соединеніе съ главными силами, онъ раздѣлилъ свои войска (3 роты, 1½ сотни и 4 орудія) на два отряда и поставилъ ихъ въ лощинѣ по обѣ стороны селенія Кетмень. Ночью на 31 мая таранчи заняли командующія высоты, а на разсвѣтѣ ворвались и въ селеніе. Отряды наши были отрѣзаны другъ отъ друга и вынуждены штурмовать селеніе, при чемъ понесли довольно чувствительный уронъ, именно 38 человѣкъ.

8-го іюня, къ дѣйствующему отряду въ Борохудзиръ прибылъ генералъ-майоръ Колпаковскій и 12 числа выступилъ по Кульджинской дорогѣ. На уроч. Хунъ-Жень-Су (близъ Акъ-Кента) онъ простоялъ два дня, чтобы сосредоточить всѣ силы, и 16 числа двинулся навстрѣчу таранчинскимъ войскамъ, собраннымъ подъ Алимъ-Ту. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 6½ ротъ, 4¼ сотенъ и 10 орудій, всего 1785 человѣкъ. Таранчи были разбиты и отступили къ кр. Чинъ-ча-ходзи, потерявъ 125 плѣнными (въ числѣ которыхъ было 102 китайца и только 1 таранчинецъ), одно знамя и 23 крѣпостныхъ ружья. Наша потеря состояла только изъ 5 раненыхъ, въ числѣ которыхъ сибирскій казакъ Иванъ Дмитріевъ, рубясь всегда впереди товарищей, получилъ до 30 ранъ холоднымъ оружіемъ, отчего впослѣдствіи и умеръ. Плѣнные были распределены по ротамъ и несли на себѣ всѣ домашнія работы—съ полною готовностію.

XIV.

Дѣло при Чинъ-ча-ход-зи.

17-го іюня, послѣ обѣда, въ 3 часа по полудни, отрядъ выступилъ къ крѣпости Чинъ-ча-ход-зи, въ 16 верстахъ отъ ночлега, взявъ съ собою только самый необходимый обозъ и оставивъ вагенбургъ съ прикрытіемъ на позиціи Алимъ-ту до слѣдующаго утра, вслѣдствіе усталости лошадей и воловъ въ паркахъ. Дорога была очень удобна; по сторонамъ ея росъ рѣдкій карагачевый лѣсъ, и скоро открылась крѣпость Чинъ-ча-ход-зи, окруженная садами. Авангардъ (изъ 2-й семирѣченской сотни) подъ начальствомъ войскового старшины Гильде открылъ непріятеля, не доходя версты четыре до крѣпости. Колпаковскій выдвинулъ впередъ стрѣлковыя роты 11 и 12 батальоновъ, 4 орудія 2-й батареи и половину Семирѣченской № 6 сотни, поручивъ послѣднюю барону Каульбарсу. При приближеніи къ садамъ замѣчено было, что густыя массы непріятеля, показавшись съ боковъ крѣпости, заняли все пространство между садами; въ то же время значительная толпа непріятельской кавалеріи показалась на дорогѣ. Мѣстность передъ садами, засѣянная хлѣбомъ и овощами, была до такой степени изрыта арыками, что представила бы значительныя препятствія движенію отряда. Кромѣ того, начинало уже смеркаться, а располагаться на ночлегъ въ виду непріятеля, имѣвшаго возможность произвести изъ садовъ нечаянное нападеніе, было бы весьма неудобно, и потому рѣшено было обойти крѣпость и расположиться по западную ея сторону, гдѣ мѣстность была довольно открытая и представляла, кромѣ того, нѣкоторыя удобства для бивуака.

Выставивъ боковые авангарды, прикрывшіе фланговое движеніе отряда, Колпаковскій перевелъ войска на избранную позицію, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, на которые наша артиллерія отвѣчала живою канонадою.

Разбитый наканунѣ Абдрахманъ-Казначи получилъ подкрѣпленіе изъ Кульджи и еще ожидалъ прибытія свѣжихъ отрядовъ съ лѣваго берега Или, куда были двинуты значительныя скопища. Энергическія дѣйствія русскихъ войскъ подъ Кетменемъ ввели непріятеля въ заблужденіе, заставивъ его ожидать рѣшительнаго наступленія именно со стороны Кетменя, чрезъ Янгишеръ, на Кульджу.

Передъ разсвѣтомъ 18 числа, непріятельскіе всадники, подѣзжая къ цѣпи парныхъ часовыхъ, начали стрѣлять по лагерю, но были отогнаны огнемъ цѣпи. На разсвѣтѣ войска были выдвинуты изъ лагеря. Оставивъ для охраненія тяжестей 2-ю роту 10-го баталіона, сибирскую полусотню № 1, казаковъ сибирской № 2 сотни и 2 ору-

дія, Колпаковскій построилъ остальные войска въ двѣ линіи, противъ сѣверо-западнаго угла крѣпости Чинъ-ча-ход-зи.

На лѣвомъ флангѣ сталъ войсковою старшина Гильде со 2-ю Семирѣченскою сотнею, правѣ—стрѣлковая рота 12 баталіона, дивизіонъ орудій 1-й и 2-й батарей; затѣмъ стали саперная команда и стрѣлковая рота 11-го баталіона, а на правомъ флангѣ 3-я семирѣченская сотня. Начальство надъ войсками 1-й линіи было поручено полковнику Михаловскому. Линейныя роты: 2-я 11-го и 3-я 10-го баталіоновъ и 2 орудія 2-й батареи составили вторую линію, начальникомъ коей былъ назначенъ полковникъ фонъ-Вартманъ.

Непріятель рѣшилъ дать полевое сраженіе, опираясь центромъ на крѣпость, а флангами на рощи, далеко выступавшія впередъ, что давало позиціи хорошую перекрестную оборону.

Густая линія непріятеля заняла все это пространство, безъ перерывовъ; на лѣвомъ флангѣ нашемъ и въ тылу, противъ аррьергарда, охранявшаго тяжести, показались толпы непріятельской кавалеріи. Она понеслась было съ гикомъ съ двухъ сторонъ на аррьергардъ; но два полувзвода пѣхоты и сибирскіе казаки, встрѣтивъ ее огнемъ, принудили повернуть назадъ, послѣ чего непріятельская кавалерія до самаго конца дѣла держалась уже въ отдаленіи и наконецъ скрылась совершенно.

Непріятель, какъ только началось наступленіе первой линіи, открылъ по всему фронту неумолкаемую пальбу изъ орудій, фальконетовъ и ружей. Видя по силѣ непріятельскаго огня, что главная массы таранчей группируются въ садахъ и за ними, Колпаковскій рѣшилъ атаковать лѣвый ихъ флангъ, упиравшійся въ деревню и рощу; выдвинувъ для этого правый флангъ боевой линіи, мы начали наступленіе уступами.

Артиллерія, обстрѣлявъ непріятельскую позицію, выѣхала впередъ, за рывину, и открыла усиленный огонь по рощѣ; стрѣлковая рота приняла вправо и вся линія начала подвигаться впередъ, въ косвенномъ направленіи. Войсковому старшинѣ Гильде съ развернутою кавалеріею было приказано прикрыть фланговое движеніе отряда.

Толпы таранчей, замѣтивъ направленіе нашей главной атаки, бросились, въ свою очередь, къ садамъ, какъ угрожаемому пункту; тогда на правый флангъ первой линіи были выдвинуты всѣ войска 2-й линіи. Артиллерійскій взводъ подѣхалъ на близкій картечный выстрѣлъ къ садамъ и открылъ огонь. Вслѣдъ затѣмъ начата атака. 3-я семирѣченская сотня обсакала сады, обѣ линейныя роты ворвались въ опушку, а вслѣдъ за ними обѣ стрѣлковыя роты заняли слѣва часть садовъ и строеній, тянувшихся почти до крѣпостной ограды. Таранчи бросились бѣжать изъ садовъ, неотступно преслѣдуемые нашими войсками; но когда наша крайняя правофланговая рота (3 рота 10-го баталіона) вышла изъ пересѣченной и

заросшей мѣстности на равнину, то сама была атакована непріятельскою кавалеріею; выскочившею изъ-за рощи. Чтобы отвратить угрожавшую правому флангу опасность, Колпаковскій приказалъ Каульбарсу, съ подоспѣвшею 3-ей семирѣченскою сотнею есаула Гринвальда и учебною казачьею командою сотника Ишервуда, взятою изъ конвоя, ударить на встрѣчу непріятельской конницѣ. Послѣ горячей схватки, въ которой Каульбарсъ получилъ ударъ пикою въ лицо и въ грудь и рану въ ногу ¹⁾, таранчи были опрокинуты и обратились въ бѣгство; тогда началось горячее преслѣдованіе, чѣмъ и окончилось дѣло нашего праваго крыла.

На лѣвомъ крылѣ боевой линіи разыгрался въ это время эпизодъ, принадлежащій къ числу интереснѣйшихъ въ цѣлой экспедиціи.

При обходномъ движеніи войскъ центра и лѣваго фланга, съ южнаго фаса крѣпости былъ открытъ учащенный ружейный огонь, который анфилировалъ нашъ наступающій фронтъ. Крѣпость Чинъ-ча-ход-зи, составляя правильный четырехугольникъ съ турбастіонами, имѣетъ стѣны двухсаженной толщины въ среднемъ основаніи и до 3-хъ саженъ вышины. Полагаясь на мужество войскъ и на податливость азіатской натуры передъ смѣлымъ натискомъ, Колпаковскій приказалъ Михаловскому остановить наступающіе три роты и, завернувъ ихъ правымъ плечомъ, вести на приступъ крѣпости.

Войска двинулись тремя колоннами: первая подъ начальствомъ майора Балицкаго, изъ 2-й роты 11-го баталіона, бросилась на восточныя ворота крѣпости, вторая, съ подполковникомъ Гоейромъ изъ стрѣлковой роты 12-го баталіона, устремилась на южныя ворота, а третья, подъ начальствомъ капитана Пичугина, направилась къ западнымъ воротамъ крѣпости. Всѣ три штурмовыя колонны ворвались одновременно въ крѣпость. Первая, осыпанная камнями и встрѣченная выстрѣлами, выбила двое воротъ и проникла въ городъ, вторая колонна, послѣ непродолжительной и горячей перестрѣлки, выломавъ ворота, ведущія въ самую крѣпость, штыками отбросила ея защитниковъ и овладѣла южнымъ фасомъ крѣпостной ограды; третья колонна, пройдя безъ выстрѣла вдоль западнаго фаса, до воротъ равелина, была встрѣчена здѣсь ружейнымъ огнемъ почти въ упоръ, но также разломала двое воротъ и, ворвавшись въ крѣпость, отбила два непріятельскія орудія (изъ нихъ одно было взято лично командиромъ роты поручикомъ Эманомъ). Толпа дунганъ, защищавшая артиллерію, была отброшена и положила оружіе.

Михаловскій, вслѣдъ за пѣхотою, ввелъ въ крѣпость орудія и казаковъ и приказалъ ударить сборъ. Замѣчательно, что разсѣявшіеся по городскимъ улицамъ войска тотчасъ же собрались. Не было произведено никакихъ безпорядковъ, исключая нѣсколькихъ

¹⁾ Несмотря на рану, офицеръ этотъ остался во фронтѣ.

грабежей, сдѣланныхъ пробравшимися въ городъ китайцами, сопровождавшими отрядъ. За подобное мародерство весь отрядъ китайскихъ эмигрантовъ на слѣдующій день былъ отправленъ назадъ, въ Борохудзиръ. Кромѣ похвальной дисциплины семирѣченскихъ войскъ, скорый сборъ объясняется еще и слѣдующими простыми соображеніями: крѣпость миниатюрна, всего въ половину кв. версты, улицы совершенно прямы и весьма широки, а это значительно облегчало и сборъ, и наблюденіе за порядкомъ. Ничего подобнаго не представляетъ сартовскій городъ, и потому ставить Чинъ-ча-ход-зи въ примѣръ на будущее время можно только при штурмѣ китайскихъ городовъ.

Оставивъ въ крѣпости необходимый караулъ и объявивъ перепуганному народу о пощадѣ, Колпаковскій вывелъ войска и расположилъ ихъ за крѣпостью, по Суйдунской дорогѣ. Городъ, только что взятый штурмомъ (въ 8 часовъ), уже черезъ два часа совершенно успокоился; городскія лавки были открыты, и торговцы продавали разную мелочь русскимъ, не иначе впрочемъ пропускаемымъ изъ лагеря въ запертую крѣпость, какъ по письменнымъ дозволеніямъ.

Дунгане, ожидавшіе, что имъ придется испытать участь, обыкновенно постигающую всякій, взятый силою городъ въ войнахъ азіатцевъ между собою, увидали на этотъ разъ неожиданное для нихъ снисхожденіе со стороны русскихъ. Смѣлость русскихъ войскъ и умѣренность ихъ послѣ побѣды повліяли и на крѣпость Суйдунъ, которая на другой день сдалась безъ выстрѣла. Въ доказательство того, какъ недовѣрчиво къ намъ относились сперва дунгане, можно указать, кромѣ упорной обороны, еще и на слѣдующій фактъ: лишь только войска овладѣли городомъ и въ улицы вѣхала артиллерія, загорѣлось какое-то строеніе. Солдаты наши, посланные для затупленія пожара, нашли въ домѣ 8 мужчинъ и женщинъ мертвыхъ или умирающихъ, съ распоротыми животами... Отъ умирающихъ узнали, что цѣлое дунганское семейство, не желая отдаваться въ плѣнъ, подъ вліяніемъ опиума, совершило надъ собою обычное китайское самоубійство и подожгло собственный домъ. Примѣръ подобнаго отчаянія, къ счастью, былъ единственный въ городѣ.

Въ дѣлахъ 18 іюня, при Чинъ-ча-ход-зи, разбитъ былъ вторично Абдрахманъ-казначи, имѣвшій до 5.000 войска въ полѣ, не считая гарнизона въ крѣпости. Трудно было совершенно точно опредѣлить численность этого гарнизона, потому что толпы плѣнныхъ дунганъ были отпущены къ своимъ семействамъ; но въ защитѣ крѣпости принимало участіе все мужское населеніе города, потому что между плѣнными, взятыми съ оружіемъ въ рукахъ, можно было встрѣтить и дряхлыхъ стариковъ и дѣтей.

Въ крѣпости найдено 45 заколотыхъ штыками труповъ; по всѣмъ окрестностямъ, гдѣ происходило дѣло, были разбросаны во множествѣ мертвыя тѣла, оружіе, порохъ и одежда бѣжавшихъ.

Трофеи наши состояли изъ двухъ орудій на лафетахъ (одно мѣд-

ное 6-ти-фунтовое, другое чугунное 3-хъ-фунтовое), одного лафетнаго фальконета и одного значка. Кромѣ того, на крѣпостныхъ веркахъ взято до 40 крѣпостныхъ ружей, а въ городскомъ складѣ найдено 6 чугунныхъ и мѣдныхъ орудій безъ лафетовъ, большое количество пикъ, шлемовъ, кольчугъ, луковъ, свинца, пороху, снарядовъ и т. п. Артиллерійскія орудія и свинецъ начальникъ отряда приказалъ взять съ собою, равно и шлемы, вслѣдствіе ихъ оригинальности, все же остальное приказано переломать и перетопить.

Съ нашей стороны, въ дѣлѣ 18-го іюня убито нижнихъ чиновъ 1; ранены 1 оберъ-офицеръ и 12 нижнихъ чиновъ; ушиблено камнями и контужено 1 оберъ-офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ.

XV.

Дѣло подѣ Суйдуномѣ.

19 числа, опять налегкѣ, отрядъ выступилъ въ 2 часа по полудни, по Суйдунской дорогѣ, которая не представила никакихъ затрудненій для движенія. Впереди слѣдовалъ авангардъ изъ сотни Гильде. За авангардомъ шли главныя силы, а за ними вагенбургъ, въ прикрытіе коего были назначены 2-я рота 10-го баталіона, 2-я Семирѣченская сотня и два орудія 1-й батареи.

Пройдя такъ называемое священное дерево, т. е. группу развѣсистыхъ деревьевъ, находящихся у самой дороги, Колпаковскій замѣтилъ на высотахъ постепенно разрастающіяся кучки всадниковъ, которые тотчасъ разсѣялись, когда на нихъ двинулась сотня Гильде. Съ занятыхъ высотъ открылась вся позиція непріятеля, встрѣтившаго появленіе русскихъ на высотахъ громкими криками; затѣмъ по всей линіи началась пальба, уже не столь энергичная, какъ наканунѣ, такъ какъ много ружей перешло въ наши руки.

Пользуясь мѣстностію, командовавшею непріятельскою позиціею, Колпаковскій рѣшилъ вести дѣло преимущественно артиллерійскою атакою и приказалъ выдвинуть два орудія 1-й батареи на высоты, а два орудія 2-й батареи на дорогу, которая ведетъ вдоль высотъ къ крѣпости Суйдунъ. За артиллерию расположились войска въ слѣдующемъ порядкѣ: на лѣвомъ флангѣ 1-я семирѣченская сотня и стрѣлковая рота 11 баталіона, на правомъ флангѣ стояла 3 семирѣченская сотня и сборная казачья команда, а лѣвѣе стрѣлковая рота 10 баталіона. Въ резервѣ, стоявшемъ по дорогѣ, за срединою боеваго порядка, остались стрѣлковая рота 12 баталіона и 4 орудія. Вагенбургъ съ прикрытіемъ далеко отсталъ на пути.

Когда мѣткій огонь нашей артиллеріи произвелъ свое дѣйствіе, и линія непріятеля замѣтно заколебалась, вся наша линія начала наступленіе. Взводъ 1-й батареи, спущенный съ высотъ, по разра-

ботанному саперами спуску, выѣхалъ на позицію, затѣмъ выска-
калъ на одну съ нимъ высоту и взводъ 2-й батареи.

Непріятель, думая воспользоваться малочисленностію войскъ,
успѣвшихъ спуститься съ высотъ, внезапно перешелъ въ наступленіе
и охватилъ наши фланги; Колпаковскій двинулъ роты 2-й линіи
впередъ, чтобы остановить непріятеля съ фронта, сотни праваго
фланга пустилъ на таранчей, обходившихъ насъ съ этой стороны,
а противъ обхода киргизской конницы слѣва и въ тылъ выдвинулъ
взводъ артиллеріи изъ резерва. Мѣры эти увѣнчались успѣхомъ.

Толпы непріятеля начали поспѣшно отступать, направляясь гу-
стыми массами къ юго-западному углу крѣпости. Вслѣдъ за бѣгу-
щими Колпаковскій направилъ войска уступами съ праваго
фланга; роты праваго крыла заняли опушку садовъ и наружный
рядъ строеній, а лѣвое крыло подвинулось къ крѣпости.

Крѣпостная ограда покрылась массами защитниковъ, которые,
однако, не открывали огня. Колпаковскій отправилъ къ нимъ одного
изъ взятыхъ въ Чинъ-ча-ход-зи дунганъ съ предложеніемъ сдачи;
послѣ непродолжительныхъ переговоровъ комендантъ спустился со
стѣны на веревкахъ и явился въ отрядъ; затѣмъ жители начали
сбрасывать со стѣнъ оружіе, и крѣпость сдалась безъ выстрѣла.

За бѣжавшимъ непріятелемъ двинута была вся кавалерія съ
двумя орудіями.

Кавалерія успѣла изрубить только нѣсколько отсталыхъ и взяла
нѣсколько плѣнныхъ.

Высланный ночью киргизскій разъѣздъ привезъ извѣстіе, что
непріятельское скопище, бросивъ лагерь, лежавшій въ 10 верстахъ
отъ Суйдуна, потянулось къ Баяндау.

Разбитое ополченіе, захвативъ всѣхъ, попавшихся ему по окрест-
ностямъ дунганскихъ поселянъ, перерѣзало ихъ и ушло ночью къ
Кульдѣ, бросая по дорогѣ своихъ раненыхъ, съѣстные припасы и т. п.

Непріятель имѣлъ подъ Суйдуномъ до 6.000 войска ¹⁾, но дѣй-
ствовалъ безъ энергіи, такъ что одна артиллерійская пальба и огонь
стрѣлковой цѣпи заставили его бросить крѣпкую позицію подъ Суй-
дуномъ.

Съ нашей стороны потери въ этомъ дѣлѣ не было.

На другой день утромъ (20 іюня) Колпаковскій имѣлъ въѣздъ
въ г. Суйдунъ и былъ встрѣченъ жителями хлѣбомъ-солью.

Въ крѣпости найдено одно мѣдное 6-ти фунтовое-орудіе, на ла-
фетѣ, и разнаго рода военная добыча, уступавшая, впрочемъ, по
количеству, захваченной въ Чинъ-ча-ход-зи.

Рядъ пораженій сломилъ, наконецъ, твердость султана Илійскаго.

¹⁾ Въ ночь на 19 число къ Абдрахманъ-казначи, отступившему отъ Чинъ-ча-
ход-зи, прибыли свѣжія подкрѣпленія изъ Кульджи и 1.500 охотниковъ, прибыв-
шихъ съ лѣваго берега р. Или.

Уронъ, понесенный его войсками въ дѣлахъ подъ Кетменемъ, Акъ-Кентомъ и Алимъ-ту, совершенный разгромъ его ополченія подъ Чинъ-ча-ход-ви и взятіе открытою силою этой важной для него крѣпости, наконецъ неудача подъ Суйдуномъ и сдача безъ выстрѣла второй значительной крѣпости произвели потрясающее дѣйствіе, какъ на султана, такъ и на его войска, которыя стали разбѣгаться.

Неосторожное проявленіе радости китайцами при извѣстіяхъ о нашихъ побѣдахъ вызвало ярость въ мусульманской части населенія Кульджи, и въ ночь на 21 число начались убійства. Нѣсколько сотъ китайцевъ, калмыковъ и дунганъ обоого пола были звѣрски умерщвлены. 21 числа войска наши только что выступили къ г. Баяндаю, какъ были встрѣчены посольствомъ, привезшимъ связаннаго по рукамъ и ногамъ Тазабека. На ночлегъ прибылъ въ лагерь и самъ Абиль-огля со свитою. Условились, что на другой день русскіе займутъ Кульджу, вооруженіе которой должно было быть сдано назначенному для того офицеру. Въ крѣпости найдено 57 мѣдныхъ и чугунныхъ орудій и 359 крѣпостныхъ ружей, 13 фальконетовъ и 9 большихъ знаменъ; кромѣ того, сданы были ключи отъ воротъ цитадели, литавры, трубы и сабли разныхъ сановниковъ.

Абиль-огля былъ отправленъ въ г. Вѣрный.

Всѣ окрестные жители спѣшили изъявить свою покорность, а 24 сентября прибыли даже депутаты отъ торгоутовъ ¹⁾ съ Юлдузскихъ горъ. Торгоуты приняты снова въ наше подданство. Къ 29 сентября до 20 сумуновъ (ауловъ) прикочевало уже въ долину р. Кунгесъ, а вскорѣ присоединились къ нимъ и остальные 34 сумуна.

Такъ кончилась предпринятая для защиты слабаго сосѣда Кульджинская экспедиція. Усмиренная Кульджа возвращена китайскому правительству. Хроника позднѣйшихъ военныхъ дѣйствій нашихъ въ Средней Азіи—Хивинскій походъ Кауфмана и Текинскія экспедиціи, завершившіяся покореніемъ Ахаль-Текинскаго оазиса Скобелевымъ, — подробно изложена въ исторіяхъ этихъ походовъ: «Описание Хивинскаго похода» Лобысевича, 1898 г., и «Война въ Туркменіи» Гродекова, 1883 г. Событія, изложенныя въ настоящей статьѣ, ждуть своего историка. Россія еще разъ доказала свое безкорыстіе.

П. К.



¹⁾ Потомки бѣжавшихъ въ 1770 г. съ Волги калмыковъ.